

## ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ В ЭКОНОМИКЕ: ПЕРЕСМОТР МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЕФИМОВ ВЛАДИМИР МАКСОВИЧ,

доктор экономических наук,  
(Центральный экономико-математический институт АН),  
PhD (Женевский университет),  
независимый исследователь (Франция),  
e-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

*Тем, кто знали правила поведения различных участников рынка жилья в США, было достаточно просто распознать набухающий пузырь на этом рынке и предвидеть, что он неизбежно лопнет. А знать эти правила, кроме тех, кто непосредственно применял их на практике, могли только те, кто не гнушался непосредственными контактами с участниками этого рынка, например, в форме интервью. Если говорить более обобщенно, то социально-экономические регулярности проистекают из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определенными социально сконструированными правилами, и эти правила объясняются, обосновываются и запоминаются с помощью рассказывания себе и другим некоторых историй (stories). Приняв это утверждение, нужно согласиться и с тем, что для выявления социально-экономических регулярностей мы должны осваивать и анализировать эти истории. Современная экономическая наука не занимается изучением дискурсов экономических акторов и тем самым лишает себя способности понимать и прогнозировать экономические явления. Изучение дискурсов есть не отход от научных стандартов, заложенных в естествознании, а наоборот, приближение к ним, так как практически все социальные взаимодействия опосредуются языком. В статье предлагается альтернатива различным типам практикуемой в настоящее время институциональной экономики, а также таким направлениям современной экономической дисциплины, как поведенческая и экспериментальная экономика. В первой части статьи, которая была опубликована в журнале «Экономическая социология»<sup>1</sup>, характеризовались дискурсивная методология и ее современные применения к анализу экономических явлений. Публикуемая здесь вторая часть статьи посвящена дискурсивному анализу истории и современного состояния экономической дисциплины, и в ней осуществляется пересмотр «спора о методах» (Methodenstreit), а также обсуждаются профессиональные ценностные ориентации членов современного сообщества экономистов.*

**Ключевые слова:** институциональное знание сообществ экономистов; конструктивистский институционализм; институциональная, поведенческая и экспериментальная экономика; ценностные ориентации экономистов.

*For those who knew the behavioural rules of various participants in the U.S. housing market, it was quite easy to recognize the swelling bubble in this market and predict that it will inevitably burst. And the only ones who could know these rules, except those who directly apply them in practice, were those who did not hesitate to be in direct contact with participants of this market, for example under the form of an interview. Speaking more*

<sup>1</sup> Первую часть статьи см. в журнале: *Экономическая социология*. 2011. 12 (3). Май. ([http://ecsoc.hse.ru/data/2011/05/31/1234590204/ecsoc\\_t12\\_n3.pdf](http://ecsoc.hse.ru/data/2011/05/31/1234590204/ecsoc_t12_n3.pdf)).

*generally, the social-economic regularities result from the fact that people behave according to certain socially-constructed rules, and these rules are explained, justified, and kept in mind by telling themselves and others some stories. Taking this statement into consideration, we must agree with the fact that for the identification of social-economic regularities, we must explore and analyse these stories. Modern economics does not study the discourses of economic actors and thereby deprive itself of the ability to understand and predict economic phenomena. The study of discourse is not a deviation from the academic standards which are built into natural sciences, but rather an approximation to it, since almost all social interactions are mediated by language. The article offers an alternative to various types of currently-practiced institutional economics and modern economic discipline areas, such as behavioural and experimental economics. In the first part, which was published in the journal «Economic Sociology», a discursive methodology and its application to the analysis of contemporary economic phenomena were characterised. Here is published the second part of this article which is devoted to a discursive analysis of history and current state of economic discipline; the revision of «the dispute of methods» (Methodenstreit) is also carried out in this article, and the professional value orientations of the members of modern community of economists are discussed.*

**Keywords:** *institutional knowledge of the economists' community; constructivist institutionalism; institutional, behavioral and experimental economics; value orientations of economists.*

**Коды классификатора JEL:** B52, C91, D03.

## ЧАСТЬ II

### ИНАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Пародируя высказывание Маркса, можно было бы сказать: философы (или экономисты) только и делали, что преобразовывали мир; сейчас речь идет о том, чтобы его понять (Callon et Latour 1997, 45).*

На Первом Российском экономическом конгрессе (РЭК-2009) министр финансов Алексей Кудрин в своем выступлении обвинил экономистов в том, что они «проспали» кризис — не предупредили правительство, не заметили финансовых пузырей, просмотрели угрозы, связанные с негативными рисками<sup>2</sup>. Простым ответом на вопрос, почему это произошло, является указание на то, что экономисты занимаются не столько детальным изучением процессов, реально происходящих в экономике, сколько пытаются влиять на эти процессы. И нужно признать, что в этом они сильно преуспели. Вот что пишет по этому поводу французский экономист и социолог Ален Кайе: «Современный мир в значительной мере есть реализация мечты, пророчества и проповеди экономической науки. Иногда просто до кошмара. И каждый день это становится все вернее в масштабе планеты, когда ничто другое не рассматривается как реальность, кроме экономических и финансовых ограничений, кроме поиска личного материального обогащения. Перед лицом всего этого любая ценность, любое убеждение, любое действие, производимые ради них самих, просто ради удовольствия, всякое существование, которое не посвящено поиску полезности, — все это впредь кажется иллюзорным, недействующим, не стоящим усилий, бесполезным, нереальным» (Caillé 2007, 7). Эти слова взяты из вводной статьи Алена Кайе к французскому альманаху «*Revue du MAUSS*»

<sup>2</sup> Российская газета. 2009. 8 декабря. № 5058. (<http://www.rg.ru/2009/12/08/ekonomika-krizis.html>). — Здесь и далее примеч. автора.

(№ 30 за 2007 г.), который назывался «*Vers une autre science économique (et donc un autre monde)?*» («К созданию другой экономической науки (а тем самым и другого мира)?») и содержал манифест «*Vers une économie politique institutionnaliste*» («К созданию институциональной политической экономии») (Caillé et al 2007, 37–47)<sup>3</sup>, а также ряд статей на эту тему. Я предлагаю читателю этих строк произвести эксперимент. Замените, пожалуйста, в названии этого номера альманаха слово «экономическая» на «физическая» или «химическая». Выходит, что, создав другую физическую или химическую науку, вы надеетесь сотворить другой мир, а это абсолютно нелепо. Физика и химия изучают мир (в данном случае — природу, как она есть), а не пытаются изобрести новый. Естествознание поставляет знания о природе, а не о том, как ее преобразовать, это уже проблема не науки, а техники. Если нет знаний о том, как действительно функционирует природа, то попытки ее преобразования путем разработки *без этих знаний* теории такого преобразования были бы обречены на неудачу. Общественные (социальные) науки, в том числе экономическая наука, должны также изучать мир, в данном случае — общество, *как оно есть*, поставляет знания позволяющие понимать социально-экономическую реальность, функционирование и развитие социально-экономических систем. Если эти знания есть, то есть и шанс разработать исходя из них, предложения по социально-политико-экономическим преобразованиям (реформам). Если таких знаний нет или они поверхностны, то такие преобразования неизбежно приводят к самым неожиданным негативным, а нередко и катастрофическим последствиям. Двадцатый век дает нам много примеров таких неудач. Продолжим эксперимент. Если заменить в этом названии номера альманаха слова «экономическая наука» на «социально-экономический проект», то все встанет на свои места.

Почему же экономисты занимаются не столько детальным изучением экономической реальности, сколько пытаются повлиять на нее? Насколько мне известно, социология экономического знания до сих пор не ставила перед собой этот вопрос. Она была занята ответом на другой важный вопрос: «Как экономическая теория (экономикс) и сообщество экономистов в качестве носителя этой теории *вливают на экономическую реальность?*» (Lebaron 2000; Leeson 2000; Steiner 2001; MacKenzie 2006; MacKenzie, Muniesa and Siu 2007; Шматко 2003; 2004a; 2004b; 2005; 2007)<sup>4</sup>. В отличие от конструктивистской социологии знания (с такими ее крупными представителями, как Дэвид Блур (2002) и Брюно Латур (2002)), нацеленной на понимание процессов *производства и распространения* знания, социология экономического знания в настоящее время изучением производства и распространения экономического знания не занимается. В этой части статьи я попытаюсь проанализировать эволюцию систем производства и распространения экономического знания, а также произвести анализ их сегодняшнего состояния, что даст мне возможность ответить на поставленный выше вопрос. Мой анализ основывается на историко-социологических исследованиях экономической профессии Боба Коутса (Coats 1993) и Марион Фуркад (Fourcade 2009)<sup>5</sup> и может, вероятно, рассматриваться как их конструктивистское развитие.

<sup>3</sup> Перевод этого манифеста на рус. яз. см.: *Экономическая социология*. 2008. 9 (3). 17–24. (<http://www.ecsoc.hse.ru/issues/2008-9-3/index.html>).

<sup>4</sup> Исключением является книга: (Steiner 1998).

<sup>5</sup> Выводы, которые делаю я в результате анализа эволюции экономической профессии в США, иногда расходятся с выводами Марион Фуркад, и происходит это, на мой взгляд, в основном потому, что вне ее поля зрения при рассмотрении этой эволюции остался дискурсивный подход к исследованию, который практиковал со своей висконсинской школой Джон Коммонс.

Сначала, в разделе II.1, я прослежу эволюцию экономикс, обратив особое внимание на период ее институционализации на пересечении XIX и XX вв. Затем, в разделе II.2, я кратко охарактеризую историю Новой исторической школы Густава Шмоллера в Германии и Висконсинского институционализма Джона Коммонса в США — двух направлений экономической мысли, которые сейчас можно было бы назвать конструктивистским институционализмом. В этом же разделе статьи я попытаюсь ответить на вопрос, почему два вышеназванные направления, которые положили начало применению дискурсивного подхода в обществознании, в XX в. не получили развития. В двух первых разделах этой второй части статьи речь пойдет не о традиционной истории экономических учений, а об институциональной истории школ экономической мысли. Если традиционная история экономической мысли отталкивается от традиционного представления о научном исследовании (см. рис. 1 в разделе I.1)<sup>6</sup>, то анализ институциональной истории я проведу на основании его конструктивистского рассмотрения (см. рис. 2 в разделе I.1). В этом случае идеи, производимые экономистами, ставятся в прямую зависимость от характера контактов экономистов с объектом их исследования, то есть от характера экспериментальных ситуаций, в которые экономисты были погружены, а также от сообществ «судей», имеющих решающее влияние на судьбу этих идей и теорий. Институциональная история направлений экономической мысли неизбежно принимает во внимание зависимость динамики академического производства от пройденного пути, то есть по существу сводится к применению эволюционного институционального анализа. При этом я буду использовать конкретные исторические данные, почерпнутые из самых разнообразных источников. В институциональной истории экономической профессии изучаются не только и не столько произведения (теории и (или) идеи) экономистов, сколько правила (формальные и неформальные) функционирования сообществ академических экономистов, а также убеждения (идеи и ценности), разделяемые членами этих сообществ относительно своей профессии. Все это, характеризуемое как институциональное знание сообществ экономистов, составляет мотивационную динамику их институционализированного поведения (*Бергер и Лукман 1995, 109–113*). В разделах II.3 и II.4 будет проанализировано современное состояние экономической дисциплины как продолжение ее истории, рассмотренной в предыдущих двух разделах. При этом я буду опираться на свой почти 30-летний опыт включенного наблюдения за сообществами академических экономистов. Мой анализ института экономической дисциплины призван показать, как и почему сложилась и продолжает устойчиво существовать экономическая дисциплина, которая не выполняет своей социальной функции понимания и предвидения экономических явлений. Если в первой части статьи я предлагал экономистам в своих исследованиях следовать социологической традиции интеракционизма (*Blumer 1969; Denzin 2001*)<sup>7</sup>, то во второй ее части я сам следую этой традиции в своем анализе института экономической науки.

## II. 1. К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МЕЙНСТРИМА

Институциональная история экономической мысли является историей профессиональной деятельности экономистов (публикация статей и книг, преподавание экономических дисциплин в высших учебных заведениях и участие в научных конференциях и семинарах), которая протекает в рамках определенных правил, связанных с определенными убеждениями относительно характера деятельности

<sup>6</sup> В статье принята сквозная нумерация рисунков. — Примеч. ред.

<sup>7</sup> Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века. М.: ИНИОН РАН, 2002.

академических экономистов. Правила эти касаются преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также работников академических институтов. Правила института экономической науки (дисциплины) создают рамки для разработки учебных планов и программ, а также для организации экзаменов. Они определяют процедуры и направления исследований, критерии для публикации статей в научных журналах. Эти правила включают также формальные и неформальные нормы функционирования профессиональных организаций экономистов, например, таких как Американская экономическая ассоциация (*American Economic Association*) или недавно созданная в России Новая экономическая ассоциация. Убеждения, которые лежат в основе правил функционирования сообщества академических экономистов, выражаются в тех или иных ответах на такие вопросы, как: Что такое научное исследование? Какова цель научного исследования? Что нужно изучать? Как нужно изучать? Какую форму должен принять результат исследования? Ответы на эти вопросы вместе с формальными и неформальными правилами поведения, на них основанными, и составляют институциональное знание профессии экономистов. Кандидаты для принятия в эту профессию приобретают большую часть этих знаний во время подготовки и защиты диссертаций, что для многих протекает в рамках обучения в аспирантуре. Если кто-то становится членом профессии и не обладает этим знанием или отказывается следовать его предписаниям, то рано или поздно он будет отброшен профессией.

Далее в этом разделе статьи я попытаюсь обосновать точку зрения, согласно которой современная экономическая профессия функционирует на основании институционального знания, берущего свое начало в институте средневекового европейского университета и центральной дисциплины, преподаваемой в нем, — теологии. Во время институционализации политической экономии в Великобритании и США в конце XIX в. к этим двум источникам было присоединено метафорическое перенесение математических конструкций термодинамики в экономическую дисциплину (см. рис. 3). Очевидно, что такой институциональный багаж не мог привести профессию экономистов к познавательным успехам, которые хоть в какой-то степени были бы близки по их социальной значимости успехам естественных наук.



Рис. 3. Источники институционального знания, на котором основана современная экономическая профессия

Институт экономической науки возник в рамках и под влиянием института университета, и профессия академического экономиста была создана как профессия университетского преподавателя и остается во многом таковой и по сей день. Университеты возникают в XIII в. и на протяжении нескольких столетий являются чисто образовательными учреждениями, подчиненными церкви и государству (*Charle and Verger 2007, 13*). Базовыми предметами, которые преподавались в университетах, были

латынь, риторика, логика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, а венцом обучения была теология. В качестве прикладных дисциплин выступали право и медицина. Возникновение университетов было связано с тем, что *Католическая церковь, гражданские власти и правящие классы* нуждались в образованных людях для ведения своих дел (*Charle and Verger 2007, 8–9*). Первые университеты, будучи ассоциациями, тем не менее сильно зависели от поддержки светских властей, то есть короля, но решающей была поддержка со стороны пап (*Charle and Verger 2007, 15*), и очень скоро университеты практически полностью подчинились церкви.

В XIV и XV вв., официально оставаясь учреждениями церкви, университеты все больше и больше подпадали под контроль городов и государств, ожидавших от них, с одной стороны, подготовки грамотных и компетентных юристов для различных административных органов, а с другой — разработки национальной и монархической идеологии, которая сопровождала рождение современного государства. В обмен на потерю автономии университеты получали всевозможные выгоды, в том числе выплату государством заработной платы профессорам, и стали выполнять отведенную им роль обучения будущих элит, а также поддержания и укрепления установленного общественно-политического порядка (*Charle and Verger 2007, 19*). Каждый университет имел все или некоторые из четырех факультетов — искусств, медицины, права, теологии. Изучаемые дисциплины по существу остались те же, что и в XIII в. Искусства делились на искусства слов и знаков (грамматика, то есть латынь, риторика, диалектика) и искусства вещей и чисел (арифметика, музыка, астрономия, геометрия). Точные науки преподавались в старых рамках, зафиксированных Аристотелем и Птолемеем (*Charle and Verger 2007, 33*). Обучение медицине основывалось на древнеримских источниках. На факультете права акцент делался на преподавании церковного права, нацеленного на усиление папской власти. Высшей дисциплиной была теология, в рамках которой, с одной стороны, изучалась и интерпретировалась Библия, а с другой стороны — изучалась собственно теология, находившаяся в то время под влиянием философии Аристотеля (*Charle and Verger 2007, 26*).

В целом вся система университетского средневекового образования носила сугубо схоластический характер. Университеты сохранили вплоть до XVIII в. устаревшее обучение, основанное на средневековых авторитетах и источниках (*Аристотель в философии, Петр Ломбардский в теологии, Кодификация Юстиниана в праве, Гиппократ в медицине*), и полностью игнорировали новаторские течения, рожденные вне университетов. К ним относятся учения Декарта и Ньютона, философия Просвещения, новое право и даже новые интерпретации в теологии. Правительства и церкви в XVIII в. поручали университетам стоять на страже единомыслия и бороться со всякого рода отклонениями от него. Так, Сорбонна блюла интересы абсолютизма и Католической церкви, а Кембриджский и Оксфордский университеты были непосредственно связаны с Англиканской церковью<sup>8</sup>. *Универ-*

<sup>8</sup> «В Оксфорде и Кембридже наукой занималась в основном аристократическая элита, чуждая практике и не имевшая сколько-нибудь заметных побуждений к исследованиям. Здесь продолжал существовать средневековый университет, находившийся под управлением церкви, что сказывалось в монастырском образе жизни (*college-system*) и в отсутствии принципиального признания свободы науки. Исследования, в свою очередь, были делом гражданского общества, которое частным образом заботилось об их финансировании и обнародовании, а также сферой деятельности академии (*Royal Society*). Во Франции же после 1806 г. 22 бывших университета страны были понижены до уровня специальных школ, управляемых и координируемых институтом, который назывался «Императорский университет». Не «учащая наука, а преподающее государство» использовало здесь университеты. Исследования были исключены из университета в пользу государственного учебного плана и достались в удел академии. Эта французская модель уже в начале XVIII века под влиянием Лейбница была перенесена в Россию Петром Великим и до сих пор определяет советскую и восточноевропейскую сущность университета» (*Шнедельбах 2002 (1991), 67–68*).

ситетский диплом служил свидетельством определенной социальной принадлежности, знаком лояльности установленному политическому порядку. Настоящее образование приобреталось вне университета, в семье, в салонах, путем прослушивания частных лекций, чтения книг, а также непосредственно на практике в начале карьеры (Charle and Verger 2007, 56). Если некоторые университетские преподаватели или студенты и входили в число ученых и мыслителей этой эпохи, то делали они свои открытия и разрабатывали свои труды вне университета. Институтами, в рамках которых эта деятельность осуществлялась, в то время были академии и научные общества, а также кабинеты богатых любителей науки (Charle and Verger 2007, 53–54). Естественные науки возникли вне университетов и оформились как институт также вне их. Рождение этого института может быть связано с возникновением в 1662 г. Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (*Royal Society of London for Improving Natural Knowledge*), которым была заложена культура естествознания, благодаря которой кардинальным образом изменилось материальное положение человечества. Эта культура пришла в университет первоначально в Германии. В 1810 г. в Берлине был основан университет, который под руководством Вильгельма Гумбольдта в значительной степени порвал со многими традициями института средневекового университета. Этот университет стал первым так называемым исследовательским университетом, то есть одновременно учебным и исследовательским учреждением.

В Великобритании и США XIX в. университеты, в отличие от Германии, еще не стали исследовательскими, и институционализация экономической науки в этих странах произошла в рамках университетов, несущих на себе многие черты средневековых. «Естественные науки были введены в британское университетское образование достаточно поздно, не ранее 1880-х годов», господствующее положение в ней на протяжении всего XIX в. занимала математика, которая рассматривалась как классическое наследие Древней Греции и Рима (Fourcade 2009, 149). В этой интеллектуальной атмосфере связь дисциплины с математическим методом, а не с экспериментальным была решающим признаком научного характера дисциплины. Для того чтобы заслужить такую характеристику, британские экономисты пошли по пути «последовательного исключения индуктивных и исторических элементов курса политической экономии, приведшего к господству дедуктивного метода» (Fourcade 2009, 149).

В США ситуация была аналогична британской. Гарвардский университет основали в 1639 г. как Гарвардский колледж, ориентированный на обучение пуританских священников. Университетское образование в Америке в первой половине XIX в. «было нацелено на обучение набожности и дисциплине», «первые учебники политической экономии были написаны священнослужителями» и «распространенным было религиозное понимание экономической деятельности». В соответствии с этим пониманием «капитализм и законы политической экономии были в гармонии с Законом Божиим» (Fourcade 2009, 64). Такого типа экономическая теория всячески приветствовалась американскими бизнесменами, которые в конце XIX века все больше и больше заменяли священнослужителей в университетских попечительских советах: «Руководство университетов (президенты и члены советов) часто благоволили экономической теории как «гражданской религии» и видели в ней продолжение старых курсов по нравственной философии»<sup>9</sup> (Fourcade

<sup>9</sup> Такое видение экономической науки характерно не только для прошлого. Некоторые современные экономисты, в том числе и лауреаты Нобелевской премии по экономике, открыто призывают сообщество академических экономистов к содействию в создании «гражданской религии»: «Эта книга представляет собой выражение надежды на то, что мы находимся на пути к зарождению новой «граждан-

2009, 66). В то время предмет нравственной философии включал натуральную, или естественную, теологию (естественное богословие), этику, юриспруденцию и политическую экономию (Хайлбронер 2008, 52). Сам Адам Смит читал курс нравственной философии в Университете Глазго, однако он не оставил нам текста своих лекций. Что из себя представлял курс нравственной философии в Великобритании того времени можно увидеть, читая учебник 1785 г. Уильяма Пейли «*Principles of Moral and Political Philosophy*» («Принципы нравственной и политической философии») (см.: (Paley 2003)). Уильям Пейли (1743–1805) преподавал в Кембриджском университете курс по Новому Завету, а также курс нравственной философии, который и послужил основой для написания учебника. Пейли известен прежде всего как теолог. В своей книге «*Natural Theology*» («Натуральная теология», или «Естественное богословие», 1802 г.) (Paley 2006) он утверждал, что подобно тому, как сложный часовой механизм предполагает существование создавшего его часовщика, так организованность и целесообразность, царящие в мире, подтверждают существование великого Творца — Бога. В своих «Принципах нравственной и политической философии» Пейли по-существу применяет тот же подход и к этике, юриспруденции и политической экономии. В центре его дедуктивных конструкций стоят Бог и гипотеза о том, что после смерти каждый будет наказан или вознагражден в соответствии с тем, как вел себя в этой жизни. Кейнс назвал Пейли «первым кембриджским экономистом» (Keynes 1951, 91).

Тонкий знаток и истории экономической мысли, и экономической истории Роберт Хайлбронер иронизирует по поводу основной идеи «Богатства народов»: «Если общественная жизнь Англии конца XVIII века и наводила на какие-либо мысли, то уж точно не о разумном устройстве или нравственной цели» (Хайлбронер 2008, 52). «Богатство народов», как известно, не единственное сочинение Смита. За 17 лет до публикации этого главного произведения Смита в свет выходит его книга под названием «*The Theory of Moral Sentiments*» («Теория нравственных чувств») (Smith 1997). Благодаря Шумпетеру абсолютно разное видение человека в этих двух произведениях Смита получило название «проблема Адама Смита» («*Das Adam-Smith-Problem*»). В ранней книге Смита человек наделен моралью; если он и стремится к богатству, то не столько для повышения своего благосостояния, сколько для того, чтобы быть признанным другими членами общества, что совсем не похоже на экономического человека «Богатства народов». Задолго до Шумпетера французский мыслитель конца XIX — начала XX вв., Габриэль Тард, в своей книге «*Psychologie Économique*» («Экономическая психология») формулирует проблему Адама Смита следующим образом: «Удивительно то, какую малую роль играет психология в экономических писаниях Смита, и полное отсутствие в них коллективной психологии. Однако это он, Смит, первым изучал симпатию как источник и основу межумственной психологии. Как случилось так, что он не почувствовал ни необходимости, ни возможности использования своих тонких замечаний, которые делал относительно взаимного стимулирования чувствительности одних другими для объяснения экономических отношений людей?» (Tarde 1902 (1), 135). В этой же работе Тард предлагает такое теологическое решение

---

ской религии» — религии, которая отчасти возвратит нас к характерному для XVIII в. скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на правилах, ограничивающих деятельность правительств, а не на инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. Наша нормативная роль, как философов-обществоведов, состоит в том, чтобы придать определенную форму этой гражданской религии» (Бреннан и Бьюкенен 2005, 262). Сейчас, после погружения мира в экономический кризис, вызванный дерегуляцией экономики, эти слова звучат воистину зловеще.



проблемы Адама Смита: «Можно понять, что человек, так расположенный видеть божественного художника за картиной человеческих событий и божественную мудрость за любым человеческим безумием, мог без всякой горечи смотреть на эгоизм и себялюбие как на качества наделенных священной функцией создавать и укреплять социальную гармонию. Так, когда он (Смит) основывал всю политическую экономию на этом принципе и сводил *экономического человека* к интересу, абстрагируясь от всякого чувства привязанности и самоотверженности, для него это было не результатом эпикурейской и материалистической концепций, а наоборот естественным следствием его набожности и веры в Бога. За человеком-эгоистом стоял благодетельный Бог, и апология эгоизма первого была, по правде говоря, не чем иным, как гимном в прозе бесконечной доброте второго» (*Tarde 1902 (1), 137*)<sup>10</sup>. Это и стояло за концепцией «невидимой руки» Смита, а его последователи просто негласно заменили богом-рынком предполагаемого Бога.

Профессор экономики Манитобского университета Энтони Уотерман считает, что на протяжении XVIII в. «Богатство народов» читалось студентами Кембриджского университета скорее как «Натуральная теология», а не как ньютоновские «Математические начала натуральной философии». Проведя дискурсивный анализ «Богатства народов», он констатирует, что термин «природа» и производные от него слова используются Смитом аналогично тому, как в традиционных теологических текстах применяются слова «Бог» и «божественные законы» (*Waterman 2004, 88–106*). Если поставить перед собой задачу кратко охарактеризовать светскую религию, которой служит современная западная экономическая наука, то это можно было бы сделать, наверное, следующим образом: Богом в этой религии, безусловно, выступает Рынок. В соответствии с ней Рынок, с одной стороны, обеспечивает наивысшее материальное благосостояние общества, а с другой — служит гарантом свободы и демократии. Законы<sup>11</sup> рынка представляют собой слово Божье, и игнорирование их людьми неизбежно приводит к Его гневу с соответствующими негативными для них последствиями (кара Божья). Гэри Беккер пытается убедить нас, что бог-рынок присутствует и правит во всех сферах нашей жизни, включая политику и семью (*Беккер 2003*). Верующие в этого бога видят деятельность не только предпринимателей как максимизаторов своих доходов, но также и ученых, писателей, художников и других представителей творческих профессий. Что касается наемных работников, то их поведение объясняется как совокупность операций обмена и потребительского выбора, максимизирующего их функции полезности. Наконец, бог-рынок не терпит вмешательства государства, по крайней мере, в неоспоримую область своей компетенции — экономическую сферу, и оставляет ему роль ночного сторожа. Эта религия следует протестантской традиции, в соответствии с которой спасение достигается без помощи церкви и ее служителей; в то же время эта религия, в отличие от коммунистической, не является атеистической и терпимо относится к членству своих адептов в религиозных

<sup>10</sup> Цит. по: (*Latour and Lépinay 2008, 113–114*).

<sup>11</sup> Метафора «закон», взятая из юридической и религиозной практики, активно и, до недавнего времени, вполне успешно использовалась в естествознании. Природа рассматривалась как монарх или как Бог, который диктуют свои законы. Метафора была плодотворна до тех пор, пока системы, изучаемые науками о природе, были достаточно простыми. Применение этой метафоры в общественных науках, в том числе и в экономической, с самого начала плодотворным не было. Она вводила исследователей от реальности, ложно ориентируя их внимание. Бессознательно или осознанно, но и Адам Смит в «Богатстве народов», и Иосиф Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» апеллировали к понятию экономических законов, независимых от воли людей, не столько по причине следования естественнонаучной традиции, сколько, и прежде всего, с целью убедить читателя в естественности и неизбежности проповедуемого каждым из них определенного общественного порядка.

сообществах. Более того, протестантизм, по существу, хорошее дополнение к рыночной религии, с чем связана одна из причин необыкновенного успеха евангелизма в современном мире.

Хайлбронер характеризует современную экономическую науку следующим образом: «Вклад современной экономической науки в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он откровенно скуден <...>. Но если экономическая наука настолько уязвима, почему же она пользуется таким престижем? К сожалению, не исключено, что причина этого заключается именно в том, что в своей современной форме она неисторична, асоциальна и аполитична. Демонстрирующие олимпийское спокойствие теории выгодны в условиях любого социального порядка, но теория, сторонящаяся политики и социологии, может рассчитывать на особую благосклонность в рамках того общественного порядка, который гордится своим тесным родством с естественными науками. Природа самой этой привлекательности есть функция экономической науки, которой мы до сих пор не касались. Речь идет о ее *идеологической функции* (здесь и далее выделено мною. — В.Е.) — не узкой апологетике, сознательно служащей лишь собственным интересам, но *мировоззренческой системе из числа тех, что сопровождают и поддерживают все социальные порядки. Назначение подобных идеологических систем заключается в том, чтобы обеспечить моральную уверенность, которая есть необходимая предпосылка политического и социального душевного покоя как для господствующих, так и для подчиненных элементов любого социального порядка*. Несомненно, что этот душевный покой всегда имеет легкий оттенок сомнения или привкус лицемерия, но, в конце концов, социальные порядки всех уровней нуждаются в некотором своде знаний и убеждений, которые можно было бы при случае пустить в ход. В первобытных обществах были свои мифы или толкования природы, в командных системах — свое священное писание. Для капитализма эту функцию выполняет экономическая наука, и хотя это не единственная ее задача, но и выполняет она ее отнюдь не тривиальным образом» (Хайлбронер 1993, 53–54).

Задача, о которой говорит Хайлбронер, решалась на протяжении всего XX в. на базе «достижений» так называемой маржиналистской революции, героями которой были Уильям Дживонс, Леон Вальрас и Карл Менгер<sup>12</sup>. Как блестяще показал Филип Майровски, неоклассическая теория есть не что иное, как переинтерпретация математических конструкций термодинамики середины XIX в. По его мнению, «маржиналистскую революцию» следовало бы переименовать в «маржиналистскую аннексию»: «Неоклассическая экономическая теория присвоила себе целиком физику середины XIX века: полезность была переопределена так, чтобы занять место энергии» (Mirowski 1988, 17). Знание хронологии событий и анализ трудов и биографий «героев» позволили Майровски понять одновременность «открытия» неоклассической экономической теории 1870-е и 1880-е гг.: «Мнимая тайна рассеивается после того, как становится понятным, что физика энергий проникла в некоторые учебники к 1860-м гг. и быстро стала основной метафорой обсуждений в физическом мире. Не случайно, несмотря на совсем различные культурные и социальные влияния на европейских прародителей неоклассической теории, все они получили образование в области естественных наук. Влияние этого образования на их экономические писания совсем не было особенно тонким, и выявить его не представляет труда» (Mirowski 1989, 217). Таким образом, возникновение неоклассической теории нужно рассматривать не как какое-то открытие в области эконо-

<sup>12</sup> По мнению Филипа Майровски, Менгер не является соавтором маржиналистской революции. (Mirowski 1989, 259–261).

мической науки, а просто как совершенно произвольное наложение на социальную реальность аналитических построений, взятых из совершенно иной, ничего с ней общего не имеющей, области знания (*Carlson 1997*).

Здесь уместно небольшое, всего в один абзац, отступление от последовательного изложения институциональной истории мейнстрима. Обратимся сначала к середине XX в., потом к его концу и началу XXI в. На протяжении более 50 лет центральной фигурой в экономической теории мейнстрима был Пол Самуэльсон. Он продолжил метафорическую практику, начатую Джевонсом и Вальрасом. Также как Вальрас, он получал советы, помогающие ему в построении и анализе своих моделей, от специалиста по термодинамике (*Самуэльсон и Барнетт 2009, 203*). В книге «*Foundations of Economic Analysis*» («Основания экономического анализа» (*Самуэльсон 2002*), опубликованной впервые в 1947 г., Самуэльсон часто ссылается на ученых-физиков. Однако, по-моему, его метод работы можно рассматривать скорее как карикатуру естественнонаучного метода: «Его (Самуэльсона. — В.Е.) подход к теории, ярко проиллюстрированный в «Основаниях», вобрал в себя два правила, которые можно сказать служат отражением неоклассической экономики. Эти правила можно сформулировать следующим образом: 1) сократить число переменных и оставить лишь минимально необходимое количество простых экономических взаимосвязей; 2) если возможно, то переформулировать ее как проблему оптимизации с заданными ограничениями» (*Самуэльсон и Барнетт 2009, 191*). Моделируя экономических агентов как максимизаторов некоторой функции полезности Самуэльсон «надеялся быть способным предсказывать их поведение таким же образом, как физики предсказывали поведение физических объектов» (*Szenberg, Gottesman and Rarattan 2005, 21*)). Вот уже долгое время неоклассическая теория, существенный вклад в господство которой внес Самуэльсон, подвергается очень серьезной критике. Особенно эта критика усилилась после наступления экономического кризиса. В последние годы в сообществе академических экономистов циркулирует миф о якобы меняющемся в настоящее время лице мейнстрима. При этом называются такие его новые направления, как поведенческая экономика (*behavioural economics*), агентное моделирование (*agent-based modeling*), эволюционная теория игр (*evolutionary game theory*) и экспериментальная экономика (*experimental economics*). Все эти направления мы с той или иной степенью подробности рассмотрим в разделе II.3 данной статьи. Пока же лишь замечу, что все эти направления используют в том или ином виде то же самое, что и «первооткрыватели» неоклассической теории — произвольное наложение на социальную реальность аналитических построений, взятых из совершенно иной, ничего с ней общего не имеющей области знаний. Это касается, в частности, функции полезности.

Но вернемся в конец XIX в., когда осуществлялась институционализация экономической науки. Альфред Маршалл, взяв на вооружение построения Джевонса и Вальраса, стоял у истоков современного мейнстрима и был истинным архитектором института британской экономической науки, который послужил моделью сначала для США, а потом и для всего мира. Важнейшей чертой этого института было дистанцирование экспертов от «людей практики», то есть от акторов. Эта черта была очень характерна для британского сообщества профессиональных экономистов XIX в. Уже Джеймс Милль, отец Джона Стюарта Милля, говорил, что нет худшего авторитета в любой области политической экономии, чем «чисто практические люди» (*mere practical men*) (*Coats 1993, 402*). Маршалл также

сохранил в целостности традиционный для британской политической экономии абстрактно-априорный подход, четко сформулированный Дж. С. Миллем в статье «*On the Definition of Political Economy; and on the Methods of Investigation Proper to it*» («Об определении предмета политической экономии; и о методе исследования, свойственном ей», 1836) (Милль 2007б, 985–1023): «В определении науки политической экономии, которое мы попытались очертить, мы охарактеризовали ее как преимущественно *абстрактную* науку и ее метод как *априорный* метод (*the method a priori*). Таков без сомнения ее характер в понимании и учении всех наиболее известных выдающихся учителей. Рассуждения в ней производятся и, на чем мы настаиваем, должны производиться на основе предпосылок, а не на основе фактов» (Mill 1994, 56). Для Милля моделью для политической экономии служила геометрия, и невозможность применения экспериментального метода в этой науке он «доказывает», апеллируя к понятиям научного закона, причинно-следственных связей и полностью контролируемого эксперимента<sup>13</sup>. С другой стороны, интегрируя маржиналистскую революцию в свою экономикс, Маршалл сузил предмет экономической дисциплины, устранив из нее такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость (Coats 1993, 396).

Когда Маршалл в 1885 г. стал профессором политической экономии в Кембриджском университете, эта дисциплина в Англии находилась в удручающем состоянии. Репутация ее была низкой, в частности, из-за острых разногласий ведущих авторов в этой области. В университетах было мало возможностей для преподавания и исследований, политическая экономия занимала очень мало места в учебных планах, в которых «все еще доминировали античная классика и теология». Экономическая дисциплина практически не присутствовала в списке экзаменов, а преподавалась профессорами, чьи интеллектуальные интересы концентрировались на других дисциплинах (Coats 1993, 106). Маршалл разработал и ввел университетский унифицированный экзамен по экономической теории; таким образом, все студенты пропускались через чистилище неоклассической доктрины. Экзаменационная система по экономикс служила той силой, которая удерживала эффекты «дезинтеграции классической догмы» (Coats 1993, 120). Маршалл же ввел правило, в соответствии с которым к эмпирическим исследованиям допускались только студенты, имеющие уже степень бакалавра, и тем самым работа с данными канализировалась в соответствии с неоклассической теорией (Coats 1993, 111). Маршалл нарочито и успешно оберегал своих студентов от методологических разногласий, которые мучили экономистов его поколения, и способствовал возникновению духа непрерывности поколений, уважения и верности авторитетам прошлого. Половина экономических кафедр в Великобритании были заняты учениками Маршалла, а его влияние на систему экономического образования в этой стране простиралось еще шире (Coats 1993, 107–109). В течение четверти столетия он, без сомнения, мог влиять на большую часть назначений на должность преподавателей экономикс в Англии (Coats 1993, 121). Итак, в Великобритании конца XIX в. стараниями Маршалла был дан старт институту экономической науки, основанной на неоклассической экономической теории с ее абстрактно-априорным подходом. Практически в то же самое время (десятилетием ранее) в Германии стартовал институт *совершенно другой экономической науки*, которая, по существу, следовала естественнонаучной экспериментальной традиции. Такая экономическая наука в Великобритании не возникла, а в Германии ее конец непосредственно связан

<sup>13</sup> Изложенное в части I моей статьи делает здесь излишней полемику с Миллем по этому поводу.

с приходом к власти нацистов, после чего, в 1936 г., Союз социальной политики (*Verein für Sozialpolitik*)<sup>14</sup>, ее институциональное ядро, самораспустился.

Направленность британской традиции в политической экономии, а затем и в экономике на абстрактно-априорный подход выводится, как видно из изложенного выше, из глубоких *теологических традиций британских университетов*. Значительную часть своей долгой истории они были нацелены на подготовку *священнослужителей*, что не могло не наложить свой отпечаток. Сказывалось это и позже, на рубеже XIX и XX вв., когда британская экономическая наука начала процесс своей институционализации. Кратко проследим это влияние на центральное лицо в процессе институционализации — Альфреда Маршалла<sup>15</sup>. Отец Альфреда, кассир в Английском банке, будучи выходцем из клерикальной семьи, предназначал сына для пути священника протестантской церкви и с раннего детства заставлял его штудировать древние языки, в том числе и иврит, чтобы он мог читать в подлиннике священные тексты, однако Альфреду эти занятия не очень нравились, его влекла больше математика. Поступив в колледж Сент-Джон Кембриджского университета, Маршалл реализовал свои честолюбивые устремления, заняв второе место по математике, и тут же был принят в аспирантуру, где намеревался посвятить себя изучению молекулярной физики. Однако под влиянием дискуссий, имевших место в Кембридже, он довольно скоро изменил свои планы: «Его стремление изучать физику было (по его собственным словам) пресечено внезапным пробуждением в нем глубокого интереса к философским основаниям знания, особенно в связи с теологией. Когда Маршалл был на последнем курсе в Кембридже, предпочтение, которое он отдавал математике перед древними языками, отнюдь не помешало ему сохранить прежние религиозные верования. Он все еще думал о посвящении в сан и временами даже мечтал стать миссионером в далеких странах» (*Кейнс 1993, 7*).

Познакомившись с трудами Рошера, Маркса и Лассалю, «он решил ближе ознакомиться с практическим бизнесом и с жизнью трудящихся классов <...>, установить контакты с лидерами профсоюзов, кооперативов и других групп трудящихся. Однако понимая, что изучение практической жизни и труда людей не принесет конкретных результатов в течение многих лет, он решил заполнить это время написанием отдельной монографии или специального трактата о внешней торговле, так как основные факты относительно этой отрасли хозяйства можно почерпнуть из публикуемых документов <...> Роковым оказалось решение Маршалла отказаться от плана написать серию монографий по отдельным экономическим проблемам в пользу создания всеобъемлющего труда, который должен был родиться целиком и полностью в голове экономического кудесника» (*Кейнс 1993, 16–17*). Маршалл был сильным математиком, но слабым философом. В методологии он шел на поводу у Дж. С. Милля, а в области экономической науки развивал и синтезировал теории, которые были созданы до него (*Автономов, Ананьин и Макашева 2008, 256*). Молодой Альфред Маршалл оказался, по его собственным словам, «временным путешественником в стране сухих фактов», считая, что «изучение практической жизни и труда людей не принесет конкретных результатов в течение многих лет». Маршалл выбрал «богатый мир чистой мысли», так как английские университеты того времени были совершенно чужды научной экспериментальной

<sup>14</sup> Союз возобновил свою деятельность через 12 лет в ФРГ, однако это была по существу другая организация в другой стране. Военное присутствие США в ФРГ и СССР в ГДР, по моему мнению, определили типы экономических наук, существовавших в этих странах, а именно неоклассическую экономическую теорию в одной и марксистскую политическую экономию в другой.

<sup>15</sup> В качестве источника я использую в основном биографию Маршалла, написанную его знаменитым учеником; см.: (*Кейнс 1993*).

культуре, рожденной в естествознании. Выбор в пользу эмпирических исследований мог оказать негативное, а может быть и роковое влияние на его академическую карьеру. Безусловно, утилитаристские убеждения Дж.С. Милля<sup>16</sup>, а также его определение экономической науки как абстрактной, использующей априорный метод, сильно помогли ему в этом, легитимизируя такую позицию.

Роль Милля как виновника нынешнего положения экономической науки, ставшей, по существу, теологией некоей мирской религии, трудно переоценить. Это он в своей «Системе дедуктивной и индуктивной логики и связанными с этим взглядами на принципы очевидности и методы научного исследования» (*Милль 2011 (1843)*) усилил существовавшее с античных времен представление о дедуктивной и индуктивной логике как основы мышления. Сделав известной философию позитивизма Огюста Конта в англоязычном мире (*Милль 2007a*), Милль в то же время искажил ее, усилив уже существовавшие в ней картезианские черты (причинность, неизменные законы, невозможность сбора фактов без теории). Он создал теорию замены реальности моделью, отождествляя манипуляции с моделью с реальностью. Эту мысль он взял из классической физики, придав универсальность этому подходу, игнорируя, что в такой физике рассматривались простые системы, и даже для них отождествлению модели с реальностью предшествовал сложный комплекс взаимодействия наблюдений, экспериментирования и математического моделирования, а многие предположения были результатом наблюдений. Очень характерна известная фраза Ньютона, сказанная по этому поводу: «Гипотез я не выдумываю» (*«Hypotheses non fingo»*).

Однако не все британские экономисты — современники Маршалла пошли по пути, предначертанному Дж.С. Миллем. Среди них выделялся экономисторик Уильям Каннингем<sup>17</sup> (1849–1919). В статье «*Why had Roscher so little influence in England?*» («Почему у Рошера так мало влияния в Англии?»), опубликованной в журнале «*Annals of the American Academy of Political and Social Science*»<sup>18</sup>, он дает объяснение засилья в британской экономической науке априорно-абстрактного подхода. Причину этого Каннингем видит в том, что в основу институционализации экономической науки в Англии было заложено миллевское понимание этой науки. Хотя книги Рошера и Милля вышли в течение одного и того же десятиле-

<sup>16</sup> Дж. С. Милль в своей автобиографии рассказывает, какое решающее влияние произвели на него труды Иеремии Бентама: «На каждой странице (его трактата о законодательстве. — В.Е.) он открывал ясную и широкую концепцию того, какими должны быть человеческие мнения и институты <...> Когда я закрыл последний том его трактата, я стал другим человеком. «Принцип полезности» как его понимал Бентам <...>, стал краеугольным камнем, который соединил вместе разрозненные части моих знаний и верований <...> Сейчас у меня были вера, доктрина, философия, и, в самом лучшем смысле этого слова, религия, внушение и распространение которой могло бы стать основной зримой целью жизни <...> Я должен упомянуть также (его. — В.Е.) книгу «*The Influence of Natural Religion upon the Temporal Happiness of Mankind*» («Анализ влияния естественной религии на мирское счастье человечества»). Это было изучением не истины, а полезности религиозной веры, в самом широком смысле, вне частностей какого-то отдельного Откровения. Это была книга, которая, вслед за его трактатом о законодательстве, произвела на меня наибольший эффект» (*Mill 2008, 40–42*). О том, что в институциональной экономике противопоставляется утилитаристской философии Бентама см.: (*Коммонс 2007*).

<sup>17</sup> Многие труды этого автора были переведены на русский язык; см.: Каннингем У. (1898). Современная цивилизация в некоторых ее экономических проявлениях. Киев; Харьков: Ф.А. Иогансон; Каннингем У. (1899). Основные черты современной цивилизации. Харьков: В. Н. Головкин; Каннингем У. (1902–1903). Западная цивилизация с экономической точки зрения: В 2 т. М.: А.И. Мамонтов; Каннингем У. (1904–1909). Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и Средние века / Пер. с 3-го англ. изд. М.: С. П. Яковлев; Каннингем У. (1916). От чего зависит вздорожание жизни. Роль продавца и покупателя. Киев: П. И. Бонадурер, Ф. А. Иогансон.

<sup>18</sup> Очень показательно, что эта критическая статья была опубликована в США, а не в Англии, где у автора, по-видимому, были проблемы с ее изданием. Правомерность этой гипотезы будет видна из последующего изложения.

тия, они, по его мнению, дали совершенно разные направления развитию экономической науки в своих странах. Работа Рошера «*Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswissenschaft nach geschichtlicher Methode*» («Очерк политической экономии с точки зрения исторического метода», 1843 г.), как считает Каннингем, дала толчок истинной революции в экономической науке, поскольку именно немецкие экономисты стали «наблюдать и изучать реальные экономические условия общества в прошлом и настоящем, а не просто формулировать гипотетические принципы, которые только дилетант-лжеученый (*the sciolist*) способен превратить в готовые рецепты устранения любых недугов социальной жизни» (*Cunningham 1894, 318*). В отличие от немцев, уделявших большое внимание изучению прошлого, сбору данных, «Милль совсем не интересовался прошлым и сравнительно мало деталями современного опыта. Его взгляд был направлен в будущее <...>, в некоторое стационарное состояние, и это не стимулировало ни наблюдений, ни исследований» (*Cunningham 1894, 318*). В другой статье Каннингем критикует Маршалла, найдя много ошибок в анализе исторических явлений в его книге «*Principles of economics*» («Принципы экономической науки»), и указывает на методологический источник этих ошибок, а именно на попытку формулирования универсальных принципов, верных для всех времен и народов, ну и, конечно, в этом случае на экономическую историю очевидно смотрят просто как на иллюстрацию реализации этих принципов (*Cunningham 1892, 493*).

А вот как Каннингем описывает механизмы функционирования института экономической науки, сложившиеся в Великобритании конца XIX в.: «Те, кто выберут отказ от конформизма по отношению к моде, господствующей в сообществе, где они живут, должны ожидать изгнания из него, а тирания интеллектуальной моды еще более надменна, чем на Бонд-стрит и Сэвил-Роу.<sup>19</sup> Любой, кто отказался бы в Англии следовать экономической моде последних лет, должен был бы иметь много помех в проведении своих собственных исследований, а также в руководстве исследованиями других; учебные комитеты будут осуществлять по отношению к нему вездливый контроль, а редакторы и издатели рассматривать его рукописи с подозрением. Это естественная судьба тех, кто не плывет по течению. Английским экономистам — представителям реалистической школы не нужно жаловаться, когда им препятствуют в работе и каналы для публикации для их трудов закрыты» (*Cunningham 1894, 327*). Уильям Каннингем был не в состоянии как-то повлиять на учебный и исследовательский процессы в области экономики, и он нашел для себя убежище в дисциплине экономической истории.

В конце XIX в. профессионализация и связанная с ней институционализация экономической науки активно развивалась за океаном, в США. И здесь возникает уникальная и крайне интересная ситуация институционализации перенесенных из Европы в эту страну *двух образцов экономической науки*, английской и немецкой. В США в это время имеются два типа университетов. Во-первых, это университеты, доставшиеся США в наследство от колониального периода, когда территории, на которых возникла эта страна, были просто заморскими территориями Великобритании. Такие университеты естественно создавались по образцу британских университетов. Во-вторых, после обретения независимости в США возникают новые университеты, которые в XIX в. создавались сразу как исследовательские, имеющие в качестве образца немецкие. К первому типу относится Гарвардский универ-

<sup>19</sup> Две знаменитые торговые улицы Лондона. Бонд-стрит (*Bond Street*) известна с XVIII в. как улица элитарных бутиков и магазинов; Сэвил-Роу (*Savile Row*) находится в центре Лондона, здесь расположены ателье по пошиву высококачественной одежды.

ситет. Свое название, сначала как Гарвардский колледж, (1639), а затем и как Гарвардский университет (1780), он получил в честь молодого священника Джона Гарварда, который пожертвовал ему свою библиотеку из 400 книг и 779 фунтов стерлингов. Открытый в 1876 г. Университет Джонса Хопкинса (*Johns Hopkins University*) является первым американским университетом, созданным в соответствии с немецкой моделью исследовательского университета, связанной с именами Вильгельма Гумбольдта, Иоганна Фихте и Фридриха Шлейермахера. Читатель, наверное, уже догадался, какой университет станет цитаделью неоклассической экономики и какой откроет дверь для научного, основанного на опыте и эксперименте подхода в экономических исследованиях в Америке. После защиты диссертации в Германии, Ричард Эли (1854–1943) стал профессором Университета Джонса Хопкинса, где он пытался пропагандировать немецкий вариант экономической науки (*Ely 1884*)<sup>20</sup>.

Фрэнк Тауссиг (*Frank William Taussig*) (1859–1940) не был включен М. Блаугом в список «Сто великих экономистов до Кейнса» (*Блауг 2008*), однако такая оценка не соответствует влиянию этого человека на эволюцию институционализированной экономической науки в США, а так как после Второй мировой войны она стала доминировать на Западе, то, следовательно, такая оценка не соответствует и его роли в развитии этой дисциплины в мире<sup>21</sup>. Тауссиг окончил Гарвардский университет и проработал в нем профессором всю свою жизнь. Его рассматривают как «американского Маршалла», который благодаря своему положению в Гарвардском университете, своему знаменитому учебнику 1911 г. и контролю на протяжении 40 лет журнала «*Quarterly Journal of Economics*» (он был главным редактором журнала в 1889–1890 и 1896–1935 гг.) способствовал распространению Кембриджской версии неоклассики в Соединенных Штатах<sup>22</sup>. Тауссиг, за исключением двух лет (1917–1919), когда он служил советником в правительстве президента Вудро Вильсона, возглавлял почти 50 лет (1885–1935) кафедру экономики Гарвардского университета. Йозеф Шумпетер, который сменил его на этом посту включил Тауссига в число даже не 100, а 10 великих экономистов прошлого (*Шумпетер 2011, 265–305*). Характеризуя преподавательскую деятельность Тауссига, Шумпетер пишет: «Как когда-то Маршалл, он преподавал евангелие своего времени, никогда не выходя за его рамки и ничем не показывая его относительности <...> Как и Маршалл, базовые элементы теории Тауссиг взял у Милля» (*Шумпетер 2011, 287, 304*). Что касается деятельности Тауссига как главного редактора журнала, то «он хотел, разумеется, чтобы его журнал освещал актуальные проблемы, но он предпочитал статьи о тех проблемах, которые можно было обсуждать в свете общих экономических принципов» (*Шумпетер 2011, 296*).

Каков механизм доминирования мейнстрима в экономической профессии? Совершенно ясно, что куновская схема смены научных парадигм абсолютно не подходит для анализа динамики идей в сообществе академических экономистов из-за ее теологического характера. Скорее этому соответствуют идеи Пирса по поводу методов закрепления верований и убеждений<sup>23</sup>. Вот как он характеризует метод

<sup>20</sup> О судьбе Ричарда Эли речь пойдет в следующем разделе статьи.

<sup>21</sup> Косвенно значение Фрэнка Тауссига в экономической науке подтверждается современным переизданием многих из его книг, в том числе и его двухтомного учебника «*Principles of Economics*» («Принципы экономической науки»), увидевшего свет в 1911 г. и вновь выпущенного разными издательствами в 2000 и 2003 гг.. Далеко не все сто экономистов из списка Блауга удостоены такого внимания.

<sup>22</sup> См.: ([http://en.wikipedia.org/wiki/Frank\\_William\\_Taussig](http://en.wikipedia.org/wiki/Frank_William_Taussig)).

<sup>23</sup> Пирс выделяет следующие методы закрепления верований и убеждений: метод упорства (*tenacity*), метод авторитета, априорный метод и метод науки (*Пирс 2000а, 247–265; 2000б, 105–124*). Метод науки, по Пирсу, связан с логическими рассуждениями, основанными на хорошем запасе опытных данных (*Пирс 2000б, 118*).



авторитета закрепления определенного типа теоретизирования: «Создадим институт, цель которого состоит в том, чтобы привлечь внимание людей к правильным учениям, (будем) постоянно повторять их и обучать им молодежь, в то же время этот институт должен обладать силой, достаточной для того, чтобы предотвратить изучение, защиту и изложение противоположных учений. Устраним из представлений людей все мыслимые причины умственных изменений. Будем держать их в невежестве, чтобы они не научились думать иначе, чем они думают. Привлечем на свою сторону их страсти, так чтобы они относились к индивидуальным и необычным мнениям с ненавистью и ужасом. Запугаем и заставим замолчать всех тех, кто отвергает установленную веру <...> Этот метод с древнейших времен был одним из главных средств поддержания правильных теологических и политических учений и сохранения их универсального, или всеобщего характера» (*Purc 2000a*, 249–250). Конечно, таким институтом была средневековая Католическая церковь с ее инквизицией. Таким институтом было также Советское государство с его системой образования, средствами массовой информации и карательными органами. Но во многом таким же институтом был и сейчас остается институт экономической науки в США и Западной Европе. Преследования Ричарда Эли, которые очень подробно отражены в американской исторической литературе, служат хорошей иллюстрацией этого<sup>24</sup>.

В институте экономической науки метод авторитета проявляется в учебных планах и программах, в способе подбора студентов, правилах конкурсов на замещение вакантных должностей преподавателей-исследователей, системе публикаций статей в научных журналах, учебниках и научных монографий, в организации научных конференций, семинаров и школ. И действует этот институт по поддержанию главенства определенной экономической науки-теологии в западных университетах ничуть не менее эффективно, чем в прошлом в СССР действовал институт советской экономической науки, оставляя вне ее всех инакомыслящих и принуждая шагать в ногу под страхом вполне ощутимых кар тех, кто находится внутри него. Интересно отметить, что как представители академической экономической профессии (*Nelson 2001; Foley 2006*), так и представители академической теологической профессии (*Simons 1995; Braybrooke and Mofid 2005*) на Западе все больше и больше осознают, что они по существу занимаются родственными вещами.

Советским мейнстримом<sup>25</sup>, если можно так выразиться, была марксистская политическая экономия. Институт советской экономической науки, как и всего общественнознания, был важным элементом института советского государства и находился под непосредственным контролем ЦК, обкомов и райкомов КПСС и под неусыпным наблюдением КГБ. Советская экономическая наука в послевоенное время превращается под руководством Сталина в разновидность мирской (светской) теологии<sup>26</sup>. Марксизм-ленинизм служил в СССР официальной светской (мирской) атеистической религией. Связь русского коммунизма и православной

<sup>24</sup> Подробнее об этом пойдет речь в следующем разделе статьи.

<sup>25</sup> В последние два десятилетия существования СССР политической экономии социализма как мейнстриму стала угрожать неоклассическая система оптимального функционирования экономики (СОФЭ), которая имела все три указанные на рис. 3 источника своего институционального знания, а марксистская политическая экономия базировалась только на первых двух из них.

<sup>26</sup> Полагаю, что изучение Сталиным с восьмилетнего возраста в течение 11 лет теологии (шесть лет в Горьком духовном училище и пять лет в Тифлисской православной духовной семинарии), по которой у него в противоположность другим предметам были отличные оценки, не прошло для будущего «отца народов» даром. К.В. Островитянов, сыгравший вторую после Сталина роль в становлении советской политэкономии, безусловно, также хорошо знал методологию теологии, окончив в возрасте 20 лет Тамбовскую духовную семинарию.

традиции, в свое время правильно подмеченная Н. А. Бердяевым в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», облегчила введение в Советском Союзе этой новой религии. Помогли этому и православные традиции подчиненности Церкви государству и ее строго иерархической организации. Место Бога в этой религии занял коммунизм — светлое будущее человечества. Роль Церкви как института играла КПСС. Пророками были Маркс, вместе с Энгельсом, отцами этой церкви — Ленин и Сталин, священными текстами — произведения этих пророков и отцов. Церковные службы осуществлялись в виде идеологических собраний, в том числе партийных. Марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм), политическая экономия и научный коммунизм представляли собой теологию той религии<sup>27</sup>. Эта религия активно влияла на экономическую дисциплину на Западе, через западноевропейские коммунистические партии в частности. После ослабления, а затем и распада СССР, марксистки ориентированная экономическая наука практически полностью исчезает в западноевропейских университетах (*Pouch 2001*).

Во времена Адама Смита капитализм только возникал, буржуазия нуждалась в идеологии, которая направляла бы и представляла легитимной ее деятельность. Научнообразному формулированию такой идеологии на основе априорно-абстрактного подхода и способствовал Адам Смит<sup>28</sup>. Девятнадцатое столетие было веком бурного развития капитализма сначала в Англии, а затем и в других странах Запада. Вместе с буржуазией появляется и рабочий класс, положение которого было очень тяжелым. Морально и социально ответственные ученые-экономисты в Англии, Франции и особенно в Германии не могли относиться к этому безучастно. Карл Маркс, пришедший в экономическую науку из журналистики и политики, используя в основном тот же априорно-абстрактный подход, что и Смит, развивает идеологию противоположную капиталистическо-либеральной. Во второй половине XIX–начале XX вв. это не могло удовлетворить экономистов, тяготеющих к реальному, положительному изучению функционирования и эволюции институтов, в частности института частной собственности, прежде чем предложить пути их реформирования, а тем более низвержения. Такими экономистами были в Германии Густав Шмоллер, в Англии — Уильям Каннингем, во Франции — Франсуа Симиан, а в США — Ричард Эли и Джон Коммонс. Все они резко выступали против априорно-абстрактного подхода в экономической науке, а Шмоллер и Коммонс активно участвовали в разработке социально-экономических реформ<sup>29</sup>.

<sup>27</sup> Процесс формирования этой теологии в части политической экономии социализма очень хорошо описан в кн.: (*Касьян 2008, 209–226*).

<sup>28</sup> Смит «лично внес вклад в историю экономической науки и в доминирующее мировоззрение западного мира как выразитель идей свободной торговли, свободы предпринимательства, свободного движения людей и товаров, короче, как выразитель идеологии *laissez-faire* (невмешательство государства в экономику (*франц.*) — Ред.) и ничем неограниченного рынка. Некоторые могут сказать, что это совсем не то, что входило в его намерения. Без сомнения, полностью его намерения этим не отражаются, однако также нет сомнений в том, что это была важная часть его сложной проповеди. Назвать его рупором промышленной буржуазии было бы преуменьшить его значение, однако это было бы по отношению к нему не слишком несправедливо» (*Blaug 1986, 235*).

<sup>29</sup> Об Уильяме Каннингеми уже упоминалось выше. О других вышеназванных экономистах, кроме Франсуа Симиана (*François Simiand*) (1873–1935), речь пойдет ниже. К сожалению, этот оригинальный французский экономист-социолог начала XX в. остался изолированным у себя в стране и малоизвестным вне ее. Ближайший сотрудник Эмиля Дюргейма, ответственный за экономическую социологию, серия D (*Série D*), в его издании «*Annales sociologiques*», он проводил исследования в области заработной платы и денег. В своей достаточно объемной работе «*La méthode positive en science économique*» («Позитивный метод в экономической науке») (*Simiand 2006, 31–144*) он подвергает резкой критике абстрактный метод и практически отождествляет его с идеологическим методом (*Simiand 2006, 61–63*). Математическую экономику он характеризует как идеологическую конструкцию (*Simiand*

Для экономистов, и не только для них, очень характерно рассмотрение экономической науки не как деятельности, направленной на изучение и понимание действительности, а как деятельности, направленной на производство и обсуждение социально-экономических проектов<sup>30</sup>. Такой проект, главенствующий сейчас в западных школах экономической науки, — это усиленный в пользу собственников капиталов либеральный проект «Богатства народов». Он вызывает протесты со стороны не только левых политических сил, но и определенной части обществоведов. Интересно, что требования экономистов-гетеродоксов произвести реформу экономической науки часто превращаются в требование смены социально-экономического проекта, так как научная теория (а наука мыслится только как теория) отождествляется с неким социально-экономическим проектом. Социальные проекты нужны, их следует разрабатывать. Также как отдельный человек не может полноценно жить без мечты относительно его личной жизни, общество и его отдельные части (группы, классы) не могут полноценно существовать без социальной мечты, выражающейся в социально-экономическом проекте. Так же как в университете могут найти свое место теологии различных конфессий, в нем уместно иметь подразделения (например, кафедры), занимающиеся социально-экономическими проектами (либеральным, кейнсианским, марксистским, православным и т. д.). Но путать социально-экономический проект с наукой очень опасно, так как это неизбежно ведет к *вымышленным мирам*<sup>31</sup>, *смешению мечты и реальности*. Еще раз подчеркнем, что экономическая наука может и должна *поставлять информацию* для разработки различных социально-экономических проектов, *но не заниматься их разработкой сама, в противном случае она перестает быть наукой*<sup>32</sup>. Именно поэтому Густав Шмоллер, вступая в 1897 г. в должность ректора Берлинского университета, в своем программном докладе, посвященном экономической науке, утверждал, что экономистам, ориентированным на экономический либерализм или марксизм место не в университетах, а в политических партиях, дирекциях политических изданий, профсоюзах и союзах предпринимателей. По его мнению, они не могут быть полезными профессорами и занимать кафедры (*Schmoller 1998, 205*). В этом же докладе он противопоставлял развиваемую его школой экономическую науку как либеральной, так и марксистской: «Экономическая наука (*Volkswirtschaftslehre*) сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму и материализму. От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала превратиться в орудие класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений? связанных со стоимостью, изучает экономические институты, и помещает в центр (сердце) науки, не мир благ и капитала, а снова человека» (*Schmoller 1998, 202–203*).

---

2006, 103–113). В последние годы во франкоязычном мире интерес к его творчеству несколько активизировался (см.: (*Gillard and Rosier 1996; Frobert 2000*); некоторые его труды можно найти на сайте: (<http://classiques.uqac.ca>)).

<sup>30</sup> В этом случае экономическая наука рассматривается по существу как ответвление социальной или политической философии.

<sup>31</sup> Именно так, *les mondes imaginaires (фр.)*, *imaginary worlds (англ.)*, назвали французские студенты миры, в которые их погружают курсы микро- и макроэкономики (подробнее об этом см. в разделе II. 3 статьи). С содержанием протестного движения французских студентов и дискуссией, которую оно вызвало, можно познакомиться в: (*Fullbrook 2003; 2004; 2007*).

<sup>32</sup> Это не значит, что университетские и академические экономисты не должны заниматься конкретными практическими социально-экономическими или финансово-экономическими реформами, просто в этом случае они будут выступать уже не как исследователи, а как проектанты. Участие экономистов в реформаторской деятельности очень желательно, так как она будет стимулировать исследования, которые в свою очередь будут подпитывать проектирование реформ.

## II. 2. К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Нередко в дискурсах относительно экономической науки происходит смешение понятий нормативности и практической направленности. Так, неоклассическая экономическая теория нормативна, но не имеет практической направленности. Наоборот, новая немецкая историческая школа, возглавляемая Густавом Шмоллером, и институционализм Джона Коммонса не были нормативными, их даже часто обвиняют в том, что они чересчур описательны, но были непосредственно нацелены на социально-экономические реформы. На первый взгляд это может показаться даже парадоксальным. Однако такое соотношение нормативности и практической направленности в этих двух течениях экономической мысли легко объяснимо. Для того чтобы предложить *действительную реформу*, нужно хорошо знать *реформируемую действительность*, иначе имеется мало шансов на успех. Напротив, задача наукообразной проповеди определенной идеологии абсолютно не требует от экономической теории тесной связи с реальностью в виде ее практической направленности.

В конце XIX в., в начальный период своей институционализации, экономическая наука была тесно связана с наличием и обсуждением в обществе так называемого социального вопроса. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, вышедший в 1890–1907 гг., определяет этот термин следующим образом: «Социальный вопрос в узком смысле есть то же самое, что и «рабочий вопрос» в более широком смысле. Социальный вопрос может быть определен, как вопрос преобразования общественного строя в интересах тех классов, которые принимают главное участие в создании национального богатства»<sup>33</sup>. Классическая политическая экономия, а затем и неоклассическая экономикс, давала ответ на «социальный вопрос», обосновывая правомерность (естественность) капитализма и его справедливость, эффективность и, в конечном счете, выгодность для всех социальных слоев общества. Марксистская политическая экономия обосновывала способ решения социального вопроса путем низвержения капитализма. Как мы видели в предыдущем разделе, «обоснования» эти делались путем дедуктивных построений в рамках традиций нравственной и политической философии, тесно связанной с теологией. Формулирование как марксистского, так и либерального проектов не требовало изучения деталей функционирования существующей экономической системы, поскольку в первом случае речь шла о ее ликвидации, а во втором случае — о ее сохранении без каких бы то ни было изменений. Экономическая школа Густава Шмоллера была нацелена на другой вариант решения социального вопроса, а именно на проведение государством определенной социальной политики<sup>34</sup>, откуда и название немецкой ассоциации экономистов того времени — Союз за социальную политику. На мой взгляд, именно необходимость знания деталей и понимания функционирования системы, которую собирались реформировать, разработывая политику, нацеленную на социально-экономические реформы, привела Шмоллера к институционализму.

Институционализм шмоллеровской новой немецкой исторической школы был подхвачен в США, где собственно и родился термин «институционализм». Направленность немецкого институционализма на решение социального вопроса

<sup>33</sup> См.: ([http://ru.wikisource.org/wiki/Социальный вопрос и социальная политика](http://ru.wikisource.org/wiki/Социальный_вопрос_и_социальная_политика)).

<sup>34</sup> Мне думается, что сейчас этот термин понимается уже, чем во времена Шмоллера (см.: (Смирнов и Сидорина 2004)).

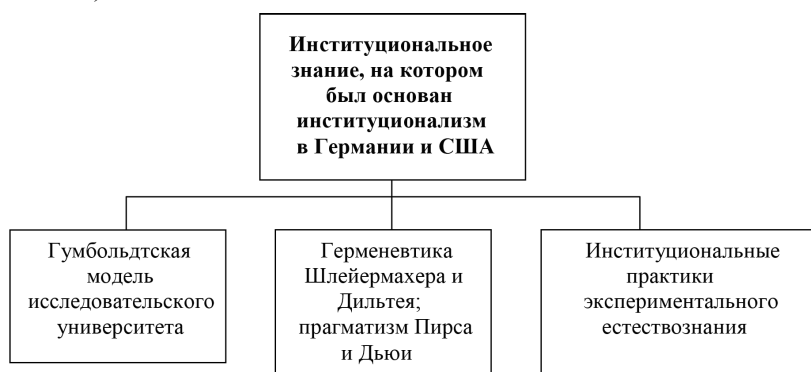
переформулируется в американском институционализме в виде его ориентации на необходимость социального контроля над бизнесом. Обеим школам успешно удалось способствовать частичному решению социального вопроса путем проведения исследований, практическим результатом которых было создание в Германии и США систем социального обеспечения. Однако один из источников существования социального вопроса, а именно нестабильность капиталистической системы хозяйствования, порождающая время от времени экономические кризисы со вспышками безработицы, так и не была исследована представителями этих школ, и возникает естественный вопрос «почему?». Хотя наверняка ответ должен быть многосторонним и не сводимым к объяснению какой-то одной причины, я думаю, дело в следующем: институционализм, как он практиковался школами Шмоллера и Коммонса, основывался по существу на дискурсивном подходе, что требует прямых контактов с акторами, и мой собственный опыт исследований на базе этого подхода показывает, что «капиталистические акторы» далеко не всегда готовы поделиться с исследователем правилами, которым они следуют, из-за возможной негативной моральной оценки этих правил. Известно, что под страхом революций на рубеже XIX и XX вв. правящие круги Германии и США разрешили и даже стимулировали исследования, направленные на решение социального вопроса, и можно предположить, что те же правящие круги были совершенно не заинтересованы впустить исследователей в святая святых капитализма, в область финансов. Ниша регулирования капиталистической экономики вместо институционализма была занята кейнсианством. Кейнс признал свою близость Коммонсу, написав ему в 1927 г., что «нет, кажется, больше ни одного экономиста, с чьим образом мысли я в общем находился бы в такой согласии» (*Скидельски 2005, 640*). Посткейнсианцы признают, что «экономические процессы упорядочены в большей степени благодаря институтам и конвенциональному поведению, а не рыночной координации» (*Dow 2001, 19*), однако из-за неприятия ими дискурсивного подхода в экономических исследованиях, это утверждение остается только добрым пожеланием. Институциональное знание, которое разделяют посткейнсианцы, является во многом тем же самым, что и у неоклассиков.

Институциональное знание, на котором был основан институционализм в Германии и США, имело в качестве источников институциональные практики экспериментального естествознания и гумбольдтскую модель исследовательского университета, а также передовые направления философии того времени (см. рис. 4). Обоим школам удалось найти адекватную социальным исследованиям онтологию и эпистемологию. Немецкая историческая школа сделала это, отталкиваясь от герменевтики Шлейермахера и Дильтея, а американский институционализм апеллировал к философии прагматизма Пирса и Дьюи. Фридрих Шлейермахер, один из сподвижников Гумбольдта в создании первого исследовательского университета в Берлине, основал новую дисциплину — герменевтику (как науку истолкования текстов, как «учение об искусстве понимания» письменных документов вообще (*Шлейермахер 2004*)), которая положила начало интерпретативной парадигме в гуманитарных науках. Хотя Вильгельм Дильтей и выступал против переноса на общественные науки естественнонаучного подхода, но, на самом деле, он имел в виду ньютоновскую онтологию, а не естественнонаучную эпистемологию с ее прямым контактом исследователя с изучаемым объектом. В своей статье (*Schmoller 1883*), которая положила начало «спору о методах» (*Methodenstreit*), Шмоллер противопоставляет книгу Дильтея (2000 (1883)) с его герменевтической методологией социальных наук книге Менгера (2005 (1883)) с его примитивной методо-

логией, пришедшей из Нового времени. Связь американского институционализма с прагматизмом была хорошо показана Майровски (*Mirowski 1987*) и Резерфордом (*Rutherford 2011*). Конструктивизм (*Бергер и Лукман 1995*) впитал в себя идеи прагматизма, а Дьюи был не так уж далек от конструктивизма (*Hickman, Neubert and Reich 2009*). Философия позднего Витгенштейна (*Wittgenstein 2009*) по существу есть не что иное как конструктивистское развитие синтеза прагматизма и герменевтики (*Goodman 2002*).

Шмоллер получил хорошее образование в области естественных наук; он изучал химию, физику и механику в Тюбингенском университете (*Grimmer-Solem 2003, 133*). Когда появился полный перевод на немецкий язык книги Милля «Система логики», Шмоллер заметил несостоятельность трактовки в ней «моральных наук» (*Grimmer-Solem 2003, 133*). Шмоллер считал, что «у экономических и социальных наук та же самая эпистемология, что и у естественных наук» (*Grimmer-Solem 2003, 160*), которая соответствовала бы их экспериментальному духу. Что касается онтологии, то экономическая наука, по его мнению, должна быть нацелена на изучение того, что мы сейчас бы назвали институциональным знанием, разделяемым тем или иным сообществом акторов: «Взгляд на общие для определенного сообщества мораль, этику и институты как важнейшие источники социальных регулярностей значительно усиливает ценность исторических исследований относительно природы и происхождения этой общности» (*Grimmer-Solem 2003, 160*).

Концепция Гумбольдта трактовала науку не как нечто законченное, что преподаватели должны передавать студентам, а как задачу, которая еще не решена, и для ее решения не нужно никогда останавливать исследования. Отношения между преподавателем и студентами становятся совсем не такими, как раньше. Преподаватель теперь в университете присутствует не только и не столько для студентов, сколько все они вместе, и преподаватель и студенты, находятся в университете для науки, служат ей. Действующие исследователи, которые не являются штатными сотрудниками университета, получают право преподавать в нем. Признавая полезность борьбы и трений по научным вопросам между преподавателями университета, Гумбольдт в своем проекте оставляет право назначения преподавателей на должности исключительно за государством, так как университеты по своей природе настолько тесно связаны с интересами государства, что не должны быть иначе (*Гумбольдт 2002*).



**Рис. 4.** Источники институционального знания, на котором был основан институционализм в Германии и США

О каком типе науки и исследованиях говорит Гумбольдт? Об этом можно легко догадаться: в своем проекте он считает, что без сомнения можно доверить развитие науки исключительно университетам, при условии их надлежащей органи-

зации, и вполне обойтись без академий. Академии же в то время представляли собой организации, нацеленные исключительно на экспериментальные науки. Можно считать, что институт естественных наук был заложен одной из первых таких академий — Лондонским королевским обществом по развитию знаний о природе. Начальная история этого общества дает нам ключ к пониманию природы и происхождения института естественных наук и может служить иллюстрацией к конструктивистскому представлению о научном исследовании, изложенному в разделе I.1 данной статьи. Эта история поможет нам также пролить свет на «спор о методах», который наметил размежевание между экономической наукой, основанной на традиционном представлении о научном исследовании (см. рис. 1 в разделе I.1) и экономической наукой, основанной на конструктивистском представлении о нем (см. рис. 2 в разделе I.1).

Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе (далее Лондонское королевское общество), основанное в 1662 г., избрало выражение «Ничего на словах» (*Nullius in verba*) своим девизом, что означало: *доказывать можно только данными научного эксперимента, а не словами научных авторитетов* (в отличие от средневековой схоластической философии, для которой непререкаемыми авторитетами были Аристотель и отцы Церкви, а научная истина строилась на дедуктивной логике в согласии с божественным Провидением<sup>35</sup>). Лондонское королевское общество ставило основной своей целью опытное исследование и на одном из первых собраний сформулировало свои задачи следующим образом: «Общество не будет признавать никаких гипотез, систем, учений натуральной философии, предложенных или признававшихся древними или современными философами <...>, но будет испытывать и обсуждать все мнения, никакого не принимая до тех пор, пока после зрелого обсуждения и иных доказательств, даваемых правильно поставленными опытами, не будет бесспорно доказана истинность каждого положения»<sup>36</sup>. Лондонское королевское общество собрало ученых, занимавшихся новой, или экспериментальной, философией. В 1662 г. Карл II утвердил устав, определявший цель Общества: составить «точное описание всех природных явлений» простым и лаконичным языком, близким к языку «ремесленников, крестьян, торговцев», а не языком «философов». В королевских хартиях существование Общества связывается с поиском истины и подчеркивается экспериментальный характер получения знаний, которому оно будет способствовать<sup>37</sup>. Как видно из вышеизложенного, институт науки, возникшей в виде академий, не имел ничего общего с институтом университета того времени, и только реформа Гумбольдта начала XIX в. сделала возможным постепенное изменение ситуации в университетах. Это относится и к Кембриджскому университету, где учился Исаак Ньютон. В его время наука Галилея и Кеплера еще в недостаточной степени проникла через Ла-Манш. Как ученому-физику ему сильно повезло, что его студенческие годы (он поступает в университет в 1661 г.) совпали с первыми годами деятельности Лондонского королевского общества. Вся его научно-исследовательская деятельность была связана именно с ним.

Деятельность немецкого Союза за социальную политику во второй половине XIX в. была по многим аспектам схожей с деятельностью Лондонского королевского общества второй половины XVII в. В обоих случаях речь шла о совместных усилиях членов ассоциации по сбору данных в рамках экспериментальных

<sup>35</sup> См.: ([http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin\\_proverbs/1704/Nullius](http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/1704/Nullius)).

<sup>36</sup> См.: (<http://www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=himia24>).

<sup>37</sup> См.: (<http://royalsociety.org/page.asp?id=7483>).

ситуаций, разработке детальных отчетов на основании этих данных и коллективной оценке полученных результатов. Союз развертывал свою работу, заказывая исследования, основанные на сборе данных для понимания явлений, связанных с социальным вопросом, а доклады по этим исследованиям заслушивались на его заседаниях. Во многих случаях Союз получал от правительственных учреждений финансовую поддержку для сбора этих данных (*Tribe 2002, 12*). Среди исследуемых проблем были такие, как эффективность фабричных законов; проблемы и злоупотребления, порождаемые обществами с ограниченной ответственностью; устройство органов промышленного арбитража; реформирование прямого налогообложения в интересах социальной справедливости; заводское регулирование, касающееся здоровья и безопасности; ответственность завода за болезнь и травмы работников; ограничения на работу женщин и детей; регулирование ученичества; регулирование продолжительности рабочего дня; реформа торговых палат; правовая защита бастующих рабочих и профсоюзов (*Grimmer-Solem 2003, 184–185*). Среди тех, кто проводил эти исследования, был и Макс Вебер. Он был активным членом сообщества экономистов новой исторической школы<sup>38</sup> и шмоллеровского Союза за социальную политику. Так, в 1890 г., под эгидой Союза он провел обстоятельное исследование, отчет о котором составлял почти 900 страниц, относительно условий сельскохозяйственных рабочих к востоку от Эльбы. Позже Вебер участвовал и в других полевых исследованиях, касающихся положения рабочих (*Eliaeson 2002, 89–91*).

В соответствии со своей руководящей функцией в Союзе за социальную политику Г. Шмоллер стал «академическим импресарио, выполняющим посредническую роль между академическими и правительственными институтами и, как результат этого, приобрел большое влияние на назначение и должностное продвижение в прусских университетах» (*Tribe 2002, 9*). В Германии того времени быть экономистом означало преподавать экономику в одном из государственных университетов. Такие должности имелись уже в XVIII в. Преподавание экономики осуществлялось в основном студентам в области права, для которых курсы экономики были обязательными. Докторские степени были обязательны для тех, кто хотел стать университетским преподавателем, а также играли важную роль для получения должностей в некоторых подразделениях государственной администрации, особенно в статистических учреждениях, возникших в 1830-х гг.. Власть таких профессоров, как Шмоллер, дополнялась определением тем диссертационных исследований для все возрастающего количества аспирантов и возможностью получения государственного финансирования для проведения определенных частей исследований. Ничего подобного не существовало в Великобритании того времени (*Tribe 2002, 4*).

«Спор о методах» между Г. Шмоллером и К. Менгером был, по существу, спором не столько о методах сколько о характере экономической науки и ее роли в обществе. Если для Шмоллера экономическая наука была инструментом социально-политико-экономических преобразований с активным участием государства, то для Менгера, а вслед за ним и для всей неоклассики, она была идеологическим обоснованием ненужности этих преобразований. Спор о методах между Г. Шмоллером и К. Менгером имел своего исторического предшественника в XVII в. Это был спор между Робертом Бойлем и Томасом Гоббсом. «Против Бойля выступил философ Томас Гоббс (1588–1679), который не считал эксперимент методом научного ис-

<sup>38</sup> В своей вводной лекции в качестве профессора экономики и финансов в Университете Фрайбурга он представился как «молодой представитель немецкой исторической школы» (*Weber 1989, 200*).



следования. По его мнению, единственным орудием науки является мышление» (Боголюбов 1984). Выпускник Оксфордского университета, Гоббс стал классиком политической философии с ее априорно-абстрактным подходом, в рамках которой развивались и обсуждались различные социально-политические проекты. Он считал этот подход единственно возможным способом познания. Его последователи политэкономы, а затем и экономисты-неоклассики несколько смягчили этот взгляд на получение знаний. Они допускали применимость экспериментального метода в естествознании, но отрицали его в социально-политико-экономической сфере.

Хотя Новое время и связано с развитием науки о природе, с тем, что по-английски называется *science*, нужно четко осознавать: тип мышления, порожденный научной революцией, стартовавшей в 1543 г.<sup>39</sup>, и тип мышления, связанный с Новым временем, не одно и то же. Столкновение этих двух типов мышления проявилось в уже упоминавшемся выше споре между Робертом Бойлем и Томасом Гоббсом<sup>40</sup>. Бойль на заседаниях Лондонского королевского общества демонстрировал коллегам — членам Общества и приглашенной публике свои опыты. Гоббс критиковал исходную установку членов Общества, а именно их веру в возможность постижения универсальных законов природы посредством систематических экспериментальных исследований. В принципе, Гоббс не исключал полезности и даже истинности отдельных экспериментов, однако полагал, что познание универсальных законов природы должно основываться на универсальных же законах математики и логики, восходя затем от них к конкретным феноменам. Между тем в лаборатории, считал Гоббс, мы видим демонстрацию каких-то явлений, а затем их интерпретацию, достигнутую на основе соглашения группы людей и претендующую на обнаружение истины. Члены Общества уверяли, что их соглашения не имеют ничего общего со сговором, их знание носит принципиально публичный характер, в чем они предлагают убедиться всем желающим. Ученые поясняли, что, достигая соглашения, они пользуются хорошо известными принципами судопроизводства: один свидетель — не свидетель; выслушиваться должны все свидетельства; в случае сомнений расследования необходимо продолжить; члены сообщества, как и судьи, должны быть людьми с незапятнанной репутацией; не допускается умолчание о неудачных экспериментах и т. д. Кроме того, Общество регулярно публикует отчеты, включающие подробные описания проведенных опытов и использованных инструментов, а также мнения всех участников обсуждения. Эти отчеты содержат только факты, изложенные так, чтобы любой желающий мог повторить описанные опыты.

Одним из наиболее известных экономистов, которые попытались перенести немецкую парадигму экономической науки на американскую землю, был Ричард Эли (1854–1943), который в отличие от Тауссига был включен Блаугом в список «Сто великих экономистов до Кейнса». В краткой профессиональной биографии Ричарда Эли Блауг достаточно хорошо излагает его историю как последовательность событий, однако моя интерпретация этой истории будет совсем другой. В 1876 г. Эли завершает свою трехлетнюю учебу в Колумбийском колледже, в котором основное внимание уделялось античной классике и математике, а вопрос об академической свободе — свободе думать и свободе выражать свои мысли — даже не ставился (Ely 1938, 124). Годом позже он уезжает на три года в Германию учить-

<sup>39</sup> В этом году вышла книга Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер», в которой провозглашался отказ от господствовавшей в течение почти полутора тысяч лет геоцентрической системы Птолемея.

<sup>40</sup> Изложение спора я заимствую из работы (Менцин 1993), где замечательно резюмируется содержание книги (Shapin and Schaffer 1985).

ся в аспирантуре. В Халле встречает своего соотечественника и будущего друга Саймона Петтена, который представляет его своему профессору Йоханну Конраду, соорганизатору шмоллеровского Союза за социальную политику и главного редактора влиятельного журнала «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*». Колеблясь в выборе специальности, молодой Эли предпочтет философии экономику под влиянием лекций Конрада. В 1878 г. он отправится в Гейдельберг для обучения в аспирантуре под руководством Карла Книса и через год получит докторскую степень. Как он будет впоследствии вспоминать, в своей преподавательской деятельности уже в Америке он активно использовал книги и конспекты лекций Книса (*Ely 1938, 124*). От него и других немецких экономистов он усвоил «действительно научный подход» (*a fundamentally scientific approach*), при котором относительность и эволюция играют важную роль. Этот подход отвергает, что одна и та же политика является хорошей во все времена и применительно ко всем странам и тем самым полностью отмежевывается от догматической английской экономики (*Ely 1938, 58*). Эли под влиянием Книса понял также, что центром всякого экономического исследования должен быть человек, а не абстрактные механистические законы (*Rader 1966, 13*).

В 1881–1892 гг. Эли преподает в Университете Джонса Хопкинса. Время работы здесь было для Эли самым плодотворным, но в то же время и самым трудным периодом его карьеры. Дело в том, что единомышленники Тауссига в американских университетах составляли большинство. Приверженный идеалам и подходам немецкой исторической школы, Эли постоянно подвергался нападкам, да и при господствующем общественном мнении относительно характера экономической науки не все студенты правильно воспринимали его критику априорно-абстрактного подхода и изложение альтернативных подходов немецких экономистов (*Ely 1938, 29*). Уже на второй год своего пребывания в Университете Джонса Хопкинса Эли выступает на университетском семинаре с полемическим докладом «*The Past and the Present of Political Economy*» («Прошлое и настоящее политической экономии»), в котором он резко критикует традиционную классическую парадигму в экономической науке. Позднее он публикует расширенный текст этого доклада в виде брошюры, которую завершает следующими словами: «Исторический метод в политической экономии не может привести к *доктринерским* крайностям. В его основе лежит эксперимент; и если бы даже какой-то сторонник этой школы верил в социализм как конечную форму общества, он бы стоял за медленный поход к тому, что он считает лучшей организацией человечества. Если бы эксперимент показывал, что реализация его идей ведет к злу, он призвал бы к его остановке. Прогресс должен идти шаг за шагом, с тем чтобы имелась возможность наблюдать эффекты данного курса действий. Новая политическая экономия больше не позволяет науке быть использованной как орудия в руках жадных и алчных для подчинения и угнетения трудящихся классов. Она не признает ни *laissez-faire* в качестве оправдания отсутствия действий, когда народ голодает, ни вседостаточности конкуренции как предлога для изнурения бедных. Она означает возврат к великому принципу здравого смысла и христианского наставления. Любовь, великодушные, благородные характеры, самопожертвование и все то, что есть лучшего и самого правильного в нашей природе, должны найти свое место в экономической жизни» (*Ely 1884, 64*).

Ректор университета Дэниэл Гилман был обеспокоен появлением в прессе резкой критики на эту публикацию Эли. К счастью, один из членов попечительского совета университета успокоил ректора, объяснив ему, что критика проистекает

от сторонников *laissez-faire*. Однако вскоре с письмом по поводу брошюры Эли к ректору обратился весьма уважаемый математик Саймон Ньюкомб<sup>41</sup>, сотрудничающий с навигационным отделом Министерства военно-морского флота США. В этом письме он писал: «Кажется несколько несуразным видеть такую уничтожающую и массированную атаку на введение любого рационального или научного метода в экономике, исходящей от университета, другие специальности которого продвинулись в противоположном направлении <...> Я никогда не был в состоянии увидеть большую разницу между возражениями против политической экономии, выдвигаемыми с точки зрения новой школы<sup>42</sup>, и общими возражениями публики относительно ценности теоретической науки» (*Rader 1966, 32*). Война между Эли и Ньюкомбом продолжалась еще немало времени. Студенты Эли выступали в его защиту, боясь, что Ньюкомб вынудит Эли уйти в отставку, как уже случалось в других университетах, однако Эли сам тоже не оставался в долгу и после выхода в 1885 г. книги Ньюкомба «Принципы политической экономии» публично разгромил ее на университетском семинаре (*Rader 1966, 32–33*). Атаки на Эли прессы и Ньюкомба были не самыми большими испытаниями, которые пришлось ему пережить позже, уже в Висконсинском университете, где в 1894 г. он станет предметом специального разбирательства в попечительском совете университета его исследовательской и преподавательской деятельности, по существу процесса с присутствием адвокатов со стороны обвинения и защиты. Он был обвинен в распространении социалистических и других «опасных теорий» и поддержке забастовок и бойкотов, организованных профсоюзами. В конечном счете Эли был оправдан, и это оправдание стало знаменитым и широко комментируемым (вплоть до наших дней) прецедентом укрепления в США института академической свободы (*Ely 1938, 218–233; Schlabach 1963–1964; Rader 1966, 130–158*). Однако все это не могло не сказаться на профессиональной деятельности Эли, взгляды которого после этого инцидента приняли более консервативный характер (*Rutherford 2006*).

Английский историк, методолог и социолог экономической науки Боб Коутс дает следующее объяснение наличия в то время подобных атак на таких экономистов, как Эли: «Легко понять, почему переключение внимания с обучения укоренившимся истинам на продвижение знания и исследование текущих проблем вызывало трения между социальными учеными и некоторыми частями их аудитории <...> Конец XIX века был временем тревожных экономических, социальных и политических напряжений, и тот факт, что бизнес-сообщество обычно получало неблагоприятные отзывы в печати, когда экономисты предпринимали более полное изучение их деятельности, увеличивал вероятность того, что даже самые объективные и беспристрастные исследования дадут пищу бесчисленным критикам современного капитализма, среди которых новые ученые-обществоведы становились все более заметными. Были также и идеологические источники кон-

<sup>41</sup> Ньюкомб Саймон (*Newcomb Simon; 1835–1909*) в 1861–1877 гг. был профессором математики и астрономом-наблюдателем в Морской обсерватории (*United States Naval Observatory*), в Вашингтоне; в 1877–1897 гг. руководитель американского морского астрономического ежегодника «*Nautical Almanach*». Преподавал математику и астрономию в университете Джонса Хопкинса. Познакомившись с трудами Курно и Джевонса, стал заниматься также применением математических методов для построения экономических теорий и опубликовал в этой области две книги: «*The Method and Province of Political Economy*» («Метод и предмет политической экономии», 1875) и «*Principles of Political Economy*» («Принципы политической экономии», 1885). Последняя из названных книг была очень положительно оценена Дж. М. Кейнсом. Саймон Ньюкомб входит в список М. Блауга «Сто великих экономистов до Кейнса»; см. о нем: ([http://en.wikipedia.org/wiki/Simon\\_Newcomb](http://en.wikipedia.org/wiki/Simon_Newcomb)).

<sup>42</sup> Новой школой в то время в США называли новую немецкую историческую школу и ее американских последователей.

фликта. *Laissez-faire* и консервативный социальный дарвинизм все еще были руководящими верованиями среди членов социальной и деловой элит, в то время как многие молодые обществоведы были реформаторами, которые рассматривали разнузданный индивидуализм и неограниченную конкуренцию как причину многих, если не всех, текущих экономических и социальных зол. В отдельных случаях они становились сторонниками определенных форм христианского социализма, симпатизируя принципиальной социалистической критике капитализма, не обязательно соглашаясь с анализом осуществляемым социалистами и с предлагаемыми ими средствами его лечения. Как можно было бы и ожидать, в некоторых кругах такие взгляды рассматривались как опасно радикальные, откуда и рост напряжения внутри академического сообщества, так как бизнесмены все чаще и чаще заменяли священнослужителей в попечительских советах колледжей и университетов». (*Coats 1993, 439–440*). Эти строки, с одной стороны, дают портрет Ричарда Эли, а с другой стороны, показывают институциональные механизмы направления в определенное русло деятельности экономистов в американских университетах того времени.

В 1885 г. в институционализации американской экономической науки происходит важное событие — возникновение Американской экономической ассоциации. Инициаторами создания подобного профессионального объединения стали молодые американские экономисты, прошедшие обучение в немецких университетах. Йоханн Конрад, ближайший соратник Шмоллера, посоветовал им, когда они были еще в Германии, создать организацию типа немецкого Союза за социальную политику для того, чтобы через нее экономисты-исследователи могли влиять на практическую политику и, прежде всего, на коренные изменения в области социального законодательства. Был разработан проект программы Общества для изучения национальной экономики (*Society for the Study of National Economy*) (*Ely 1938, 134*). В этом проекте хорошо прослеживается идейная преемственность с деятельностью Союза за социальную политику: общество создается для проведения исследований, а не для обмена мнениями; объектом этих исследований будет конкретная национальная американская экономика со всеми ее специфическими национальными чертами, а не некая абстрактная экономика, результаты теоретизирования относительно которой будут верны всегда и повсюду. Однако молодым энтузиастам реализовать этот проект не удалось из-за слишком большого сопротивления. Тогда Ричард Эли предложил менее радикальный проект Американской экономической ассоциации, который мог бы получить поддержку и служить по крайней мере делу защиты экономистов, ориентированных на изучение социально-политико-экономической реальности. Такой проект удалось реализовать, и Эли на долгие годы стал секретарем этой организации, однако она не имела практически ничего общего с немецким Союзом за социальную политику.

Наверное, роль Эли в Американской экономической ассоциации положительно повлияла на его профессиональную безопасность, но его положение в Университете Джонса Хопкинса прочным так и не стало (*Rader 1966, 107*), ну а о получении каких-то ресурсов и организационной поддержки со стороны университета для проведения эмпирических исследований нечего было и мечтать. Однако в этом университете Эли удалось подготовить своих студентов для проведения таких исследований, и это безусловно было решающим для налаживания подобной деятельности в другом американском университете, куда он переходит в 1892 г. и позже перетаскивает своего ученика Дж. Коммонса. Речь идет о Висконсинском университете, где Эли проработал профессором и деканом факультета экономики,

политологии и истории до 1925 г. В этом университете благодаря *исключительному стечению обстоятельств* рожденное в Германии действительно научное направление в экономической науке получает необыкновенно сильное, хотя и временное развитие. Этими обстоятельствами были наличие глубокого политико-институционального кризиса в стране (*Baritono 1993*), прибытие в Висконсин прошедшего немецкое обучение Эли и подготовленной им в немецком духе команды молодых американских экономистов, а также политическая воля губернатора Роберта Лафоллета<sup>43</sup>, соединенная с политической волей на национальном уровне президента Теодора Рузвельта<sup>44</sup>. Наличие этой политической воли, на мой взгляд, было решающим в создании очень благоприятных институциональных условий для экспериментальных экономико-институциональных исследований в Висконсинском университете.

На посту декана факультета экономики, политологии и истории Висконсинского университета Эли проявил себя как хороший организатор оригинального типа обучения будущих экономистов и экономических исследований, тесно связанных между собой. По существу он следовал концепции исследовательского университета В. Гумбольдта, в соответствии с которой преподаватели не должны передавать студентам знания как нечто законченное, а должны вовлекать студентов в свой исследовательский процесс, помня, что «и преподаватель, и студенты находятся в университете для науки». Он называл свой метод и обучения, и исследования *the look and see method*, тем самым он призывал к тесному контакту с экономической жизнью. Он считал, что мир может быть постигнут как жизненный поток, но для этого нужно войти в него (*Ely 1938, 184*). Не все внутри университета и вне его положительно отнеслись к применению этого метода. Однако атаки на Эли полностью прекратились с приходом к власти Лафоллета. В период его губернаторства факультет Эли значительно расширился, а в 1904 г. один из его наиболее способных, последовательных и мотивированных учеников в Университете Джонса Хопкинса, Дж. Коммонс, получает должность профессора в Висконсинском университете.

По мнению Эли, оживляющую силу его метода никто не охарактеризовал лучше, чем это сделал Дж. Коммонс: «Академическая деятельность представляет собой мозги без опыта. Другая, «практическая», крайность — это опыт без мозгов. В первом случае мы получаем незрелые (*half-baked*) теории, в другом — эмпирические определения» (*Ely 1938, 186*). Метод Эли включает в себя интервьюирование, которое Коммонс называл «важнейшим (*prime*) способом исследования» (*Commons 1990, 106*). Исследование практического типа, нацеленное на изменение изучаемого объекта, также активно практиковалось в команде Эли–Коммонса; значительно позже оно получило название исследование действием (*action research*). «Мой опыт в Германии, — писал Эли, — прежде всего привлек мое внимание к важности соединения книжного знания и практического опыта <...> Изучение книг рассматривалось как нечто важное, но ни в коем случае не достаточное <...> Никто не

<sup>43</sup> Лафоллет Роберт Марион (*La Follette Robert Marion, 1855–1925*) — политический деятель США, юрист по образованию; в 1885–1891 гг. член палаты представителей Конгресса США от Республиканской партии, в 1901–1905 гг. губернатор штата Висконсин, с 1906 г. сенатор. Программа Лафоллета, отражавшая недовольство широких слоев населения политикой как Республиканской, так и Демократической партий, предусматривала ограничение экономического и политического могущества монополий, демократизацию политической жизни страны, улучшение положения фермеров и рабочих; см. о нем: (<http://ru.wikipedia.org>).

<sup>44</sup> Рузвельт Теодор (*Roosevelt Theodore, 1858–1919*) — американский политик, 25-й вице-президент США, 26-й президент США (1901–1909). В 1901 г. в своем первом послании Конгрессу США Рузвельт объявил своей целью достижение большей социальной справедливости; см. о нем: (<http://ru.wikipedia.org>).

был удачливее профессора Коммонса в осуществлении этой идеи. Он был связан, с одной стороны, с рабочими, а, с другой стороны, с управленцами промышленности. Он общался с разными типами людей и приводил на свои занятия тех <...> кто рассматривался как опасные радикалы. Но для него они были просто человеческими типами, которых его студенты должны знать, побывав с ними в контакте, лицом к лицу. С другой стороны, он был рад пригласить на свои занятия капиталистов и лидеров промышленности. Коммонс мог восхищаться профсоюзным лидером, он мог понять трудягу, и у него вызывали истинный восторг крупные промышленные лидеры. Для того чтобы понять их точку зрения, он стал членом Висконсинской промышленной комиссии<sup>45</sup>, получив творческий отпуск и тем самым освободившись от своих университетских обязанностей. Таким образом, ему удалось понять практическую сторону экономических проблем» (*Ely 1938, 187–188*). Фактически, Эли свидетельствует о том, что Джон Коммонс опирался в своей исследовательской и преподавательской практике на дискурсивный подход.

Лафоллет окончил Висконсинский университет в 1879 г. и, разумеется, никогда не был студентом Эли, однако, когда Ричард Эли прибыл в 1884 г. в Мэдисон, Лафоллет его приветствовал словами: «Вы были моим учителем», — имея, по видимому, в виду, как много он получил, читая его труды (*Ely 1938, 216*). Когда в Висконсине появился Коммонс, Лафоллет был уже его губернатором<sup>46</sup>, и благодаря этому Коммонс стал сразу чувствовать себя в этом штате инсайдером, таланты которого были полезны людям облеченным властью, в то время как в других местах на него смотрели как на опасного радикала. Со временем Лафоллет и Коммонс сблизились и стали дружить семьями. Во время губернаторства Лафоллета установилась тесная связь между руководством штата, его делами и проблемами, и университетом, которая впоследствии получила название Висконсинской идеи (*McCarthy 1912*). Коммонс использовал много возможностей служить штату, и одним из его наиболее ощутимых вкладов была работа по законодательству, и особенно по социальному законодательству (*Harter 1962, 45*). Он был вовлечен в разработку законодательных актов, касающихся трех программ реформ в штате Висконсин: первая относилась к регулированию предприятий общественного пользования, таких как железные дороги; вторая была связана с регулированием технической безопасности и введения компенсации рабочих в случае получения производственных травм; и наконец третья затрагивала разработку первой в стране системы выплаты пособий по безработице (*McCarthy 1912, 89*). За время своей работы в университете Коммонс руководил сам или был соруководителем 46 аспирантов, многие из которых так или иначе были вовлечены в его практическую деятельность. Общеизвестно, что Коммонс и его аспиранты оказали очень большое влияние на американское законодательство и политику (*Rutherford 2006*). Американский историк экономической мысли, Филип Майровски, пишет по этому поводу следующее: «Многие из экономических функций правительства США, которые мы сегодня принимаем за само собой разумеющиеся, были в первой половине XX в. делом рук Коммонса и его студентов» (*Mirowski 1987, 1027*).

Ричард Эли передал Джону Коммонсу метод обучения студентов, который он освоил в Германии. Вместо повторения того, что было сказано на лекциях и про-

<sup>45</sup> Висконсинская промышленная комиссия (*The Industrial Commission of Wisconsin*) осуществляла мониторинг и регулирование трудовых отношений в штате, а также поставляла информацию для разработки социального законодательства и отслеживала его выполнение (*Altmeyer 1932*).

<sup>46</sup> Как известно, в США роль губернатора в определении политики публичного университета штата очень велика, так, например, именно губернатор назначает членов попечительского совета университета (*Дмитриев 2005, 37–46*).

читано в учебниках, немецкие университетские преподаватели рассматривали студентов как своих коллег в поиске нового знания. «Это то, что делает обучение в Германии истинным удовольствием для каждого настоящего любителя занятий исследованиями. Здесь и только здесь вы узнаете, как делать независимую, действительно научную работу», — вспоминал Эли (*Rader 1966, 13*). Коммонс, хотя и читал лекции, отдавал предпочтение индивидуальной работе со студентами, а также занятиям в небольших группах. И занятия эти состояли в том, что преподаватель вместе со студентами разбирали, укладывая в определенный порядок (*marshalling*), факты, что позволяло *продвигаться в понимании рассматриваемых явлений*. Коммонс сам проводил как исторические, так и полевые исследования и активно вовлекал в них своих студентов. Так, в написании объемного четырехтомного документального исследования по истории труда в Соединенных Штатах (*Commons et al. 1966*) участвовали восемь его студентов и аспирантов (*Rutherford 2006*). По поводу полевых исследований его ученики вспоминают: «Это не было исследованием для исследования. Может быть некоторые (из его студентов) хотели продолжать работать над историей труда и чувствовали, что здесь остается еще много, чего нужно сделать, однако многие из его студентов (аспирантов) проводили исследование с целью его использования в различных баталиях по усовершенствованию чего-то, это то, что сейчас мы называем «исследование действием». В некоторых кругах это вызывает насмешки, но я считаю, что именно такого типа исследование является самым важным и полезным в социальных науках» (*Raushenbush and Raushenbush 1979, 9*). Хотя трудовая тематика занимала важное место в исследованиях Коммонса, она была далеко не единственной. Сейчас, во время мощного экономического кризиса, вызванного финансовым дерегулированием, интересно вспомнить, что в круг интересов Коммонса входило также банковское регулирование, по которому у него даже были кое-какие заготовки проектов (*Harter 1967; Whalen 2008*), однако эта его деятельность, по-видимому, не получила поддержки<sup>47</sup>.

Нужно констатировать, что в ряде областей исследовательско-реформаторская деятельность Коммонса получала поддержку большого бизнеса. Так, в 1906 г., он участвовал в обследовании 35 компаний (как муниципальных, так и частных), занятых поставкой газа, электричества, тепла, а также трамвайного транспорта в Соединенных Штатах и Англии. В частности, на Британских островах он провел с этой целью пять месяцев (*Harter 1962, 72*). Все эти исследования проводились для финансируемой большим бизнесом Национальной гражданской федерации (*National Civic Federation*), которая занималась разработкой и лоббированием как на уровне штата, так и на федеральном уровне законов, касающихся государственного страхования по безработице, федерального регулирования торговли и предприятий общественного пользования (*Rothbard 2006*). Затем он был вовлечен в анализ результатов обследования в Питсбурге, в той их части, которая относилась к заработной плате. Это обследование финансировалось фондом Рассела Сэйджа (*Harter 1962, 72*). В 1906 г. Джон Коммонс, Ричард Эли и ряд других экономистов создают Американскую ассоциацию трудового законодательства (*American Association for Labor Legislation, AALL*). В определенной степени AALL была американским аналогом немецкого Союза за социальную политику и занималась как исследо-

<sup>47</sup>Интересно отметить, что большой знаток идейного наследия Коммонса, гарвардский профессор Дэвид Мосс, недавно предложил создать на федеральном уровне новое агентство — *Systemic Risk Review Board*, осуществляющее мониторинг финансовых институтов, напоминающее, на мой взгляд, коммонсовскую Висконсинскую промышленную комиссию, занимавшуюся мониторингом институтов трудовых отношений (*Moss 2009, 28*).

ваниями для создания соответствующего законодательства, нацеленного на социальное благосостояние, так и лоббированием принятия такого законодательства. В отличие от Союза, исследования которого велись в основном на государственные средства, AALL финансировалась Рокфеллером и Морганом (*Rothbard 2006*). Занимаясь законодательством в области социального страхования и обеспечения «лидеры AALL, так же, как и Карл Маркс, сосредоточили свое внимание на вредных последствиях промышленного капитализма. Но если Маркс в качестве средства против этих последствий отдавал предпочтение социализации капитала, то эти американские экономисты выступали за социализацию риска» (*Moss 1996, 11*). Это касалось рисков несчастных случаев на рабочих местах, а также рисков связанных с болезнью и безработицей. AALL была очень влиятельна в 1920-е и 1930-е гг. (*Rothbard 2006*), но в 1943 г. прекратила свое существование.

Почему такое успешное с социальной точки зрения направление, как конструктивистский институционализм, возглавляемый Коммонсом, по существу перестал существовать? Можно предположить, что одной из причин была следующая: после завершения с помощью институционалистов изменений<sup>48</sup>, в которых были заинтересованы правящие классы, эти последние прекратили поддержку первых и переключились на поддержку неоклассиков, идеологически помогающих им сохранить свою доминирующую роль в обществе. По меткому выражению Шмоллера, экономическая наука «стала орудием класса собственников» (*Schmoller 1998, 202*). Другой причиной, однако связанной с первой, было преследование институционалистов. Необходимо иметь в виду: то, что случилось с Эли в начале его пребывания в Висконсинском университете, не было изолированным случаем. В 1890–1910-х гг., как раз во время институционализации экономической науки, в США достаточно большое количество экономистов было подвергнуто преследованиям (*Fourcade 2009, 79*). Политические атаки на экономистов побуждали их выбирать «безопасные» области и методы исследования. С этой точки зрения, неоклассическая экономика, в особенности в ее математической форме, была такой идеальной безопасной областью. Вот почему неоклассическая экономика стала «для американских экономистов притягательной исследовательской стратегией, особенно для молодого поколения экономистов, которым еще только предстояло обеспечить себе прочное положение» (*Fourcade 2009, 79–80*). Чисто политические и экономические интересы, стоявшие за этими атаками, маскировались фальсифицирующим дискурсом относительно необходимости переключения экономической дисциплины от пропаганды (*advocacy*) к объективности (*objectivity*) (*Furner 1975*). На самом деле, такое переключение означало отказ от объективного исследования реальности, нацеленного на решение жгучих социально-экономических проблем в пользу изучения неких абстрактных вымышленных миров, которое бы оправдывало статус-кво и избегало любой связи с тем, что могло бы вызвать недовольство истеблишмента. Победа неоклассики над конструктивистским (интерпретативным, дискурсивным) институционализмом имела, конечно, еще несколько причин. Важным, по моему мнению, является то, что провозглашенное Новым временем разделение между наукой и философией или теологией применительно к политической экономии не было осуществлено. Благодаря схоластическим рассуждениям Дж.С. Милля (*Mill 1994; Милль 2007а; 2011*), использовавшего слабости контовского позитивизма (*Конт 2003; 2010*), политическая экономия получила статус науки, оставшись политической или социальной философией, то есть наукой равносиль-

<sup>48</sup> Значительное смягчение классовых конфликтов путем создания государства всеобщего благоденствия (*welfare state*).



ной естествознанию *так и не стала*. А дальше уже сделало свое дело мировоззрение Нового времени, применительно к науке выражающееся в так называемом научном методе, под который подводил философский базис логический позитивизм. От экономиста, осмелившегося ради познавательной и социальной эффективности своих исследований отказаться от этого мировоззрения, требуется большое мужество и работоспособность в освоении и применении необщепринятых подходов. На мой взгляд, важное значение в победе неоклассики имела ее простота. Поскольку основой функционирования и воспроизводства научных сообществ является общение (публикации, конференции, лекции и т. д.), неоклассики в этом отношении имеют колоссальные преимущества перед конструктивистскими институционалистами. Для первых оно требует намного меньше усилий из-за их простых и унифицированных, универсальных для всех проблем и контекстов, понятий, схем и способов изложения. Немаловажную роль, по-видимому, сыграло и предпочтение массой университетских преподавателей-экономистов легкости преподавания практически неизменных из года в год курсов неоклассической экономики, постоянной адаптации курсов под исследование текущих социально-экономических проблем, которую предполагает конструктивистско-институциональный стиль обучения, а также совместным со студентами исследованиям.

В настоящее время институционализм в российской экономической науке представлен прежде всего новой институциональной экономической теорией. Сегодняшняя ситуация в институциональной экономике в немалой степени определяется взаимоотношениями экономики и социологии в прошлом. Дисциплинарное разделение общественных наук — явление относительно недавнее. Сто с небольшим лет тому назад обществоведы достаточно легко пересекали дисциплинарные границы, как в исследованиях, так и в преподавании, и их базовое образование или институциональная принадлежность не очень препятствовали этому. Сейчас безнаказанно пересекать дисциплинарные границы намного труднее. Сто с лишним лет тому назад экономическая наука, в особенности экономическая наука, развиваемая новой немецкой исторической школой, к которой относятся М. Вебер и В. Зомбарт, старалась подходить к экономике с социальных позиций. Вебер всегда считал себя экономистом и работал как профессор исключительно на экономических кафедрах, однако для него сейчас нет места в истории экономической мысли. С легкой руки Т. Парсонса, Вебер стал одним из основателей современной социологии<sup>49</sup>. Начав свою карьеру как экономист, Парсонс сыграл роковую роль как для экономиче-

<sup>49</sup> Дж. Ходжсон рассказывает очень интересную историю о том, как Парсонс, этот столп социологической дисциплины, в свои студенческие годы находился под сильным влиянием двух крупных представителей институционализма — Уолтона Гамильтона (*Walton H. Hamilton*) и Кларенса Эйреса (*Clarence E. Ayres*) — и начинал свою академическую карьеру в 1927 г. как преподаватель экономики на экономическом факультете Гарвардского университета. Следуя Ходжсону, Парсонс перешел из экономики в социологию исключительно из карьерных соображений. На захваченном неоклассиками экономическом факультете молодой Парсонс мог бы иметь серьезные проблемы, если бы он стал выражать какие-либо симпатии по отношению к институциональной экономике. Он стал также критиковать немецкий историзм, которому совсем недавно симпатизировал и по которому защитил в 1925 г. диссертацию в немецком Гейдельбергском университете (диссертация была посвящена теориям капитализма в произведениях Зомбарта и Вебера). Как пишет Ходжсон, изменение в поведении было разительным. В своих работах он опускал ссылки, свидетельствующие о его институциональном прошлом. По Ходжсону, Парсонс перешел в социологию, потому что, будучи не силен в математике и не очень соглашаясь с неоклассическим мышлением, он не был склонен строить свою карьеру как неоклассический экономист. Выбор, какую часть его интеллектуального капитала, приобретенного в Германии, использовать, производился в том же направлении и пал на Вебера, а не на Зомбарта, так как социальная теория Вебера с ее индивидуалистическими элементами могла вызвать меньше трений со стороны ортодоксальных экономистов и тем самым облегчить академическую жизнь Парсонса. (*Hodgson 2001, 179–187*).

ской науки, так и для социологи. Вместо того, чтобы бороться с экономической неоклассикой и предложить экономической науке свою альтернативу, он много сделал, чтобы провести «демаркационную линию» между экономической наукой и социологией. Центральными фигурами его книги «*The Structure of Social Action*» («Структура социального действия») (Парсонс 2000, 43–328) были Вебер и Дюркгейм. В ней он развивал структурно-функциональный подход к анализу общества, который в течение определенного времени был очень влиятельным в социологии. Одной из черт его социологии было «пренебрежение проблемой исторической специфики, несмотря на прямое влияние на Парсонса Вебера и Вернера Зомбарта. Тем самым некоторые элементы традиции немецкой исторической школы были переведены в американский контекст. Но из них была выхолощена большая часть их содержания и смысла. По иронии судьбы, Парсонс достиг известности, создав аисторическую школу в социологии, частично путем вылавливания (*rummaging*) избранных кусков из исторически ориентированной интеллектуальной традиции» (Hodgson 2001, 178).

Рассматривая обществоведение в целом, историки экономической мысли находят *два старых институционализма*: американский и европейский. Последний представлен Г. Шмоллером и Э. Дюркгеймом (Nau and Steiner 2002). Действительно, Дюркгейм определял социологию «как науку об институтах, их генезисе и функционировании», а институт — как «все верования, все поведения, установленные группой» (Дюркгейм 1995, 20). Историки экономических учений находят также связи между американским институционализмом и позитивной экономикой школы Дюркгейма (Gislain and Steiner 1999). Эти связи очень многочисленны, когда речь идет о критике экономической классики и неоклассики, но они сразу ослабевают, когда разговор заходит о видении социально-экономических систем, на которых ученые основывали свои исследования. Так, Дюркгейм был ярким противником философии прагматизма. Его критике он посвятил специальный курс (20 лекций), прочитанный им в Сорбонне и впоследствии опубликованный на основании студенческих конспектов (Durkheim 1955). В своей первой лекции он характеризует прагматизм как штурм против разума (*un assaut contre la Raison*) и видит в нем опасность с национальной и философской точек зрения. Поскольку вся французская культура в основном рационалистична и пронизана картезианством, отрицание рационализма, по мнению Дюркгейма, приведет к разрушению всей национальной культуры. А так как философская традиция, начиная с самых ранних спекуляций философов, также имела рационалистическую тенденцию, то принятие прагматизма приведет к ниспровержению всей этой традиции (Durkheim 1955, 27–28). Комментируя данные высказывания Дюркгейма, Б. Латур заметил, что после ознакомления с ними он больше не страдает от медлительности, с которой французы усваивают уроки социологии науки (Latour 2006, 158).

Сейчас в экономической дисциплине термин «новый институционализм» (*New Institutionalism*) монополюльно закреплен за новой институциональной экономической теорией (*New Institutional Economics*). В социологии такой монополии нет, но, по-видимому, достаточно большая часть этого направления в социологии является в значительной степени результатом экономического империализма со стороны новой институциональной экономической теории: «В отличие от раннего социологического институционализма, первооткрывателем которого в работе «Структура социального действия» был Талкотт Парсонс, новый институционализм пытается объяснить институты, а не просто предполагает их существование. В этой попытке новые институционалисты в социальных науках обычно полагают целенаправлен-

ное действие со стороны индивидов, хотя и в условиях неполной информации, неточных ментальных моделей и трансакционных издержек. Такие условия характерны для каждодневных социальных и экономических сделок (*transactions*). Таким образом, новая институционалистская парадигма отбрасывает основные предпосылки неоклассической экономической теории, однако остается верной традиции объяснения в социальных науках присущей теории выбора» (*Brinton and Nee 1998, 1*). В данном высказывании очень хорошо подмечена одна из слабостей функционализма Парсонса, который «просто предполагает существование институтов», но не «пытается их объяснить». Второй слабостью, а лучше сказать пороком парсоновской социологии, является ее картезианская эпистемология, выражающаяся в априорно-абстрактном подходе.

По сравнению с экономической наукой положение в новом институционализме радикально иное в политической науке (политологии). В отличие от экономической дисциплины, где связь с социологией была разорвана, в политической науке она сохраняется, и многие политологи одновременно считают себя и социологами<sup>50</sup>, но большая часть социологов-политологов разочаровалась в социологии Парсонса. В политической науке на Западе наряду с институционализмом рационального выбора, толчок которому дала новая институциональная экономическая теория, существует и процветает исторический институционализм (*historical institutionalism*), по существу продолжающий традиции новой немецкой исторической школы и ее главы, Г. Шмоллера. Нередко в литературе представителей этого направления западной политологии называют историко-интерпретативными институционалистами<sup>51</sup> (*historical-interpretive institutionalists*) (*Steinmo, Thelen and Longstreth 1992, 7*). Если в США новый институционализм в политологии по своему влиянию разделен между течениями рационального выбора и историческим, то в Канаде господствует именно исторический институционализм (*Béland 2002; Lecours 2005, 4*).

Исторический институционализм<sup>52</sup>, пионером которого является профессор Гарвардского университета Теда Скочпол (*Theda Skocpol*), возник как реакция против анализа политической жизни в терминах групп и против структурного функционализма, который доминировал в политической науке в 1960–1970-е гг. Исторические институционалисты пытаются объяснить конфликты за обладание ресурсами не как противостояния групп, а исходя из того, что институциональная организация политического сообщества и экономические структуры входят в конфликт таким образом, что некоторым интересам отдается предпочтение в ущерб другим. Они считают, что именно институциональная организация политического сообщества является основным структурирующим фактором коллективного поведения. Государство рассматривается ими не как нейтральный арбитр между конкурирующими интересами, но как комплекс институтов, который способен структурировать природу и результаты конфликтов между группами. Большое внимание институционалисты этого направления уделяют тому, как институты неравным образом распределяют власть между различными социальными группами. Вместо мира индивидов, свободно заключающих контракты, они видят мир, где институты предоставляют определенным группам или интересам слишком боль-

<sup>50</sup> Иногда эта связь подчеркивается использованием термина «политическая социология» (*Braud 1998*).

<sup>51</sup> Историко-интерпретативный подход, используемый в историческом институционализме, не нужно путать с интерпретативным институционализмом, или австрийским институционализмом Людвиг Лохмана (*Foss and Garzarelli 2007*), представителя австрийской экономической школы.

<sup>52</sup> В своей характеристике исторического институционализма я буду следовать статье: (*Hall and Taylor 1996*).

шой доступ к процессу принятия решений. Вместо того, чтобы искать, в какой мере некоторая данная ситуация выгодна всем, они настаивают на том, что одни социальные группы могут оказаться выигрывающими, а другие проигрывающими. Но что действительно составляет специфику исторического институционализма, так это его привязанность к концепции зависимости от пройденного пути, а отсюда и неизбежной контекстности исследований. Теоретики этой школы различают в потоке исторических событий периоды непрерывности и критические ситуации, когда происходят важные институциональные изменения, своего рода бифуркации, которые корректируют траекторию исторического развития. Исторические институционалисты представляют мир более сложным, чем мир индивидуальных предпочтений институционалистов рационального выбора. В частности, они уделяют большое внимание взаимосвязям между институтами, идеями и убеждениями или верованиями. Важно отметить, что интерпретативно-исторический институционализм, наряду с понятиями «идеи» и «институты», активно используют понятие «интересы», просто последнее в них является равноположенным с двумя другими<sup>53</sup>.

В последние годы исторический институционализм был доминирующим направлением исследований в области сравнительной, то есть межстрановой, политической экономии. Совсем недавно это лидерство стало оспариваться родственным направлением, получившим название дискурсивного институционализма, создателем которого является профессор Бостонского университета Вивьен Шмидт. Разделяя в основном исследовательские установки исторического институционализма, она все же считает, что он не обращал достаточного внимания на идеи и убеждения и на процессы их циркуляции, то есть дискурсы. Это не всегда сильно сказывается при изучении стационарных состояний, но может создать серьезные трудности при изучении институциональных изменений. Вивьен Шмидт пытается показать (*Schmidt 2008*), что дискурсивный и исторический институционализмы в значительной степени дополняют друг друга: первый способен помочь второму в объяснении динамики изменений в выявленных историческим институциональным исследованием структурах через логику коммуникаций между акторами, основанную на смыслах (*meaning-based logic of communication*), а второй может быть полезен первому при объяснении закономерностей, происходящих в зависимости от пройденного пути в идеях и дискурсе в различных институциональных контекстах. Исследования Шмидт направлены на понимание социально-политико-экономической реальности в Западной Европе. Одна из ее книг, под названием «*From State to Market? The Transformation of French Business and Government*» («От государства к рынку? Преобразование французского бизнеса и государственного управления») (*Schmidt 1996*), посвящена изучению политико-экономических изменений в 1980-е и начале 1990-х годов. Ее исследование было основано, в частности, на глубоких интервью с более, чем 40 высшими государственными чиновниками и руководителями крупнейших предприятий. В другой книге, под названием «*The Futures of European Capitalism*» («Будущее европейского капитализма»)

<sup>53</sup> Примером использования одновременно всех трех понятий в институциональном исследовании может служить статья П. Холла «*The movement from Keynesianism to monetarism: Institutional analysis and British economic policy in the 1970s*» («Движение от кейнсианства к монетаризму: институциональный анализ и британская экономическая политика в 1970-е годы») (*Steinmo, Thelen and Longstreth 1992, 90–113*). В 1970-е гг. британская экономика переживала сильную инфляцию, которая весной 1975 г. достигла 25%, и, одновременно, общую стагнацию производства с высоким уровнем безработицы. В значительной степени движение к монетаризму было откликом на плохое функционирование экономики и неспособность кейнсианской политики исправить положение. Различие интересов относительно этих двух политик проявлялось в поддержке организациями рабочего класса кейнсианской политики, а представителями капитала, и особенно финансового капитала, — монетаристской политики.

(Schmidt 2002) В. Шмидт показывает, что глобализация и европейская интеграция по-разному повлияли на Францию, Великобританию и Германию. Эти страны в разное время испытывали давление процессов глобализации и интеграции, неодинаково реагировали на них и получали разные результаты. Хотя все они либерализовали свои экономики, их политики несходны, а что касается дискурсов, то они просто совсем различны. Шмидт приходит к заключению, что ожидать какой-то тотальной конвергенции даже между этими близкими друг другу странами не приходится.

В статье, опубликованной в хрестоматии «*The Oxford Handbook of Political Institutions*» («Оксфордское руководство по политическим институтам») Колин Хэй (Hay 2006) предлагает назвать институционализм, о котором фактически говорит Вивьен Шмидт, *конструктивистским институционализмом (constructivist institutionalism)*. Институт он определяет как «кодифицированную систему идей и практик, которые они поддерживают» (Hay 2006, 58). Конструктивистский институционализм подчеркивает не только *институциональную*, но и *идейную* зависимость от пройденного пути. Институты строятся на основании идей, которые дают свой собственный эффект зависимости от пройденного пути, сказываясь на последующем развитии. Таким образом, конструктивистский институционализм пытается установить, как и в какой степени принятые идеи кодифицируются и служат когнитивными фильтрами, через которые акторы интерпретируют внешние сигналы. При этом выясняется и то, при каких условиях эти установленные когнитивные фильтры и парадигмы оспариваются и изменяются (Hay 2006, 65). Я считаю, что экономистам следовало бы принять для своего направления, использующего дискурсивный подход, термины «конструктивистский институционализм» и «конструктивистская институциональная экономика». Конструктивистская институциональная экономика<sup>54</sup>, как я ее понимаю, отбрасывает «объективизацию» социальной реальности. Социально-экономическая реальность (поток экономической деятельности) есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Эти последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных, и, конечно, вес более влиятельных в этой результирующей выше, часто намного выше, чем менее влиятельных. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, базирующимися в свою очередь на в основном разделяемыми ими убеждениях и верованиях (идеях и ценностях). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше, чем менее влиятельные, возможностей изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила, и убедить менее влиятельных участников в правоте новых идей и верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Исследователь этой реальности должен, изучая дискурсы акто-

<sup>54</sup> Всякое название неизбежно условно, так как обозначение не может отражать во всей полноте обозначаемое. Это относится и к понятию «конструктивистская институциональная экономика». Несколько лет я колебался в выборе названия для этого научного направления между прилагательными «интерпретативный» и «прагматический». Свой доклад на конференции Европейской ассоциации эволюционной политической экономии (*The European Association for Evolutionary Political Economy, EAEPE*) в 2003 г. и выступление на Европейской школе новой институциональной экономической теории (*European School on New Institutional Economics, ESNE*) в 2004 г. я назвал «*On Pragmatic Institutional Economics*» («О прагматической институциональной экономике»), однако, опасаясь бытового понимания слова «прагматическая», в своих публикациях на русском языке я стал использовать термин «интерпретативная». Сейчас я думаю, что, поскольку конструктивизм, особенно с витгенштейновской прививкой, по существу поглощает и прагматизм, и герменевтику, название «конструктивистская институциональная экономика» подходит этому направлению больше, чем два предыдущих.

ров, нацелить свое внимание на то, чтобы понять, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы того, что происходит.

Теда Скочпол, заключая свою статью «*Why I am a Historical Social Scientist*» («Почему я историко-социальный ученый»), говорит: «Я — социальный ученый. Думаю, что существует разница между наукой и нормативной работой, и хорошая социальная наука — это не совсем то же самое, что защита и оправдание каких-то взглядов, однако эта защита и (или) оправдание всегда может воспользоваться добротной наукой» (Skocpol 1999, 19). В противоположность философу-обществоведи теологической ориентации Джеймсу Бьюкенену, она видит в государстве не противника, а важного партнера бизнеса, и не случайно одна из первых книг, подготовленных под ее руководством, называлась «*Bringing the State Back In*» («Вернуть государство») (Evans, Rueschemayer and Skocpol 1985). В книге рассматривалась роль государства в содействии экономическому развитию (*states as promoters of economic development*) и в структурировании социальных конфликтов (*patterning of social conflicts*). Скочпол заявляет, что никогда не чувствовала какого-либо уважения к дисциплинарным границам (Skocpol 1999, 16). Сейчас эти границы для экономической науки определяются так называемым экономическим подходом, что приковывает экономическую науку к теории рационального выбора (в том числе и в саймоновском варианте ограниченной рациональности), а также к связанному с этой теорией методологическому индивидуализму. Если такое определение границ сохранится, то экономическая наука приговорена анализировать не реальные, а вымышленные миры. Реальные же проблемы, связанные с экономикой, будут изучаться другими дисциплинами. Такой дисциплиной может стать экономическая социология: «Если для экономической теории исходной фундаментальной предпосылкой является независимость человека, его самостоятельность в принятии решений, то для экономсоциолога столь же фундаментальной предпосылкой выступает включенность человека в социальные отношения, укорененность всех его действий в этих отношениях» (Радаев 2008, 28). По существу политико-культурный подход Нила Флигстина к изучению рынков является конструктивистским (Fligstein 2001; Флигстин 2002; 2004; 2008), и я предполагаю, что неявно в своих исследованиях он использует и дискурсивный подход. Что касается такого современного классика экономической социологии как Митчел Аболафия, то, как я уже отмечал в конце части I данной статьи<sup>55</sup>, его экономическая социология, с ее этнографическим подходом (Аболафия 2004), есть почти не что иное, как конструктивистская, или интерпретативная (Ефимов 2007а) институциональная экономика.

Конструктивистский институционализм может рассматриваться как некая *рамочная социальная теория*. Специализация науки при исследовании в рамках конструктивистского институционализма определяется тем, где мы делаем акцент: на экономике, политике или социальных вопросах. Именно акцент, но при этом сохраняется возможность понимания и взаимодействия представителей разных специальностей. Часто требуемая междисциплинарность, о которой много говорят, не реализуется на практике, во-первых, из-за того, что налицо непонимание друг друга представителями разных специальностей, причиной чему является использование совершенно по-разному определяемых понятий, а во-вторых, из-за принадлежности к сообществам, институционально никак не связанным между собой.

<sup>55</sup> Напоминаем, что первая часть статьи была опубликована в журнале «*Экономическая социология*» № 3 за 2011 г.

Ссылки на публикации представителей иных дисциплин не только не приветствуются, но могут вызвать отрицательные реакции своего сообщества. Каждый, кто осмелится осуществить междисциплинарное исследование в рамках двух дисциплин, рискует сесть между двух стульев и быть отброшенным (не принятым) обоими сообществами, со всеми вытекающими для этого исследователя отрицательными последствиями. На мой взгляд, конструктивистский институционализм как рамочная теория может решить, по крайней мере, первую из указанных проблем междисциплинарного сотрудничества. Воплощая две традиции (немецкой исторической школы Густава Шмоллера и исходного, идущего от Уолтона Гамильтона<sup>56</sup> и Джона Коммонса, американского институционализма), конструктивистский институционализм способен помочь восстановить эти взятые из прошлого традиции для того, чтобы экономическая наука действительно стала наукой. Для того чтобы конструктивистский институционализм нашел достойное место в экономической дисциплине, необходимы глубокие преобразования института экономической науки, а сообщество академических экономистов должно кардинально пересмотреть видение своей профессии.

### II. 3. МИФ ОБ ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ЛИЦЕ ЭКОНОМИКС

Как видно из предыдущего раздела, конструктивистский институционализм как мощное влиятельное направление экономической науки в Германии и США между двумя мировыми войнами практически исчезает по институциональным и политико-экономическим причинам. Экономическая дисциплина опять становится ареной защиты и обоснования определенных социально-экономических проектов. К двум ранее имеющимся проектам — либеральному и социалистическому — в этот период добавляется кейнсианский, призывающий к государственному регулированию капиталистической экономики.

Институционализм подвергается эрозии, начало которой положил Веблен<sup>57</sup>. Не проводя эмпирических исследований<sup>58</sup>, Веблен наблюдал экономическую действительность издали и осуществлял свои теоретические построения, применяя идеи, полученные им во время обучения в университетах. Так, о важности в экономической жизни институтов он не мог не слышать во время подготовки диплома бакалавра под руководством Джона Бейтса Кларка (*John Bates Clark*), прошедшего обучение в Германии, а также посещая в течение семестра курс читаемый Ричардом Эли в Университете Джонса Хопкинса. Наставником Веблена в этом университете был Чарлз Пирс, и вебленское понятие института как «мыслительной привычки» наверняка проистекает от пирсоновского понимания привычки как цели закрепления убеждения. Наконец, свою диссертацию он писал под руководством Уильяма Грэма Самнера (*William Graham Sumner*), у которого он, безусловно, взял дарвинские идеи эволюции. Именно Веблен является родоначальником дискурса в экономическом сообществе относительно экономистов немецкой исторической школы как простых собирателей данных<sup>59</sup> (*Veblen 1990, 58; Веблен 2006, 12*). Такая оценка проистекала из «наивной концепции науки» (*Mirowski 1987, 1023*), которая

<sup>56</sup> О Уолтоне Гамильтоне речь пойдет в следующем разделе статьи.

<sup>57</sup> Американский социолог и юрист Дэвид Рисмен в своей книге о Торстейне Веблене один из разделов назвал «Веблен — антиинституциональный экономист» (*Riesman 1953, 75–77*).

<sup>58</sup> «Веблен, по всей вероятности, обладал очень малыми знаниями о заводах» (*Riesman 1953, 85*).

<sup>59</sup> В российской методологической и исторической экономической литературе этот дискурс продолжает воспроизводиться: «Отказ лидеров исторической школы от выработки универсального знания открыл путь к массовому производству нестрого описательного знания, которое для практики оказалось не более полезным, чем абстрактные теории» (*Ананьин 2006, 389–390*).

производит, по мнению Веблена, только теории и никак не связана с какими бы то ни было прагматическими рассмотрениями (*Veblen 1990, 19*).

Процесс выхолащивания сути институционализма, заложенного первоначально Шмоллером и Коммонсом, продолжил Рональд Коуз. Взяв у Коммонса понятие сделки (транзакции), Коуз сильно его обеднил. Если Коммонс изучал сделку на пересечении права, экономики и этики (морали) (*Commons 1934*), то у Коуза рассмотрение ее сводится к транзакционным издержкам (*Coase 1937*). Тем самым Коуз положил начало новой институциональной экономической теории как продолжению неоклассической теории. В руководствах по новой институциональной теории всячески подчеркивается ее связь и взаимодополняемость с неоклассической экономикс (*Футуботн и Рихтер 2005; Ménard and Shirley 2005*). Сам Коуз пишет об этой связи следующим образом: «Отличительной чертой подхода современных экономистов-институционалистов является не то, что они вообще говорят об институтах (это, так или иначе, делали и американские институционалисты), и не то, что они предложили новую экономическую теорию, хотя возможно, что существующая теория ими была различными способами модифицирована, а то, что они использовали стандартную экономическую теорию для анализа работы этих институтов и попытались вскрыть ту роль, которую последние играют в функционировании экономики» (*Coase 1984, 230*)<sup>60</sup>. В автобиографии Коуз рассказывает, что семинар, который он посещал в Лондонской школе экономики, в корне перевернул его представление о работе экономической системы, а именно познакомил его с «невидимой рукой» рынка Адама Смита (*Окрепиллов 2009, 218*). Это представление и легло в основу его профессиональной деятельности как экономиста. Я это интерпретировал бы так: институт экономической науки продолжал деформировать институциональную экономику.

Как известно, само название «институциональная экономика» было предложено Уолтоном Гамильтоном (*Walton H. Hamilton*) в 1918 г. на заседании Американской экономической ассоциации. Ровно год до этого президентом этой ассоциации был Джон Коммонс. Гамильтон выделил в качестве предмета институты как определенные социальные договоренности (*arrangements*), соглашения (*conventions*), связанные с мыслительными привычками (*habits of thought*). В качестве метода институциональной экономики он назвал исторический или генетический. Гамильтон оказался очень прозорливым, оценивая будущее такой институциональной экономики: «История экономической науки указывает на то, что выживание часто зависело от того, насколько доктрина соответствовала привычкам мышления своего времени. Если следующее десятилетие потребует формальной теории ценности, которая избежит дискуссий о том, чему подобен экономический порядок, институциональная экономика потерпит фиаско. Если же оно потребует понимания наших отношений с миром, в котором мы живем, то институциональная экономика выживет» (*Гамильтон 2007, 117*). Очевидно, что она не выжила именно по этой причине.

И вот в 1980-е и 1990-е гг. Оливер Уильямсон и Дуглас Норт, вытаскивая на поверхность Рональда Коуза, запускают так называемую новую институциональную экономическую теорию, резко искажающую гамильтоновский замысел и полностью противоречащую исходным идеям, на которых она произросла, принесенным в США Ричардом Эли из Германии. Эли в США и Каннингем в Англии называли эту рожденную в новых немецких исследовательских университетах науку «новой» в противовес классической и неоклассической версиям этой науки. С этой

<sup>60</sup> Цитируется по: (*Футуботн и Рихтер 2005, 551*).



точки зрения, новая институциональная экономическая теория совсем не является «новой», так как соответствует *старой* неоклассической версии экономической науки с ее старой же и традиционной (нововременной) методологией. Иными словами в новой институциональной экономической теории произошел *возврат* к классической парадигме неоклассики, и, с этой точки зрения, она принадлежит скорее к «старой» экономической науке, а не к «новой». Правильнее было бы определять эти два вида институционализма не как старый и новый, а как исторический институционализм (*historical institutionalism*) и институционализм рационального выбора (*rational choice institutionalism*), что и сделали американские политологи, и в этом случае все встает на свои места. Такого типа терминологические изменения необходимо сделать в дискурсе тех, кого не устраивает придание прилагательным «новая» ложного ореола новаторства направлению, которое, обретя колоссальное влияние, на самом деле тянет сообщество академических экономистов в схоластику и светскую теологию. В отличие от институционализма Эли–Коммонса–Гамильтона в новой институциональной экономической теории практическая значимость в качестве критерия оценки научных результатов не имеет большого веса, как и вообще в той системе ориентиров, которыми руководствуются многие экономисты (*Ананьин 2005, 206*). Полевые исследования рассматриваются в сообществах экономистов как занятие недостойное для высококвалифицированных ученых, а если уж экономисты и участвуют в решении каких-то практических задач, то как носители уже готовых теорий, а не с целью создания теории, имеющей практическую значимость.

После Второй мировой войны от исходного немецкого и американского институционализма не осталось и следа. В СССР и в странах советского блока, в высших учебных заведениях, была институционализована марксистская политическая экономия. В послевоенных западноевропейских и американских университетах также было немало экономистов-марксистов. Если в США их ряды существенно поредели после маккартистской чистки (*Fourcade 2009, 89*), то во Франции, например, положение экономистов-марксистов было в 1950–1960-е гг. достаточно стабильно, и конец этому пришел после развала СССР (*Pouch 2001*). По-видимому, нечто подобное произошло и в других западных странах. Некоторые академические экономисты-марксисты стали перекрашиваться в институционалистов. Так, Бернар Шаванс, автор таких книг, как «*Le capital socialiste*» («Социалистический капитал») (*Chavance 1980*) и «*Marx et le capitalisme*» («Маркс и капитализм») (*Chavance 1996*), издал книгу «*Institutional Economics*» («Институциональная экономика») (*Chavance 2008*). Хорошо известный российскому читателю английский экономист Джеффри Ходжсон, в настоящее время главный редактор «*Journal of Institutional Economics*», был автором таких книг, как «*Trotsky and Fatalistic Marxism*» («Троцкий и фаталистический марксизм») (*Hodgson 1975*) и «*Capitalism, Value and Exploitation*» («Капитализм, стоимость и эксплуатация») (*Hodgson 1982*). Сейчас в своих многочисленных книгах он всячески пытается пропагандировать и развивать институционализм вебленского типа.

Во Франции появились три институционалистских школы, и все они, по существу, следовали классической методологии. С одной стороны, здесь становится очень популярной пришедшая из США новая институциональная экономическая теория (*Ménard and Shirley 2005; Brousseau and Glachant 2008*), берущая свое начало от Коуза, Уильямсона и Норта. С другой стороны, возникают свои две институционалистские школы: теория регуляции и теория конвенций. Для теории конвенций характерны следование методологическому индивидуализму и традиционное для экономистов

смещение нормативного и позитивного рассмотрения экономической реальности (Amable et Palombarini 2005, 34). Теория регуляции (Буаïе 1997), по свидетельству одного из регуляционистов, основана на отбрасывании методологического индивидуализма и экономического детерминизма и тяготеет к конструктивистскому институционализму<sup>61</sup>. Драматическая история эволюции регуляционистской школы во Франции (Vidal 2001) показывает обреченность самых искренних попыток понять социально-экономическую реальность, оставаясь в рамках традиционной экономической методологии (ньютоновской онтологии и традиционного (нововременного) рассмотрения научного исследования). Рождение этой школы было связано с разочарованием молодых экономистов, работавших в исследовательских подразделениях различных правительственных служб, в макроэкономическом моделировании. В результате этого разочарования они сначала обращаются к марксизму (Aglietta 1976; Boyer et Mistral 1978), и этот их выбор безусловно был сделан под влиянием того веса Французской коммунистической партии, который она имела в 1945–1980 гг. (Vidal 2001, 23). Далее они отходят от марксизма и идейно присоединяются к посткейнсианству. Некоторые из них, начав проводить эмпирические исследования в области финансов (Aglietta et Rebérioux 2004), приходят к выводу, что дерегламентация, глобализация и усложнение финансовых инструментов влияют на появление современных финансовых кризисов (Boyer, Dehove et Plihon 2004). Однако они так и не смогли предвидеть кризис, так как пытались делать это, исходя из анализа количественных данных, относящихся к уже прошедшим кризисам (Boyer, Dehove et Plihon 2004, 341–374), вместо того, чтобы произвести детальный анализ действующих правил, которым следуют акторы, а также других элементов институционального знания акторов.

Доминирующие сейчас направления экономической науки, хотя слово «наука» применять в этом случае *уже некорректно*, имеют априорно-абстрактный характер. Французские студенты-экономисты, выступая в 2000 г.<sup>62</sup> против потери связи такой науки с реальностью, характеризовали ее, используя термин «аутизм». Как известно в общепринятой клинической психиатрической терминологии термин «аутизм» отражает утрату связи с реальностью. Как отсутствие реакций на сигналы из внешнего мира аутизм является важной чертой экономического образования в высшей школе. Протест французских студентов вызвал в то время много шума, и Министр национального образования Франции, социалист Жак Ланг, поручил Жан-Полю Фитусси, одному из столпов французского экономико-академического истеблишмента, провести изучение отечественных и иностранных практик преподавания экономических наук в высшей школе и подготовить доклад, содержащий «размышление, позволяющее установить такие условия обучения, которые без потери научного богатства и строгости способствовали бы улучшению дебатов в обществе» (Fitoussi 2001, 13). В этом запросе нет упоминания о том, против чего собственно выступали французские студенты, а они были против вымышленных миров (*les mondes imaginaires — imaginary worlds*), в которые их погружают курсы микро- и макроэкономики. Они требовали выхода (*sortons, to escape*) из этих миров и приближения экономического образования к реальности. Запрашиваемый доклад был достаточно быстро подготовлен и опубликован под претенциозным названием «*L'Enseignement supérieur des sciences économiques en question*» («Высшее образование в области экономических наук под вопросом») (Fitoussi 2001). В аналитической части доклада аутичность характера преподаваемых экономических

<sup>61</sup> См.: (<http://www.redcelsofurtado.edu.mx/archivosPDF/kabad1.pdf>).

<sup>62</sup> Их открытое письмо было опубликовано 17 июня 2000 г. в газете «Le Monde».

дисциплин науки даже не упоминалась, а рекомендательная часть включала предложения по некоторой реструктуризации преподавания тех же дисциплин. Доклад несколько пожурил чрезмерное использование математики, против чего выступали студенты, но был далек от того, чтобы считать, как это делает Роберт Каттнер (*Robert Kuttner*) применительно к американскому экономическому образованию<sup>63</sup>, что «экономические факультеты выпускают поколение ученых-идиотов, с блеском владеющих известной лишь посвященным математикой, однако оторванных от реальной экономической жизни» (*Colander 2007, 9*).

По существу, вывод Каттнера подтверждают два обследования аспирантского экономического обучения в США, проведенные американским профессором экономики Дэвидом Коландером. Первое из них было осуществлено более 20 лет назад (*Colander and Klamer 1990*) и «обрисовывало не очень лестную картину аспирантского экономического образования», «это была картина профессии, заблудившейся в чистой теории и технических тонкостях с малым вниманием к идеям», «экономическая наука имела дело с умственными играми, а не с реальными проблемами экономики» (*Colander 2007, 8–9*). Второе обследование проводилось сравнительно недавно, и внимательное изучение его материалов показывает, что ситуация мало в чем изменилась. Обнародование результатов первого обследования имело своим результатом создание Американской экономической ассоциацией специальной комиссии по экономическому образованию — *Commission on Graduate Education in Economics* (COGEE), результаты работы которой, как позже и доклад Фитусси, также были опубликованы (*Krueger et al. 1991*). Перед комиссией стояла двуединая задача: выяснить, что происходит в экономическом образовании и как применяются результаты научных исследований на практике. Комиссия пришла к выводу, что экономическое образование вооружает аспирантов хорошими математическими навыками и инструментами анализа, однако не дает понимания сути экономических проблем и институтов, а также не учит тому, как практически применять приобретенные навыки и инструменты. В докладе указывалось, что «вызывает озабоченность степень, в какой аспирантское экономическое образование оказалось чрезвычайно оторванным от реальных экономических проблем». Комиссия выяснила, что завышенные требования к знанию математики и статистики являются зачастую непреодолимым барьером для творчески мыслящих экономистов, в то время как докторские (PhD) степени по экономике могут достаться физикам или математикам, не способным ориентироваться в простейших экономических вопросах. Складывается парадоксальная ситуация: чтобы получить докторскую степень по экономике, совсем не обязательно в ней разбираться (*Тумилович 2003, 103–105*). Именно в этом и исповедовался в своей статье Ариэль Рубинштейн (см. раздел I.1 данной статьи).

Выше я сказал, что внимательное изучение материалов (таблиц и текстов ответов на вопросы) обследования (*Colander 2007*) показывает, что ситуация в 1990–2005 гг. мало в чем изменилась. Однако сам Коландер сделал в этой книге совсем другие выводы. По его мнению, «экономикс изменилась и будет продолжать изменяться, так что больше уже нельзя будет существующую профессию называть неоклассической» (*Colander 2007, 15*). Собственно говоря, этот вывод Дэвид Коландер сделал еще до обследования аспирантов, проводя, вместе с Ричардом Холтом и Беркли Россером, интервью с рядом известных американских экономистов.

<sup>63</sup> Роберта Каттнера, американского журналиста, писателя и экономиста, вряд ли можно считать плохо информированным. Он закончил Калифорнийский университет (*Беркли*) и Лондонскую школу экономики и является одним из основателей и соредактором журнала «*The American Prospect*» в Беркли.

Интервью эти были опубликованы в книге под названием «*The Changing Face of Economics. Conversation with Cutting Edge Economists*» («Меняющееся лицо экономикс. Беседы с экономистами переднего края») (Colander, Holt and Rosser 2004). В качестве разделов новой экономикс, которые, по мнению авторов, и изменили лицо дисциплины, называются следующие: поведенческая экономика (*behavioural economics*), агентное моделирование (*agent-based modelling*), эволюционная теория игр (*evolutionary game theory*) и экспериментальная экономика (*experimental economics*).<sup>64</sup> Беседы были проведены с 12 экономистами. По-видимому, Дейрдра Макклоски, Кеннет Эрроу и Пол Самуэльсон, которые указанными областями не занимаются, были включены в список интервьюируемых просто из-за их большой известности. Интересно отметить, что из девяти оставшихся только двое имели базовое экономическое образование, все остальные — либо математическое (шесть), либо химическое (один). Хотя все девять человек были названы экономистами, трое из них имели PhD не по экономике, а по математике, а один не по экономике, а по наукам о принятии решений<sup>65</sup>. Из этого можно сделать вывод, что если упомянутые выше четыре области действительно являются передовым краем экономической науки, и перечисленные девять экономистов действительно хорошо их представляют, то «передовые направления» экономической дисциплины были инициированы людьми, сформированными первоначально как математики, а не как экономисты или исследователи в области социальных наук.

На самом деле заявление Коландера о том, что «экономикс изменилась и будет продолжать меняться, поэтому уже нельзя будет существующую профессию называть неоклассической», никак не оценивает *познавательную и социальную эффективность* этой перемены. В книге, вышедшей двумя годами позже, Коландер высказывается о результатах проведенного им в США обследования более ясно (Colander 2009) и призывает экономические факультеты европейских университетов не копировать американское высшее экономическое образование; он говорит, что проведенные им, с промежутком в 20 лет, обследования американского аспирантского экономического образования, показали: в нем имели место как положительные, так и отрицательные сдвиги. «Положительным» сдвигом в США, по мнению Коландера, с момента предыдущего обследования является то, что обучение стало более «эмпирическим». В качестве отрицательного сдвига он называет тот факт, что обучение теперь в большей степени, чем раньше, фокусируется на подготовке студентов для написания статей в академические журналы, а не на обучении их для решения реальных экономических проблем (*focus on training students to write journal articles as opposed to solving real-world problems*) (Colander 2009, 4–6). На первый взгляд, в утверждении Коландера есть явное противоречие: как это может быть, что, несмотря на уделение в последнее время все большего внимания эмпирическим исследованиям, американское аспирантское экономическое образование еще меньше, чем раньше нацеливает студентов на решение реальных экономических проблем? На самом деле никакого противоречия в этом

<sup>64</sup>Все четыре направления так или иначе связаны с теорией игр, начала которой заложил Джон фон Нейман; об этой теории речь пойдет ниже.

<sup>65</sup>Одним из интервьюированных «экономистов переднего края» (*cutting edge economists*) был Герберт Гинтис (*Herbert Gintis*). Его совместная с Самуэлем Боулзом (ранее имя этого экономиста транслитерировалось как Сэмюэл Боулс) статья «*Walrasian Economics in Retrospect*» («Вальрасианская экономическая теория в ретроспективе») (Боулс и Гинтис 2006) является хорошим примером производства новой экономикс. Учебник Боулза, недавно вышедший в русском переводе (Боулз 2011), выдержан в духе такого производства.

утверждении нет, так как увеличение «эмпиричности» происходит за счет использования статистических данных, эконометрического анализа и данных лабораторных экспериментов в рамках ньютоновской онтологии (см. табл. 1 в разделе I.2) вышеназванных поведенческого и экспериментального направлений в экономикс. Компьютерные эксперименты в рамках агентного моделирования также могут классифицироваться как эмпирические. На самом деле все эти «эмпирические» направления экономикс никак не уменьшают аутистический характер экономической дисциплины. Можно сказать, воспользовавшись терминологией, введенной Ариэлем Рубинштейном, что эти эмпирические направления экономикс еще больше позволяют ее назвать «басенной» дисциплиной.

В предыдущих разделах статьи я подчеркивал, что социально-экономические регулярности проистекают из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определенными социально сконструированными правилами, и эти правила объясняются, обосновываются и запоминаются с помощью рассказывания себе и другим некоторых историй (*stories*). Если это так, то нужно согласиться также и с тем, что для выявления социально-экономических регулярностей мы должны осваивать и анализировать эти истории. Статистические данные и эконометрический анализ отражают не правила, которыми руководствуются люди в своем поведении, а результаты этого поведения. Эконометрические модели строго следуют ньютоновской онтологии, то есть пытаются анализировать причинно-следственные связи между вещами или явлениями, находящимися или расположенными в пространстве и времени. Отражаются эти вещи и явления с помощью эндогенных и экзогенных переменных. Акерлоф и Крэнтон, как я уже отмечал выше, пишут по этому поводу: «Исследования, которые успешно определяют причинную связь, разумеется, полезны. Однако они могут лишь намекнуть на то, что мы действительно желаем знать» (Акерлоф и Крэнтон 2011, 150). Именно так произошло и с предвидением кризиса. Шиллер и Бейкер заметили (получили намек о возможности пузыря) несоответствие роста цен на недвижимость динамике затрат на строительство и платы за наем жилья. Однако предвидеть и понять механизм возникновения пузыря они смогли, только изучая дискурсы участников рынка недвижимости, из которых выявили правила поведения покупателей жилья, правила поведения организаций, предоставляющих кредит на покупку жилья, и правила секьюризации ипотечных кредитов. В лучшем случае то, на что способны лабораторные эксперименты в современной экономикс, это только что-то намекнуть тем, кто хочет понять, что реально происходит в экономике, однако такие намеки могут служить этой цели никак не больше, чем басни и сказки (без кавычек) служат пониманию действительности<sup>66</sup>.

Нужно сказать, что книга Коландера, Холта и Россера отражает широко циркулирующий в среде экономистов миф о якобы изменившемся лице экономикс. Возникновение этого мифа связано с тем, что ортодоксальная экономикс подвергается нападкам из-за той негативной роли, которую она сыграла в различных странах мира, включая Россию. Нападки эти делались уважаемыми экономическим сообществом людьми, в том числе и Джозефом Стиглицем (2005). Здесь мне хотелось бы опять предоставить слово Ариэлю Рубинштейну, одному из немногих экономистов, рефлексирующих по поводу своей профессии: «Для меня экономикс является совокупностью идей и конвенций, с которыми экономисты согласны, и на основании которых они базируют свои рассуждения. Таким образом, экономикс — это

<sup>66</sup> «Сказка — ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок» (А.С. Пушкин. Сказка о золотом петушке).

определенная культура. Поведенческая экономика представляет собой преобразование этой культуры. Тем не менее <...> ее методы в значительной степени те же, что были привнесены в экономикс теорией игр. В центре большинства моделей поведенческой экономики те же самые агенты, которые максимизируют предпочтения на пространстве последствий, и искомое решение в большинстве случаев связано с использованием стандартных понятий равновесия. Однако поведенческие экономисты не связывают себя с тем, что обычно называют рациональными мотивациями. Экономическая басня (или модель, как мы ее называем), которая бы имела в качестве своего ядра такие понятия как справедливость (*fairness*), зависть (*envy*), смещение предпочтений в пользу настоящего (*present-bias*) и тому подобное, теперь не только позволительна, но даже и предпочтительна. Почему это произошло именно сейчас? Может быть, потому что экономисты, в конце концов, поняли: ортодоксальные экономические модели слишком нереалистичны и догматичны. А может быть, это было результатом нашего постоянного поиска новых направлений исследования. Напрашивается также вопрос, а почему другие идеи <...> не так радужно принимаются, как идеи поведенческой экономики? Я думаю, что это происходит потому, что профессия предпочитает прогресс, осуществляемый малыми шагами. Модели поведенческой экономики не так уж сильно отличаются от тех, которые используются в прикладной экономикс, и тем самым не воспринимаются как угроза» (*Rubinstein 2006, 246*). Мне кажется, что лучше не скажешь. Ключевыми словами в этой очень точной и тонкой характеристике экономической дисциплины являются «культура» и «угроза».

Что же эта за культура, которую разделяет современная профессия академических экономистов? Социологическое понятие культуры и понятие институционального знания, вытекающее из социологии знания Бергера и Лукмана, на самом деле, достаточно близки. Охарактеризовав в разделе II.1 данной статьи источники институционального знания<sup>67</sup>, на котором основана современная экономическая профессия (см. рис. 3), я тем самым охарактеризовал и культуру, о которой говорит Ар. Рубинштейн. Однако мой анализ в разделе II.1 по существу не затронул эволюцию институционального знания в послевоенный период, отличающийся, в частности, интенсивной математизацией экономикс. Книга профессора экономики Университета Дьюка Э. Роя Вайнтрауба, называемая «*How Economics Became a Mathematical Science*» («Как экономикс стала математической наукой») (*Weintraub 2002*), проливает свет на эту эволюцию. Отметив особую роль математики в Кембриджском университете, где стартовал институт экономикс, автор обращает внимание на то, что в послевоенный период два американских академических сообщества, математическое и экономическое, тесно взаимодействовали друг с другом. Э. Рой мог наблюдать это взаимодействие непосредственно в своей семье: сам он является экономистом-математиком, его отец, Сидни Вайнтрауб, был экономистом, но не математиком, а его дядя, Гарольд Вайнтрауб — математиком. Культуры двух сообществ были вполне совместимы, и результатом стало «обогащение» культуры сообщества экономистов культурой сообщества математиков. Последняя характеризуется в частности отсутствием обязательности и необходимости непосредственной связи своих теоретических (математических) построений с реальностью (*Леонард 2006, 276*) и критерием красоты как одним из важных принципов в выборе математических объектов исследования и оценке полученных результатов.

<sup>67</sup> Напомню, что этими источниками были англо-саксонский институт университета XIX в., моральная и политическая философия XVIII и XIX вв. и неоклассическая теория как переинтерпретация математических конструкций физики середины XIX в.

Вот эти две черты и впитали экономисты вследствие взаимодействия двух культур. Пол Кругман так высказался по этому поводу в нашумевшей статье, опубликованной в газете «*The New York Times*» 2 сентября 2009 г.: «Экономикс сбилась с пути, потому что экономисты в массе своей ошибочно приняли за правду красоту, облицованную убедительно выглядящими математическими выкладками».

В свои студенческие годы я, как будущий экономист-математик, был глубоко пронизан культурой, о которой шла речь выше. Мои аспирантские публикации (*Ефимов 1970а; 1970б*) выходили за рамки математики, преподаваемой нам на экономическом факультете МГУ. Однако я находился под влиянием и другой культуры, а именно естествознания, и моими любимыми книгами в то время были «Резерфорд» Д. Данина и «Нильс Бор — человек и ученый» Р. Мура. Именно эти люди были для меня образцами ученого-исследователя. И если красота моих построений еще некоторое время меня привлекала, то отсутствия непосредственной связи с реальностью моих теоретических (математических) построений я терпеть никак не мог. Очевидно, что экономисты, вовлеченные в *эволюционную теорию игр*, не испытывали неудобств, подобных моим. Я уже говорил выше, что вначале надеялся добиться тесной связи с реальностью на основе компьютерной имитации, однако в отличие от тех, кто занимается сейчас *агентным моделированием*, быстро понял, что это невозможно. Тогда для меня остался только один путь — экспериментальных исследований, в том числе и лабораторных. Первое, что напрашивалось само собой в середине 1970-х гг., это двинуться в сторону того, что сейчас называется *экспериментальной экономикой*, однако я сознательно этого не сделал, предпочтя совсем другой методологический выбор.

Как я уже отмечал, экспериментальный подход к исследованию предполагает прямой контакт с изучаемым предметом, институтами и непосредственно с ними связанными идеями, убеждениями, ценностями, верованиями). Если это контакт не с документами, а непосредственно с актерами, то, как правило, при дискурсивном подходе исследователь вступает с ними в контакт в естественном для них, часто рабочем, окружении. Поместив актеров в искусственные условия, выведя их из привычного рабочего окружения, мы делаем первый шаг к проведению исследований в лаборатории. Вторым шагом было бы создание некоей экспериментальной установки (своего рода экономического синхрофазотрона, или коллайдера), которая и представляла бы собой эти искусственные условия. Если бы такая установка динамически поставляла обратную связь на действия актеров в зависимости от их решений, которые, в свою очередь, зависели бы от правил их действий и взаимодействий, то мы получили бы лабораторию для проведения экспериментов в области институциональной экономики. Выше упоминалось: такая установка (имитационная игра) была мною создана в 1980-е гг. для сравнительных лабораторно-экспериментальных исследований влияния на хозяйственную деятельность разных хозяйственных законодательств (*Ефимов 1986; 1988*). Построение этой установки, а также методики ее использования основывались на конструктивистской методологии.

Прежде чем углубиться в методологическое сравнение моей конструктивистской дискурсивной экспериментальной экономики и неоклассической экспериментальной экономики Вернона Смита, вернемся к двум ключевым словам в характеристике дисциплины (института) экономикс, данной Ариэлем Рубинштейном: культура и угроза. Эволюция культуры экономической дисциплины, связанной с доминирующей сейчас методологией, проходит через определенные стадии. Используя термин Роберта Хайлбронера, можно сказать, что первые экономисты

были «философами от мира сего» (*worldly philosophers*), или просто экономистами-философами. Постепенно, начиная с момента институционализации экономической дисциплины на рубеже XIX и XX вв., и особенно интенсивно — после Второй мировой войны, члены этого дисциплинарного сообщества все больше и больше становились экономистами-математиками. Те из них, кто использовал экономическую статистику на основе математической статистики, стали называться эконометриками. Эта эволюция достигла своей кульминации в 1970-е и 1990-е гг., когда экономика превратилась почти что в раздел прикладной математики. Такая дисциплина стала оспариваться, с одной стороны, студентами, а с другой, рядом влиятельных членов сообщества экономистов. Возникновение поведенческой и экспериментальной экономики можно рассматривать как ответ профессии на это оспаривание. Экономисты становятся экспериментаторами, но экспериментаторами очень специфическими, которых я назвал бы «теоретико-игровыми экспериментаторами». Дело в том, что как поведенческая экономика, так и экспериментальная экономика, кладут в основу построения экспериментальных ситуаций, которые они изучают, математическую теорию игр, и в качестве игроков, как правило, используют студентов, а не реальных акторов. Такое экспериментирование оставляет дисциплину в привычной для нее культуре отсутствия обязательной и необходимой непосредственной связи с реальностью своих построений и красотой, как одним из важных критериев в оценке этих построений и полученных результатов. Таким образом, «теоретико-игровые экспериментаторы» не создают никакой угрозы фундаментальным чертам установившейся культуры экономической дисциплины.

Напротив, конструктивистский дискурсивный подход в экономических исследованиях создает для этой культуры вполне реальную угрозу. Экономисты, которые используют этот подход, работают не только как статистики, но и как антропологи и (или) историки. Их культура по существу никак не соприкасается с культурой «философов от мира сего», математиков, эконометриков и теоретико-игровых экспериментаторов. Она есть на самом деле не что иное, как преломление культуры исследователей в области естествознания на общественно-научную область исследования. Форма этого преломления определяется адекватной для социальных наук дискурсивной онтологией и вытекающей из требований этой онтологии способов построения экспериментальных ситуаций. Превращение нынешних экономистов-математиков, экономистов-статистиков-эконометриков, теоретико-игровых экспериментаторов и экономистов-философов в экономистов-статистиков-историков-антропологов потребовала бы от них таких колоссальных усилий, что они в своей массе не могут не рассматривать такую перспективу иначе, чем угрозу профессии. Однако, если бы такое превращение воспринималось как угроза только действующими членами профессии, то постепенно, при наличии политической воли со стороны влиятельных кругов вне сообщества экономистов, эта трансформация профессии могла бы, в принципе, быть осуществлена. Но все дело в том, что изменение профессии экономистов в этом направлении может рассматриваться как угроза и влиятельными кругами, контролирующими профессию, представленными в попечительских советах университетов, руководстве частных фондов, финансирующих исследования, а также оказывающими влияние на региональную и федеральную администрации. Эти круги есть не что иное, как сообщество бизнесменов. Частные фирмы совсем не заинтересованы быть объектами детальных исследований антропологического типа, так как они могут выявить и сделать достоянием гласности немало асоциальных и даже аморальных элементов



их деятельности. Однажды я сам испытал эффект такой незаинтересованности.

После окончания в 1994 г., во Франции, школы бизнеса «Институт международного агропромышленного управления» (*Institut de Gestion Internationale Agro-Alimentaire*, IGIA), я, перед тем, как начать работу в проекте по приватизации продовольственной торговли в городе Минске, который финансировался Европейской комиссией, решил пройти стажировку в фирме «Ашан» (*Auchan*). Учитывая будущую работу в Минске, я заинтересовался, в первую очередь, источниками эффективности этого сетевого торгового предприятия. В рамках стажировки я получил возможность проведения включенного наблюдения и углубленных интервью с работниками разных подразделений этой фирмы. Я открыл для себя, что действительно вклад в экономическую эффективность фирмы вносят определенные элементы организации, например, сотрудничество с производителем по совместной разработке новых продуктов или делегирование ответственности по заказам на самый низкий уровень управленческой иерархии. Однако я увидел и другое, в том числе и то, что процветание компании «Ашан» во Франции напрямую связано с высоким уровнем безработицы в этой стране. Предлагая низкую заработную плату, фирма является временным приютом для безработных, которые трудятся в ней, продолжая искать более подходящую для себя работу; отсюда высокая текучесть рабочей силы и соответственно приспособленный для этого раздутый отдел кадров. Менеджер секции, центральная фигура в гипермаркетах «Ашан», является объектом жесткой эксплуатации. За достаточно низкую заработную плату такой работник имеет 12–14-часовой рабочий день и шестидневную рабочую неделю. Менеджеров, согласных на подобные условия, фирма выращивает сама из способных рабочих, как правило, избегая принимать на эти должности людей с управленческим образованием. Еще одним важнейшим источником экономической эффективности являются силовые отношения с поставщиками. Я мог их воочию наблюдать, присутствуя на переговорах менеджеров фирмы с руководителями предприятий производителей. Используя олигопольное положение, фирма контрактной политикой ставит большое количество своих поставщиков на грань разорения. Увидев, что работники гипермаркета не очень-то беспокоятся о высоком уровне потерь скоропортящихся продуктов (таких, как овощи и фрукты) — потерь, которых несложно было избежать, — я узнал, что поставщику оплачивается только проданная продукция. Значительные объемы товара выбрасывались (например, достаточно дорогостоящая клубника), но фирму это не очень беспокоило. Конечно, цены могли быть ниже, если к товару относиться бережнее. Источником эффективности фирмы является также нередко достаточно сомнительная с моральной точки зрения политика навязывания товаров покупателю. По крайней мере, мое включенное наблюдение заставило меня начать сомневаться в распространяемом фирмой мифе о том, что она делает все для счастья как своих сотрудников, так и покупателей. Стажировка была рассчитана на два месяца. После первого месяца я уже мог сделать описанные выше выводы и поделился кое-какими из них с руководством гипермаркета, к которому организационно была прикреплена<sup>68</sup> моя стажировка. На следующий день после этого все ранее намеченные встречи были отменены и, хотя еще в течение месяца, до официального окончания стажировки, на мой банковский счет продолжало поступать предусмотренное денежное вознаграждение, моя стажировка, а вместе с ней и мое исследование были прекращены.

Но вернемся к поведенческой и экспериментальной экономике. В основе их лежит теоретико-игровая схема, поэтому я дам свою интерпретацию схемы теории игр, к которой я пришел много лет тому назад (*Ефимов 1978*). Начала математической теории игр положила работа Джона фон Неймана 1928 г., называвшаяся «*Zur Theorie der Gesellschaftsspiele*». Русский перевод этого названия, соответствующий английскому переводу, не совсем верен: «К теории стратегических игр» (*Нейман 1961*). Правильнее было бы перевести так: «К теории салонных игр». Фон Нейман

<sup>68</sup> Включенное наблюдение и интервью я проводил не только в гипермаркете Сержи-Понтуаз, к которому организационно была прикреплена моя стажировка, но и на многих других объектах фирмы на территории Франции, таких как другие гипермаркеты, региональные оптовые базы, центр закупок на оптовом рынке *Rangis* («Ранжис»), который также осуществлял связь с аукционом в Голландии, управленческий центр фирмы под Лилем.

поясняет предмет своего математического исследования — салонную игру — следующими словами: «В это понятие укладываются очень многие довольно разнообразные вещи — от рулетки до шахмат, от баккара до бриджа, — распространяются различные варианты общего понятия салонной (в русском и английском переводах было *стратегической*. — В.Е.) игры. И в конце концов, любое событие с данными внешними условиями и данными действующими лицами (предполагая абсолютную свободу воли последних) можно рассматривать как салонную (в русском и английском переводах было *стратегическую*. — В.Е.) игру, если иметь в виду его обратное действие на этих лиц» (Нейман 1961, 173–174). Далее, в сноске, фон Нейман дополняет: «Это основная проблема классической экономики; как поступит абсолютно экономичный *homo oeconomicus* при данных внешних условиях?» (Нейман 1961, 174). Эта последняя аналогия между поведением человека в салонной игре и в экономической жизни и послужила основой для знаменитой монографии фон Неймана и Моргенштерна «*Theory of Games and Economic Behavior*» («Теория игр и экономическое поведение»). В книге формулируется следующее методологическое положение: «Для экономических и социальных проблем игры выполняют — или должны выполнять — ту же роль, которую различные геометрические модели с успехом осуществляют в физических науках» (Нейман и Моргенштерн 1970, 58). Ход рассуждений фон Неймана и Моргенштерна о теории игр как теории экономического поведения сводится примерно к следующему: салонные игры являются хорошими моделями экономического поведения, математическая теория игр является математической теорией салонных игр; отсюда следует, что математическая теория игр является теорией экономического поведения. В послесловии к русскому изданию этой книги редактор перевода пишет следующее: «Книга называется «Теория игр и экономическое поведение», а в первой же ее фразе авторы указывают, что ее цель — рассмотреть некоторые фундаментальные вопросы экономической теории. Таким образом, может создаться впечатление, что книга посвящена экономике, а именно приложениям к экономике методов теории игр. Однако в действительности, содержание монографии — чисто математическое» (Воробьев 1970, 650).

Теория игр фон Неймана была изначально создана как математическая теория салонных игр, которые, безусловно, являются в свою очередь очень специфическими моделями социальной жизни. Взяв теоретико-игровую схему в качестве основы построения лабораторных экспериментов, Даниэль Канеман и Амос Тверски (Kahneman and Tversky 2000) под лозунгом поведенческой экономики, а также Чарлз Плотт и Вернон Смит (Plott and Smith 2008; Смит 2008) под лозунгом экспериментальной экономики упростили экономическую реальность до уровня салонной игры. Это они сделали, следуя фон Нейману, который полагал, что «любая социальная ситуация» может быть «редуцирована до шахмат» (Леонард 2006, 277). Более 30 лет назад я писал по этому поводу: «На языке понятий теории игр, а, следовательно, на языке категорий салонных игр (стратегия, платеж) нельзя отразить самого главного в поведении индивида в социально-экономических системах, а именно — структуры ролей» (Ефимов 1978, 173). Сейчас я не стал бы апеллировать к понятию роли, но, поскольку социальная роль определяется совокупностью норм поведения, утверждение в целом остается верным. Теоретический язык этих авторов во многом позаимствован у стандартного микроэкономического подхода, но несколько «усовершенствован». Успех в прогнозировании кризиса Шиллером показал, что теоретический язык конструктивистской дискурсивной институциональной экономики объясняет явление возникновения пузырей удачнее, чем

языки, используемые как ортодоксами, так и гетеродоксами, однако надеяться на возникновение в ближайшее время критической массы сторонников этого языка внутри сообщества экономистов не приходится по институциональным причинам. Даже самому Шиллеру, несмотря на его авторитет и прочное положение, для того чтобы не оказаться вне институциональных рамок дисциплины, приходится оправдываться по поводу необходимости изучения историй и ложно выдавать то, что он делает, за нечто, основанное на результатах поведенческой экономики, которая уже стала частью мейнстрима.

Работы психологов Канемана и Тверски можно рассматривать как результат экономического империализма в область психологии, а эксперименты, проводимые ими, равно как Плотом и Смитом, строились в соответствии с традиционным представлением научного исследования (см. рис. 1 в разделе I.1 данной статьи). Профессиональные психологи Канеман и Тверски, как и многие их коллеги (*Солсо и Маклин 2006*), игнорировали те методологические споры, которые имели место внутри их профессии, в частности, на страницах журнала «*American Psychologist*». Еще в 1962 г. Мартин Орн утверждал, что «поведение испытуемого в любой экспериментальной ситуации будет определяться двумя типами переменных: (а) теми, что традиционно определяются как экспериментальные переменные, и (б) его восприятием того, что от него требуется в этой экспериментальной ситуации» (*Orne 1962, 779*). По мнению Орна, в связи с тем, что в социальной психологии эксперимент выступает сам по себе как некоторое социальное взаимодействие, он не может строиться в соответствии с канонами классического естествознания. Ирвин Силверман публикует в 1971 г. в том же журнале статью, где высказывается по данному поводу еще более определенно: «Модель испытуемого как только объекта в социально-психологическом эксперименте оказалась совершенно неадекватной, и поэтому данные, получаемые в экспериментах, значительно более связаны с мотивами и чувствами испытуемых относительно роли в эксперименте, чем с жизнью за пределами лаборатории»; «В условиях лаборатории происходит известное выключение испытуемого из системы реальной культуры и включение его в систему иной — «лабораторной» — культуры» (*Silverman 1971, 584*).

Лабораторные экономические эксперименты при конструктивистско-дискурсивном подходе должны строиться и проводиться совсем не так, как того требует классическая естественнонаучная традиция. В качестве образца они берут не салонные, а детские ролевые игры, в которых дети осваивают через активное использование языка социальные нормы взрослых. Основы теории детской ролевой игры были заложены Львом Выготским. В своей лекции, прочитанной в 1933 г. в ЛГПИ им. А.И. Герцена, он называет отличительной чертой детской ролевой игры то, что в ней ребенок создает мнимую ситуацию. «Игра с мнимой ситуацией, — подчеркивает он, — в сущности, представляет собой игру с правилами <...> Всякая игра с мнимой ситуацией есть вместе с тем игра с правилами, и всякая игра с правилами есть игра с мнимой ситуацией». Действие в мнимой ситуации, которая не видится, а только мыслится, приводит к тому, что «ребенок начинает определяться в своем поведении не только непосредственным восприятием вещи или непосредственно действующей на него ситуацией, а смыслом этой ситуации» (*Выготский 1966*). Экспериментальная ситуация в исследовательском лабораторном (игровом имитационном) эксперименте соответствует мнимой ситуации в детской игре. Важнейшими элементами экспериментальной ситуации являются правила, соответствующие исследуемым институтам. Г.П. Щедровицкий и Р.Г. Надежина развили идеи Выготского, выявив во время своих наблюдений за детскими ролевыми играми два

типа деятельностей во время такой игры: (1) собственно игровой деятельности и (2) деятельности по поводу игры (*Щедровицкий и Надежина 1973*). Эти понятия полностью переносятся в организацию исследовательских лабораторных экспериментов. Игровая деятельность — деятельность, имитирующая деятельность акторов. Деятельность по поводу игры — это исследовательская деятельность участников, которая может принимать самые разнообразные формы, и связана с обсуждением и замечаниями по поводу изучаемой в эксперименте проблемы между игроками и между игроками и экспериментаторами, а также обсуждением и замечаниями по поводу конструкции и организации эксперимента. Деятельность по поводу игры является важнейшей в лабораторном эксперименте (*Ефимов 1978, 151*). В этом типе эксперимента коллектив игроков при конструктивистско-дискурсивном подходе нужно рассматривать не только (и не столько) как заменителей соответствующих акторов, а как реальную социальную группу, возникновение лабораторной культуры в которой не элиминируется, а используется (*Ефимов 1978, 144*).

С одной стороны, игроки-участники должны подчинять свои взаимодействия и решения введенным экспериментатором формальным правилам, а с другой стороны, они привносят в эксперимент из своей реальной жизни идеи (убеждения, ценности, верования) и неформальные правила и тем самым дают возможность проследить совместное влияние идей-ценностей и двух типов правил на результаты функционирования моделируемой компьютером системы. Конструктивистско-дискурсивные лабораторные эксперименты моделируют функционирование реальных институтов, так как формальные правила в этих экспериментах есть модели реальных законодательств, а неформальные правила и другие элементы институционального знания приходят в эксперименты вместе с реальными акторами, которых приглашают принять участие в экспериментах. В неоклассических лабораторных экспериментах такой связи с реальностью нет, и то, что называется в них «институтами», описываемыми в инструкциях участникам, во многом является плодом воображения авторов эксперимента (*Смит 2008, 303*).

В 1970-е гг., в начале своей работы по лабораторному экономическому экспериментированию, я сделал определенный онтологический и эпистемологический выбор (*Ефимов 1978; Yefimov 1979*), дав ответы на четыре вопроса. *Первый вопрос* касался выбора участников эксперимента: должны ли они быть реальными акторами или можно ограничиться студентами? Для меня как преподавателя МГУ было намного проще сделать выбор в пользу второго варианта, но я выбрал первый. *Второй вопрос* относился к мотивации участников эксперимента. С самого начала я понимал, что «акцент на цели выигрыша может нарушить необходимый уровень двупланового поведения (игровая деятельность и деятельность по поводу игры) и тем самым обесценить эксперимент» (*Ефимов 1978, 154*). *Третьим вопросом* был такой: «Нужно ли в эксперименте собирать только количественные данные или следует сосредоточиться, прежде всего, на сборе качественных данных дискурсивного типа, максимально записывая всевозможные обсуждения на диктофон?» Мой выбор был в пользу сбора качественных данных. Наконец, *четвертый вопрос* (последний по счету, но далеко не последний по важности) касался деятельности участников-игроков: должна ли она быть ограничена только исполнением определенных ролей или необходимо также и их участие в аналитической исследовательской деятельности? Из вышеизложенного читатель уже знает, что я выбрал второе. В работах Даниэля Канемана и Вернона Смита был сделан противоположный методологический выбор относительно всех четырех вопросов. Я уже давно опубликовал статью в ставшем сейчас престижным международном журнале

с изложением концепции конструктивистского дискурсивного лабораторного экспериментирования для институциональных исследований (*Yefimov 1981*), однако этот мой призыв остался не услышанным, а журнал погрузился в неоклассическую парадигму.

## II. 4. МЕТОДОЛОГИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЭКОНОМИСТОВ: ОТ ПОКАЯНИЯ К ВОСКРЕСЕНИЮ

В последнее время появляется достаточно большое число книг, написанных академическими экономистами и посвященных развенчанию экономикс. Одна из них так и называется — «*Debunking Economics. The Naked Emperor of the Social Sciences*» («Развенчанная экономикс. Голый король социальных наук») (*Keen 2001*). Еще одна книга имеет не менее броское название — «*The Dismal Science*» («Зловещая наука»), а ее подзаголовок — «*How Thinking like an Economist Undermines Community*» («Как мышление, которому следуют экономисты, подрывает общество») — указывает на одну из тех сторон экономикс, которые делают ее зловещей (*Marglin 2008*). В книге «*A Perilous Progress: Economists and Public Purpose in Twentieth-Century America*» («Опасное развитие: экономисты и общественные цели в Америке двадцатого века») рассказана история увядания общественных целей в экономической профессии и проанализирована ключевая роль экономистов в отходе от федеральных инициатив 1930-х гг. по реформированию экономической и социальной жизни США (*Bernstein 2001*). Три другие книги раскрывают ненаучный идеологический характер экономикс: «*Chicago Fundamentalism. Ideology and Methodology in Economics*» («Чикагский фундаментализм. Идеология и методология в экономикс») (*Freedman 2008*); «*The Puzzle of Modern Economics. Science or Ideology?*» («Загадка современной экономикс. Наука или идеология?») (*Backhouse 2010*); «*The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective*» («Дорога из Мон-Пелерэн. Как была распространена неолиберальная мысль») (*Mirowski and Plehwe 2009*). Отечественным экономистам хорошо известен лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц как жесткий критик неоклассической экономикс и либеральных реформ в России (*Стиглиц 2005*). В своей недавней книге «*Freefall*» («Крутое пике») он пишет про экономистов: «Вместо представителей научной дисциплины они становятся самыми активными участниками группы поддержки капиталистического свободного рынка» (*Стиглиц 2011, 288*). Стиглиц считает, что «если Соединенные Штаты собираются добиться успеха в реформировании своей экономики, то, им, возможно, придется начать с реформирования экономической науки» (*Стиглиц 2011, 288*). Однако создается впечатление, что все прошлые и настоящие разоблачения и призывы к модификациям современной экономической дисциплины практически ничего не меняют. Дисциплина в ее ненаучной форме является необыкновенно институционально устойчивой. Я уже называл два источника такой устойчивости: укорененность институционального знания, доставшегося нам в наследство от Нового времени, а также политические и экономические интересы влиятельных кругов. Однако институциональная стабильность экономической дисциплины достигается также благодаря господствующим ценностным ориентациям в сообществе академических экономистов. Данный заключительный раздел статьи посвящен именно этому.

В предыдущем разделе статьи я ввел следующую «методологическую» классификацию экономистов: экономисты-математики, экономисты-статистики-эконометрики, экономисты-теоретико-игровые экспериментаторы, экономисты-фило-

софы и экономисты-статистики-историки-антропологи. Первые три категории экономистов составляют мейнстрим, четвертая в основном относится к неортодоксальным течениям, а пятая институционально не существует. Из предыдущего изложения следует: для того, чтобы экономическая дисциплина стала научной, членам сообщества необходимо превратиться в экономистов-статистиков-историков-антропологов. Предположим, что влиятельные круги вне этого сообщества, которые не заинтересованы в такой трансформации профессии, нейтрализованы, и теперь само сообщество имеет возможность преобразоваться, с тем чтобы стать познавательным эффективным и социально полезным. Но в том то и дело, что, будучи приведенным в действие, мейнстрим экономической науки проявляет необыкновенную устойчивость и без особых контролирующих воздействий извне. Почему это происходит? Одновременно нужно также ответить и на такой вопрос: почему в естествознании дисциплина (или ее направление), которая терпит провал за провалом в объяснении и предсказании каких-то явлений, неизбежно обречена на академическую смерть? Ответ на оба вопроса один и тот же: это объясняется доминирующими ценностными ориентациями членов соответствующих сообществ.

Согласно Т. Куну, «научное сообщество состоит из исследователей с определенной научной специальностью. В несравнимо большей степени, чем в большинстве других областей, они получили сходное образование и профессиональные навыки; в процессе обучения они усвоили одну и ту же учебную литературу и извлекли из нее одни и те же уроки <...> В результате члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая и обучение учеников и последователей. В таких группах коммуникация бывает обычно относительно полной, а профессиональные суждения относительно единодушными» (Кун 2002, 227–228). Имея в виду, конечно, естествознание, Кун утверждает: победа нового, радикально отличного от старого, научного направления начинается с осознания достаточно узкой частью научного сообщества, что старое направление перестало адекватно функционировать при исследовании определенных явлений (Кун 2002, 129). Что значит для какого-то научного направления адекватно функционировать в естествознании? Это означает открывать новые свойства изучаемого объекта и (или) давать такое понимание и объяснение известных явлений, которые лучше согласуются с результатами опыта. Новое направление вытеснит старое, когда будет открывать новые свойства и (или) объяснять известные явления удачнее, чем прежде, и тем самым привлечет на свою сторону критическую массу сторонников. Адепты старого направления признают свое поражение из-за *ценностных ориентаций ученых-естественников на поиск истины, то есть понимание изучаемых объектов, честность в проведении экспериментов и правдивость в оглашении их результатов*. Это было заложено в колыбели института естествознания — в Лондонском королевском обществе.

Лондонское королевское общество с момента своего создания функционировало не только и не столько на основе формальных правил (писанных норм), сколько в соответствии с неформальными правилами научной этики, за которыми стояла высшая ценность поиска истины. Американский социолог и историк науки Стивен Шейпин в книге «*A Social History of Truth. Civility and Science in Seventeenth-Century England*» («Социальная история истины. Благовоспитанность и наука в Англии XVII века») (Shapin 1994) исследует эти правила и ценности, используя биографический метод. Центральной фигурой исследования Шейпина является Роберт Бойль (*Robert Boyle*), один из главных основателей Лондонского

королевского общества. Он принадлежал к старинному аристократическому роду. Как и для других членов этого одного из первых институционализированных сообществ ученых-исследователей, его присутствие в нем никак не было связано с какими-то материальными интересами. Наоборот, получив после смерти отца значительное состояние, он тратил его на проведение исследований, которые носили экспериментальный характер. Анализируя биографию Бойля и документацию Лондонского королевского общества, Шейпин приходит к образу члена сообщества исследователей как ученого и джентльмена (*a scholar and a gentleman*), для которого правдивость в поиске истины и в передаче другим результатов своих экспериментальных исследований «гарантировалась нравственностью» (*underwritten by virtue*): «Джентльмены настаивали на правдивости их отношений как знаке их положения и чести. Признание правдивости джентльмена было признанием его идентичности. Свобода действий и идентичность рассматривались как условие правдивости, в то время как стеснение и нужда (*constraint and need*) признавались как почва для лживости» (*Shapin 1994, 410*). Для них любовь к истине была даже выше репутации и славы (*Shapin 1994, 280*). Близкие ценности для людей науки полтора века спустя проповедовал один из идеологов института исследовательского университета, первый ректор нового Берлинского университета, Иоганн Фихте. По его мнению, назначение ученого сословия — «это высшее наблюдение над действительным развитием человеческого рода в общем и постоянное содействие этому развитию» (*Фихте 2000, 761–762*). Он считал, что цель всей работы ученого в отношении общества есть «нравственное облагораживание человека», и «обязанность ученого — устанавливать всегда эту последнюю цель и иметь ее перед глазами во всем, что он делает в обществе» (*Фихте 2000, 766*). Фихте приводит слова, которые, по его мнению, каждый ученый должен сказать себе: «Я призван для того, чтобы свидетельствовать об истине, моя жизнь и моя судьба не имеют значения; влияние моей жизни бесконечно велико. Я — жрец истины, я служу ей, я обязался сделать для нее все — и дерзать, и страдать» (*Фихте 2000, 767*).

Сообщество академических экономистов сейчас функционирует не по Бойлю и не по Фихте. Прежде всего, бросается в глаза пренебрежение к данным вообще, а к детальным данным качественного типа, из которых можно было бы почерпнуть источники регулярностей, — правилам и сопровождающим их убеждениям — в особенности. Поскольку реальных экспериментов с объектом исследования не проводится, а теоретико-игровое экспериментирование осуществляет не что иное, как *подмену объекта исследования*, то и правдивость в засвидетельствовании протекания проводимых сейчас экономистами экспериментов теряет смысл. Члены сообщества работают не для того, чтобы понять что-то, а пишут статьи и книги для того, чтобы быть положительно оцененными этим сообществом. Пол Самуэльсон сформулировал это так: «Мы, экономисты, работаем, прежде всего, для того, чтобы заслужить уважение коллег, позволяющее нам самим больше уважать себя» (*Самуэльсон и Барнетт 2009, 12*). Каждый член сообщества экономистов рассматривает свое время, потраченное на освоение определенных идей, как инвестиции, нацеленные, в конечном счете, на укрепление положения в этом сообществе. Если это совершенно новые идеи, как в случае с конструктивистской (дискурсивной, интерпретативной) институциональной экономикой, то освоение их требует от членов сообщества экономистов достаточно много времени, и они не готовы его потратить, так как не без основания чувствуют, что такого рода инвестиции в ближайшее время отдачи (то есть укрепления положения инвестирующего в сообществе экономистов) не принесут. Это объясняет тот факт, что аб-

солютное большинство экономистов отказываются знакомиться с чем-то для них совершенно новым, в том числе и с конструктивистским институционализмом.

Мой многолетний опыт работы на экономическом факультете МГУ и на экономических факультетах ряда французских университетов, а также богатый опыт общения со значительно более широким кругом академических экономистов в России и на Западе позволили мне составить типологию академических экономистов с точки зрения ценностей, которые они разделяет относительно своей профессии:

*Любопытный альтруист*: экономист-преподаватель и (или) исследователь должен изучать действительность для того, чтобы ее понимать и тем самым быть полезным обществу, передавая ему и, в частности, своим студентам это понимание. Сама познавательная деятельность является для него страстью, а материальное вознаграждение за нее имеет второстепенное значение.

*Эстет*: деятельность экономиста состоит в том, что он строит «красивые» теории, которые, как он надеется, будут положительно оценены его коллегами и студентами. Заниматься этим с удовольствием можно только в том случае, если она достаточно хорошо оплачивается.

*Служащий*: профессия академического экономиста ценна тем, что позволяет получить, как правило, стабильную, уважаемую, хорошо оплачиваемую работу, с частыми и продолжительными отпусками-каникулами и дает возможность общаться с интересными людьми.

*Коммерсант*: экономист-исследователь, будь то преподаватель вуза или сотрудник НИИ, должен внимательно следить за тем, какие направления научного производства сейчас модны, позволяют получить научные гранты, а также пользуются спросом в научных журналах, на научных конференциях, семинарах и выездных школах и осуществлять исследовательскую деятельность так, чтобы иметь возможность успешно «продать» свою научную продукцию. Такой экономист стремится использовать любые возможности, чтобы зарабатывать вне своего основного места работы, на контрактной основе, в качестве эксперта-консультанта, лектора-преподавателя или автора учебников.

Каждый член сообщества академических экономистов может иметь черты всех четырех типов, а его реальное поведение зависит от «веса» в нем каждого типа. Значительная часть западных академических экономистов принадлежат к четвертому типу и являются убежденными адептами рыночной религии, о которой речь в данной статье шла выше. Преподавание неоклассической экономической теории для них не ставит никаких моральных проблем, так как они, по существу, преподают теологию своей религии. Престижность того, чем они занимаются, гарантируется, в частности, присуждением Нобелевских премий экономистам, работающим в соответствующих областях. Для Ариэля Рубинштейна, которого я неоднократно цитировал в этой статье, его работа все-таки создавала ему некоторые моральные неудобства и, по-видимому, этим и вызвана публикация его статьи-исповеди.

Существует тесная связь между ценностями разделяемыми экономистом и используемой им методологией. Любопытство, любознательность являются обязательными качествами ученого, вставшего на путь экспериментального исследования. Наука для такого ученого не столько профессия, сколько призвание. Его нацеленность на удовлетворение собственного любопытства доминирует над другими жизненными целями, включая, как правило, и материальные. Но такой ученый, обычно передающий приобретенное знание обществу и тем самым являющийся полезным людям, может рассматриваться как альтруист. Экспериментальные исследования в отличие от теоретических, в особенности, если эти вторые основны-



ваются на априорно-абстрактном подходе, требуют всегда большой организации и немалых ресурсов, а следовательно, и значительных усилий со стороны ученого, которые не всегда компенсируются материально. Человек, не являющийся альтруистом осуществлять такие усилия просто не будет. За альтруизмом ученого-экспериментатора всегда стоят определенные идеи. Для Ньютона, Бойля и многих ученых того времени это была христианская идея любви к Богу. Исследования были призваны открыть замысел Божий и тем самым приблизить к нему как самого исследователя, так и христианское общество. Для таких экономистов, как Уильям Каннингем, Ричард Эли и Джон Коммонс, христианские идеи тоже играли решающую роль в их профессиональной ориентации. Все трое, кроме своих трудов, отражающих их научные исследования, оставили нам книги, в которых они рассматривали социально-политико-экономические проблемы с точки зрения христианского учения (*Ely 1889; Cunningham 1902; 1909; Commons 1967*). Очень важно подчеркнуть, что христианская вера для них была важным стимулом в их работе как антропологов и историков, однако она никогда не определяла заранее результаты исследования. В этом видна резкая разница с априорно-абстрактными экономическими теориями, *когда выводы уже predeterminedены верой*, что имело место в классической политической экономии, марксистской политической экономии и неоклассической экономикс.

Экономистом Джоном Коммонсом экспериментально-эмпирические исследования проводились для того, чтобы понять изучаемую реальность и, зная, как существующая система действует на самом деле, разработать предложения и меры по поводу того, как ее лучше реформировать исходя из христианских ценностей, центральная из которых отражается в заповеди «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (*Лк. 10: 27*). Здесь также видна колоссальная разница с теорией и практикой реформ, проводимых на базе таких априорных теорий, как неоклассическая экономикс. Очень интересно в этом отношении свидетельство В.Л. Глазычева о его беседе с одним из высокопоставленных российских чиновников, который напрямую заявил следующее: «Я не хочу знать, как оно есть, я хочу знать, как надо»<sup>69</sup>. Такая позиция соответствует подходу Дж.С. Милля, А. Маршалла, П. Самуэльсона, а затем и Джеффри Сакса, а также тех российских экономистов, которых он консультировал (*Ослунд 1996*). Подход Коммонса противоположен и состоит в следующем: чтобы знать, «как надо», нужно знать, «как оно есть». Но (и в этом заключается проблема) знание о том, «как оно есть», требует *очень большой работы* по сбору информации и ее анализу, и *нужно быть очень мотивированным социально*, чтобы качественно сделать эту работу. Коммонс, безусловно, был любопытным альтруистом, о чем свидетельствует один из его учеников, Эдвин Витте<sup>70</sup>: «Профессор Коммонс вдохновлял студентов посвятить свои жизни совершенствованию нашего демократического образа жизни и нашей экономики свободного предпринимательства, к которым он развивал в студентах не только глубокое восхищение, но также и правильную оценку того, что американская идея есть идея непрерывного совершенствования. Как часто бывает с молодыми людьми, многие студенты Коммонса были неудовлетворены тем, что существовало в реальности. Но после его занятий они, без сомнения, хотели исправить то, что считали плохим, и сделать это без разрушения нашей политической, экономической и социальной структуры. Коммонс учил их, что они должны полно знать факты и

<sup>69</sup> См.: (<http://www.intelros.org/lib/statyi/glazychev2.htm>).

<sup>70</sup> Эдвин Витте (*Edwin Witte*) (1887–1960) один из самых активных членов команды Коммонса, которого иногда называют «отцом социального страхования» (*Schlabach 1969*).

делать реальные (*workable*) предложения для улучшения существующей ситуации. Он предлагал им не только изучать то, что было написано о предмете, и логически рассуждать об этом, но делать собственные наблюдения и обдумывать их скорее в терминах мер, которые нужно принять, а не с точки зрения критики. Он призывал получать информацию о предмете, вступая в контакт с теми, кто непосредственно заинтересован в таких мерах» (*Harter 1962, 77*). Не правда ли волнительное свидетельство? Много ли сейчас экономистов с такими ценностными ориентациями? А вот, как Коммонс сам говорит о себе: «Когда предмет становился рутинной, я терял к нему интерес <...> Только когда он был новым, полным неопределенности и риска, я направлял свою волю для движения вперед. Позже я узнал от физика Чарлза С. Пирса, основателя американского «прагматизма», что правильное имя этому — «раздражающее действие сомнения»<sup>71</sup>. Это было названо им «инстинкт любопытства»» (*Commons 1964, 129*)<sup>72</sup>.

Я имел возможность встречаться с большим числом экономистов в России, Западной Европе и США и оценить их ценностные ориентации. Среди них были Дуглас Норт и его сотрудники. В одной из своих недавних публикаций я уже обратил внимание российских экономистов на достаточно резкий поворот, который произошел в публикациях Норта после получения им Нобелевской премии по экономике в 1993 г. (*Ефимов 2007а, 58–60*). Обнаруживается это в том, что, начиная с 1994 г. и «не делая никаких ссылок на этот счет, Д. Норт по существу заново открывает подходы и концепции, известные в рамках интерпретативной парадигмы со времен Шмоллера и Коммонса. Норт явно осуществил возвращение к теории (онтологии) и неявно — к методологии (эпистемологии) американского институционализма и немецкой исторической школы» (*Ефимов 2007а, 58*). Это находится в полном противоречии с тем, что он делал в течение своей долгой профессиональной жизни до этого и было отражено в его четырех книгах: «*Institutional Change and American Economic Growth*» («Институциональные изменения и экономический рост в Америке») (*Davis and North 1971*); «*The Rise of the Western World. A New Economic History*» («Западный мир на подъеме: новая история экономики») (*North and Thomas 1973*); «*Structure and Change in Economic History*» («Структура и изменение в истории экономики») (*North 1981*); «*Institutions, Institutional Change and Economic Performance*» («Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность») (*North 1990; Hopm 1997*)<sup>73</sup>. Вот как он сам характеризует свое творческое наследие до 1993 г. в автобиографии, подготовленной им по случаю присуждения Нобелевской премии: «Обе книги (первые две в вышеприведенном списке. — В.Е.) представляли собой первые попытки разработать инструменты институционального анализа и применить их к экономической истории. Обе, как и раньше, основывались на неоклассической экономической теории и имели слишком много утверждений, лишенных смысла, таких, как тезис о том, что любые институты эффективны (как бы их не определяли) <...> В 1981 г., в книге «Структура и изменение в истории экономики», я отказался от представ-

<sup>71</sup> «Раздражающее действие сомнения становится причиной борьбы за достижение состояния убежденности. Я называю эту борьбу исследованием, хотя следует заметить, что это обозначение зачастую не вполне адекватно» (*Пирс 2000б, 103*).

<sup>72</sup> Я предлагаю читателю сравнить это высказывание Джона Коммонса со словами академика Льва Андреевича Арцимовича, приведенными в сноске 28 раздела I.3, данной статьи (см. *Экономическая социология*. 2011. 12 (3). ([http://ecsoc.hse.ru/data/2011/05/31/1234590204/ecsoc\\_t12\\_n3.pdf](http://ecsoc.hse.ru/data/2011/05/31/1234590204/ecsoc_t12_n3.pdf))).

<sup>73</sup> Перевод понятия *Economic Performance* как «функционирование экономики» в русском названии книги, на мой взгляд, неверен. В данном контексте уместнее «экономическая эффективность».

ления, что институты изначально эффективны, и попытался объяснить, почему «неэффективные» правила существовали и даже имели тенденцию к самосохранению. Это было связано с очень простой и опять же неоклассической теорией, которая могла бы объяснить, почему государство создает иногда правила, не способствующие экономическому росту <...> В 1980-е годы я занимался разработкой политико-экономических принципов исследования долгосрочных институциональных изменений, что привело меня к написанию книги, изданной в 1990 г.: «Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность». В этой книге я подверг серьезному анализу постулат о рациональности» (цит. по: (Окреплов 2009, 300–301)).

Итак, Норт признает, что его первые три книги были неоклассическими. Что касается его четвертой книги, впервые изданной в 1990 г. и опубликованной в русском переводе в 1997 г., то она предлагает теорию институтов, которая, по словам самого Норта, построена путем соединения теории человеческого поведения и теории трансакционных издержек (North 1990, 27; Hopm 1997, 45). Теория человеческого поведения, о которой он говорит, это теория ограниченной рациональности Герберта Саймона, а теорию трансакционных издержек он дополняет эволюционной идеей зависимости от пройденного пути. Процесс институциональных изменений он представляет в этой книге как процесс изменения контрактов (North 1990, 86; Hopm 1997, 113). Но вот после получения Нобелевской премии он, в соавторстве с Артуром Дензау, публикует статью, в которой процесс институциональных изменений трактуется совсем по-другому, а именно как процесс, связанный с изменениями в разделяемых членами сообщества (общих для них) ментальных моделях. Ментальные модели строятся людьми, чтобы придать смысл окружающему их миру, идеологии проистекают из этих ментальных конструкций и институты, связанные с ними, упорядочивают межличностные отношения (Denzau and North 1994). Из этой краткой характеристики идей, изложенных в статье Дензау и Норта, уже видно, что ментальные модели, идеологии и институты на языке конструктивистско-дискурсивного подхода есть не что иное, как институциональное знание акторов, которое и нужно осваивать исследователю для выявления регулярностей в поведении изучаемого социального объекта.

Девять лет спустя эти идеи были развиты в книге Норта «*Understanding the Process of Economic Change*» («Понимание процесса экономических изменений») (North 2005; Hopm 2010). Гораздо раньше, многие идеи, которые можно найти в этой книге Норта, содержались уже в работе Бергера и Лукмана (Berger и Лукман 1995), опубликованной впервые в 1966 г., я уж не говорю про работы Рома Харре<sup>74</sup>. Норт был просто не в курсе существования этих работ, так как ориентировался до 1993 г. только на те идеи, освоение которых способствовало бы его карьере экономиста. Начиная с 1993 г., по-видимому, под влиянием А. Дензау, Норт обращается к когнитивной психологии, но к тому ее варианту, который не вышел еще из состояния первой когнитивной революции<sup>75</sup> (Harré and Gillett 1994, 6–7), не заметив, что к этому времени психология уже успела пережить вторую когнитивную революцию, отталкиваясь от идей позднего Витгенштейна (Harré and Gillett 1994, 18). Как было показано в разделе I.2 данной статьи, социальный конструктивизм в форме дискурсивного подхода дает ключ к пониманию процессов институциональных изменений в определенном сообществе. Эти процессы представляют собой дина-

<sup>74</sup> См. сборник его статей: (Van Langenhove 2010).

<sup>75</sup> Обзор некоторых работ по когнитивной психологии, находящейся на этой стадии развития, можно найти в статье: (Ефимов 2007б, 21–24).

мику разделяемых сообществом убеждений, которыми обуславливаются разделяемые его членами правила. Немецкая историческая школа близко подошла к такому пониманию. Джон Коммонс внес свой вклад в такое понимание, анализируя решения английских и американских судов по хозяйственным вопросам (*Commons 1995 (1924)*). Книга Дугласа Норта продолжает эту традицию<sup>76</sup>. Вот как он видит институциональную динамику Советского Союза: «История Советского Союза является историей воспринимаемой реальности → убеждений → институтов → стратегий → изменения представлений о реальности и т.д. Ключевым в ней является то, каким образом убеждения становились иными под воздействием трансформирующегося восприятия реальности как следствия внедряемой политики, а также адаптивная эффективность институциональной матрицы (насколько она чувствительна к изменениям, когда результаты отличаются от намерений) и ограничение изменений в формальных правилах как корректировка к полученным сбоям» (цит. по: (*Норт 2010, 17–18*), см. также: (*North 2005, 4*))<sup>77</sup>.

В этой книге Норт бросает вызов многим устоявшимся нормам экономической дисциплины. Уже на ее первой странице он говорит о том, что невозможно раздельное изучение экономических, политических и социальных изменений (*Норт 2010, 7*). Вместо того, чтобы развивать «изящные» и «элегантные» теории типа теории общего равновесия, он призывает экономистов стремиться к «пониманию скрытого процесса изменений», «выдвигать более конкретные гипотезы в отношении изменений, которые могут колоссально повысить пользу общественно-научных теорий при решении проблем, с которыми сталкивается человечество» (*Норт 2010, 7–8*). Таким образом, вместо элегантности как критерия Норт предлагает ориентироваться на социальную полезность. То, что было камнем преткновения в споре между Менгером и Шмоллером, а именно законы<sup>78</sup> и детерминизм, даже в вероятностной (стохастической) форме отбрасывается Нортом с такой же решительностью, как и Шмоллером. Норт критикует Самуэльсона, для которого «эргодическая гипотеза была существенной для научной экономики». Он не согласен с Солоу, который писал, что «лучшее и наиболее яркое в нашей профессии работает так, как если бы экономика была бы физикой общества» и «существует лишь одна общезначимая модель мира», «все, что нужно сделать, это применить ее». Норт заключает свою критику словами, что «для историка экономики, изучающего десять тысячелетий человеческой истории, начиная с неолитической революции, эргодическая гипотеза является аисторической» (*Норт 2010, 36*). Подобно немецкой исторической школе, сделавшей это более ста лет назад, Норт пришел к выводу, что наши теории неизбежно должны быть разными по отношению к разным географическим регионам мира и разным временным интервалам (*Норт 2010, 33–35*).

<sup>76</sup> Видение Нортом процессов институциональных изменений в книге 2005 г. представляет собой кардинальный разрыв с его видением этих процессов в книге, изданной им в 1990 г. (*North 1990, 86*).

<sup>77</sup> В целом это достаточно реалистичная схема институциональных изменений в СССР. Ее недостатком является то, что акторы в ней представляют собой нечто неразделяемое цельное или, пользуясь терминологией, используемой Нортом же, в ней не выделены «экономические и политические предприниматели». Однако глубокое понимание советской институциональной динамики требует раздельного рассмотрения акторов-законодателей и акторов-исполнителей, а также формальных и неформальных правил и соответствующих им убеждений. Неформальные правила и соответствующие им убеждения акторов-исполнителей, имеющие глубокие исторические корни, в разные моменты советской истории могли облегчать введение новых институтов партийным руководством страны, как это было при коллективизации, а в другие моменты могли этому препятствовать, как это было во время перестройки и постсоветских реформ (см.: (*Yefimov 2001; 2003; Ефимов 2009; 2010*)).

<sup>78</sup> См. (*Менгер 2005 (1883)*), в особенности приложение V.

Как можно объяснить такое резкое изменение методологических и теоретических взглядов Норта? История, которую я сейчас расскажу, может, наверное, помочь ответить на этот вопрос. Являясь в 1992–1993 учебном году приглашённым профессором Экономического факультета Нантского университета, я старался активно участвовать в различных французских научных семинарах, в том числе и выступая с докладами. После моего выступления на этом факультете с докладом «Русская экономическая культура и переходная экономика»<sup>79</sup> один из профессоров факультета, который присутствовал на семинаре, посоветовал мне прочитать недавно появившуюся книгу Норта «Institutions, Institutional Change and Economic Performance». Я быстро приобрел её, внимательно прочитал, и мне очень понравилось, что при анализе институциональных изменений акцент, как мне тогда казалось, делался на зависимости от пройденного пути. Это хорошо укладывалось в то, что я знал о русской аграрной истории, а также в то знание, которое я получил в моём эксперименте по изменению аграрных институтов в Переславском районе Ярославской области. В мае–июне 1993 г. я должен был поехать в США по поводу одного проекта, финансируемого американским Агентством по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), и мне очень хотелось встретиться с автором книги, которая произвела на меня большое впечатление. Я позвонил из Франции в Сент-Луис (штат Миссури), где находится Университет Вашингтона, и секретарь Норта, оказавшаяся очень любезной, сказала мне, что профессора Норта сейчас в университете нет, но я могу позвонить ему по телефону на его ранчо в штате Мичиган, и дала мне номер телефона. Норт согласился меня принять, и мы договорились, что я проведу в Университете Вашингтона в Сент-Луисе пару дней для общения с ним, его сотрудниками и студентами.

Сотрудники Норта, Ли и Александра Бенхэм (*Lee and Alexandra Benham*), встретили меня в аэропорту, и Ли стал моим куратором в Сент-Луисе. В первый день моего пребывания Норт был в дороге, между Мичиганом и Миссури, и я общался с его сотрудниками, в том числе с Джоном Наем (*John Nye*). Кроме того, я встретился в неформальной обстановке со студентами, работающими с Нортом и его сотрудниками, и рассказал им о своём эксперименте по институциональным изменениям в российском сельском хозяйстве. Я был несколько удивлен, что студенты, специализирующиеся на институциональной тематике, в том числе на институциональных изменениях, особого интереса к тому, о чем я рассказывал, не проявили. Мое удивление возросло, когда на следующий день сам Дуглас Норт, который, как мне казалось, интересовался институциональными изменениями в России, особых вопросов после моего рассказа об эксперименте в Переславском районе мне не задал. Ли проинформировал меня, что Даг (*Doug*) вполне вероятно получит Нобелевскую премию, и через несколько месяцев так оно и произошло. Позже я понял, почему, то, что я рассказывал, было всем им неинтересно. Вот, что писал Норт несколькими годами позже: «В нашей области налицо недостаток эмпирической работы <... > Когда Ли Элстон (*Lee Alston*), Трайн Эггертсон (*Thrainn Eggertsson*) и я работали над книгой<sup>80</sup>, в которой хотели собрать эмпирические исследования в рамках новой институциональной экономической теории, у нас были большие трудности в том, чтобы найти достаточное число таких исследований.

<sup>79</sup> В качестве отправной точки своего доклада я использовал понятие «экономическая культура», развиваемое в российской экономической социологии того времени (*Заславская и Рывкина 1991, 111*), и мою структуризацию наполнения этого понятия, которую я предпринял десятью годами раньше (*Yefimov 1981, 194–195*).

<sup>80</sup> Речь идет о книге (*Alston, Eggertsson and North 1996*).

Все потому, что их просто было мало. Нам нужно значительно больше подкреплять эмпирической работой то, что мы пытаемся делать, работой, которая дает ключ к пониманию того, насколько хорошей является теория и что в ней нужно усовершенствовать» (*North 2000, 8–9*). Таким образом, как самого Норта, так и его окружение, эмпирические исследования, если и интересовали, то только для того, чтобы проверять теорию. Ли в разговоре со мной упоминал теорию прав собственности, но я ничего об этой теории не знал и отреагировать на его высказывания по этому поводу не мог, а он (как и другие), в свою очередь, не очень «врубался» в мои описания и «дискурсивный» анализ, проведенных мной институциональных экспериментов<sup>81</sup>.

Через 12 лет после этого, в 2004 г., я встретился с Джоном Наем на Корсике, во время работы ежегодной школы по новой институциональной экономической теории. Большинство участников этой школы были молодые экономисты (аспиранты и постдоки<sup>82</sup>) из разных европейских стран. После одного из заседаний школы, я стал свидетелем того, как Джон Най делился с несколькими участниками советами, которые он получил от Дугласа Норта. Они были связаны с тем, как преуспеть в карьере академического экономиста. Най рассказывал, что Норт советовал начать карьеру академического экономиста, готовя статьи, касающиеся небольших задач в рамках принятого направления исследований. «Постепенно, — продолжал он советы Норта, — вы можете увеличивать масштаб задач и понемногу отклоняться в ваших публикациях от принятого направления. После приобретения некоторого авторитета в профессии можно начать писать не только статьи, но и книги». Най засвидетельствовал следующие слова своего бывшего шефа: «После получения Нобелевской премии можно начать писать все, что вам заблагорассудится». Бывший сотрудник Норта в своей наставнической речи часто использовал рядом со словом «статья» слово «продать». После того, как Джон закончил, я обратился к его слушателям и сказал, что, по моему мнению, мы, экономисты, не должны рассматривать себя как коммерсантов, продающих статьи для публикации в профессиональные журналы. Если уж строить какие-то аналогии с другими профессиями, то наша профессия скорее ближе к жрецам<sup>83</sup>, чем к коммерсантам (*our profession is closer to that of a priest than that of a merchant*). На что Джон, уже после того, как его слушатели (аспиранты и постдоки) разошлись, сказал мне: «Владимир, ты — русский, и, возможно, являешься последователем Достоевского и Толстого, а мне нужно кормить моих детей». Я ничего не ответил Джону, но подумал, что в этом случае, ему, наверное, было бы лучше не становиться академическим экономистом.

Рассказ Ная дает ответ на вопрос, который я поставил выше: чем можно объяснить резкое изменение методологических и теоретических взглядов Норта после присвоения ему Нобелевской премии? Все дело в том, что всю свою профессиональную жизнь до 1993 г. Дуглас Норт был «коммерсантом», а в 1993 г. решил стать «любопытным альтруистом», но было уже поздно. В возрасте 73 лет он «изобрел велосипед», используя элементы дискурсивного подхода, активно практико-

<sup>81</sup> Опыт общения с Дугласом Нортом и его ближайшим окружением можно рассматривать как начало моих исследований действием сообщества академических экономистов, которое я продолжаю до сих пор. Когда-то, наблюдая советскую аграрную институциональную систему и ее сопротивление моим реформаторским воздействиям в Переславском районе, анализируя ее реакции, я получал возможность понять, как она работает. Точно так же институциональная система экономической дисциплины реагирует на мои контакты с ней, давая мне возможность понять ее скрытые механизмы и оценить их силу.

<sup>82</sup> Временная позиция (ставка) в зарубежных вузах и научно-исследовательских учреждениях, которую занимают молодые ученые со степенью PhD.

<sup>83</sup> См. высказывание Фихте на странице 59 о назначении ученого.

вавшего профессией академических экономистов уже во времена Шмоллера и Коммонса, но не смог сделать ничего больше. Ценностные ориентации, которые проповедовал Най на Корсике, являются доминирующими среди представителей мейнстрима на Западе, и «коммерсант» в них хорошо уживается с «эстетом». Что касается экономистов-неортодоксов, то, хотя некоторые из них представляют собой хороших «коммерсантов», в своей массе они тяготеют к «служащему». Однако и ортодоксы, и неортодоксы, те и другие, сейчас являются *писателями статей в академические журналы*, а иногда и книг и не чувствуют особой необходимости для себя способствовать решению реальных экономических проблем; в этом же направлении, как отметил Дэвид Коландер, они и готовят себе смену. Современный американский институт экономической науки, который все больше и больше копируется в Европе, не стимулирует реалистичных исследований и, по меткому замечанию Н.А. Макашевой, толкает экономистов на подготовку таких статей, которые требуют «минимальной стадии до письменного стола» (Автономов, Анянин и Макашева 2008, 762).

В современных условиях полного господства мейнстрима представители различных неортодоксальных направлений объединяются, требуя *плюрализма* в экономических исследованиях и преподавании<sup>84</sup>. Плюрализм нужен и может быть очень полезен для понимания действительности, если его составные части действительно ориентированы на это понимание, чего сейчас в экономической дисциплине не происходит. Поэтому я считаю, что в настоящее время этот лозунг может принести больше вреда, чем пользы, дезориентируя потенциальных сторонников перемен в экономической науке (Yefimov 2010). Хотя многое толкает академических экономистов к типу «коммерсанта», а не «любопытного альтруиста», однако в нынешних условиях только «любопытный альтруист» способен работать как экономист-статистик-историк-антрополог. Для того чтобы экономическая дисциплина постепенно становилась социально полезной необходимо создание «гумбольдтских» условий для тех коллективов академических экономистов, которые будут работать по Коммонсу. Сделать это сможет только сильная политическая воля, озабоченная национальными интересами России. Конечно, предприятиям нужны бухгалтера, финансисты, маркетологи, менеджеры по продажам и тому подобные работники, но кто, где и как готовит экономистов-исследователей? Вот вопрос, ответ на который, по-видимому, определит будущее российской экономической науки. Если подготовка экономистов и впредь будет производиться по нынешним американским учебным планам, то совершенно определенно можно сказать, что российская экономическая наука не сможет успешно выполнять свою социальную функцию. В этой статье я рассказал историю об ином американском опыте, когда на основании идей Вильгельма Гумбольдта и Густава Шмоллера возник висконсинский институционализм (*Wisconsin Institutionalism*) и связанная с ним висконсинская идея (*Wisconsin Idea*). Президент США Теодор Рузвельт охарактеризовал то, что делалось в Висконсине, как «лабораторию экспериментального законодательства, нацеленного на обеспечение социального и политического улучшения положения

<sup>84</sup> К сожалению, многообещающее движение французских студентов, возникшее в 2000 г. против аутизма в экономической науке, выродилось в настоящее время исключительно в требование плюрализма (Fullbrook 2008). Об этом свидетельствует содержание электронного журнала, рожденного движением (см.: (<http://www.raecon.net/>)), а также моя продолжительная беседа осенью 2008 г. с одним из бывших лидеров студенческого движения, Жилем Раво (Gilles Raveaud), в настоящее время достаточно успешно интегрированным в экономическую профессию. Я был удивлен тому, что один из авторов лозунга с требованием выхода из вымышленных миров стал теперь убежденным сторонником устоявшегося видения экономической науки.

всего народа» (*Roosevelt 1912, 2*). Может быть однажды один из президентов России сможет сказать нечто подобное о российском университете, который отважится встать на путь конструктивистского институционализма.

В настоящее время экономическая дисциплина (это относится как к ее ортодоксальному варианту, так и к большинству неортодоксальных направлений) является в познавательном плане абсолютно бесплодной, а в социально-политико-экономическом — вредной. Как утверждают такие разные исследователи, как Митчелл Аболафия и Джозеф Стиглиц, современная экономическая дисциплина не только не смогла понять и предвидеть возникновение пузырей, но и во многом способствовала их надуванию. Оба они пришли к одинаковому мнению и о том, что реформирование американской экономической науки является предварительным условием реформирования экономики США (*Abolafia 2010, 499; Стиглиц 2011, 288*). Пересмотр методологии и истории экономической науки, предпринятый в этой статье, предназначен для того, чтобы служить основой проведения радикальной реформы в области экономических исследований и подготовки кадров для этих исследований. Отталкиваясь от конструктивистского направления в философии и социологии науки, представленного цитируемыми в этой статье авторами (такими, как К. Кнорр-Цетина Б. Латур и Р. Харре), до чьих идей методологи экономической науки в своем большинстве, по-видимому, еще не добрались<sup>85</sup>, я предлагаю проводить экономические исследования на основе дискурсивного подхода, который уже давно используется в других общественных науках. Современная западная экономическая методология является во многом дескриптивной (позитивной) и в значительной степени служит «оправданием сложившейся практики» (*Автономов 2004, 13*). Предложенная мною методология нормативна и, как удачно сформулировал В.С. Автономов, такая «методология науки призвана быть ее совестью — моральным кодексом профессии» (*Автономов 2004, 12*). Приняв этот моральный стандарт, экономисты неизбежно должны покаяться в том вреде, который их дисциплина принесла, и на основе этой рефлексии возродить экономическую науку на другой, здоровой, методологической основе, способной приблизить ее по своей социально-экономической эффективности к естественным наукам. Такое возрождение на конструктивистской основе неизбежно примет форму воскресения немецкой исторической школы Густава Шмоллера и американского институционализма Джона Коммонса. Один из законодателей в области методологии и истории экономической науки, Марк Блауг, практически исключил обе эти школы из своего методологического (*Блауг 2004*) и исторического (*Блауг 1994*) рассмотрения. И сделал он это, как и другие методологи и историки экономической науки, «потому, что их совесть не вполне чиста»<sup>86</sup> (*Автономов 2004, 11*).

<sup>85</sup> Исключением является Д. Уэйд Хэндс. В своей книге «*Reflection without Rules*» («Рассуждение без правил») (*Hands 2001*) он уделяет достаточно много места социологии научного знания, основанной на социальном конструктивизме. Хотя Хэндс и приводит в книге слова Кнорр-Цетиной о «сопротивлении» реального мира воздействиям экспериментатора в лаборатории (*Hands 2001, 192*), он не понял «нормативности» этого положения для методологии экономической науки (*Hands 2001, 208*). Брюно Латур ясно указал на эту нормативность, требуя от обществоведов такого дискурсивного взаимодействия со своим предметом исследования в экспериментальной ситуации, при котором предмет будет «способным возражать тому, что о нем сказано, в полную силу сопротивляться протоколу и ставить собственные вопросы, а не говорить от лица ученых, чьи интересы он не обязан разделять!» (*Латур 2006, 353*). Этот вопрос подробно обсуждался в первой части статьи.

<sup>86</sup> См. статью М. Блауга «*Why I am not a Constructivist. Confessions of an Unrepentant Popperian*» («Почему я не конструктивист. Исповедь не раскаивающегося попперианца») (*Blaug 1994*).



## ЛИТЕРАТУРА

- Аболафия М.* (2004). Рынки как культуры: этнографический подход. В сб.: Радаев В.В. (отв. ред., сост.). Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. 431–444.
- Автономов В.С.* (2004). За что экономисты не любят методологов. В кн.: Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал «Вопросы экономики»». 11–16.
- Автономов В., Ананьин О. и Макашева Н.* (2008). История экономических учений. М.: ИНФРА-М.
- Акерлоф Дж. и Крэнтон Р.* (2011). Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс.
- Ананьин О.* (2005). Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М.: Наука.
- Ананьин О.* (2006). Философия и методология экономической науки. В кн. Лебедев С.А. (отв. ред.). Философия социальных и гуманитарных наук. М.: Академический проект. 353–436.
- Беккер Г.* (2003). Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Бергер П. и Лукман Т.* (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум.
- Блауг М.* (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: АНХ при Правительстве РФ.
- Блауг М.* (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал «Вопросы экономики»».
- Блауг М.* (2008). 100 великих экономистов до Кейнса. М.: Экономическая школа, Омега-Л.
- Блур Д.* (2002). Сильная программа в социологии знания // *Логос*. № 5/6 (35). 162–185.
- Боголюбов А.Н.* (1984). Роберт Гук (1635–1703). М.: Наука.
- Боулз С.* (2011). Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М.: Дело; АНХ.
- Боулз С. и Гинтис Г.* (2006). Вальрасианская экономическая теория в ретроспективе. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: ИД ГУ-ВШЭ. 6. 301–337.
- Бреннан Дж. и Бьюкенен Дж.* (2005). Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа.
- Буайе Р.* (1997). Теория регуляции. Критический анализ. М.: Изд-во РГГУ.
- Веблен Т.* (2006). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: ИД ГУ-ВШЭ. 6. 10–32.
- Воробьев Н.Н.* (1970). Развитие теории игр. В кн.: Нейман Дж., фон и Моргенштерн О. (1970). Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука. 631–702.
- Выготский Л.С.* (1966). Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // *Вопросы психологии*. № 6. 62–68.
- Гамильтон У.Х.* (2007). Институциональный подход к экономической теории // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. № 5(2). 110–117.

Гумбольдт К.В. (2002). О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // *Неприкосновенный запас*. № 2 (22). 5–10. (<http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html>).

Дильтей В. (2000 (1883)). Введение в науки о духе. В изд.: Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги.

Дмитриев Г.Д. (2005). *Анатомия американского университета*. М.: Народное образование.

Дюркгейм Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон.

Ефимов В.М. (1970а). Оптимальные оценки в условиях неопределенности // *Экономика и математические методы*. № 3. 464–469.

Ефимов В.М. (1970б). Исследование стохастических экстремальных задач при помощи функционального анализа // *Кибернетика*. № 3. 63–68.

Ефимов В.М. (1978). К теории управленческих имитационных игр. В кн. *Динамическая и вероятностная оптимизация экономики*. Новосибирск: Наука. 132–174.

Ефимов В.М. (1986). Игровая имитационная модель для исследования проблем хозяйственного механизма // *Экономика и математические методы*. № 4. 651–661.

Ефимов В.М. (1988). *Имитационная игра для системного анализа управления экономикой*. М.: Наука.

Ефимов В.М. (2007а). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // *Вопросы экономики*. № 8. 49–67. (<http://www.ecsocman.edu.ru/text/19146229>).

Ефимов В.М. (2007б). Спор о методах и институциональная экономика // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. № 5 (3). 18–36. (<http://www.ecsocman.edu.ru/text/19135010>).

Ефимов В.М. (2009). Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // *Мир России*. № 1. 74–116. (<http://www.ecsocman.edu.ru/text/24971495>).

Ефимов В.М. (2010). Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // *Вопросы регулирования экономики*. № 3. 8–91. (<http://humper.ru/journals/jer1.3.pdf>).

Заславская Т.И. и Рывкина Р.В. (1991). *Социология экономической жизни. Очерки теории*. Новосибирск: Наука.

Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX в. М.: ИНИОН РАН, 2002.

Касьян А.А. (2008). *Идеология и наука. Дискуссии советских ученых середины XX века*. М.: Прогресс-Традиция.

Кейнс Дж.М. (1993). Альфред Маршалл, 1842–1924. В кн.: Маршалл А. *Принципы экономической науки*. I. М.: Прогресс. 5–55.

Коллинз Р. (2009). *Четыре социологических традиции*. М.: Территория будущего.

Коммонс Дж. (2007). Институциональная экономика // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. № 5(4). 59–70.

Конт О. (2003). *Дух позитивной философии*. Ростов н/Д: Феникс.

Конт О. (2010). *Общий обзор позитивизма*. М.: Либроком.

Кун Т. (2002). *Структура научных революций*. М.: АСТ.

Латур Б. (2002). Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос*. № 5/6 (35). 211–242.

Латур Б. (2006). Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки. В сб.: Вахштейн В. (отв. ред.). Социология вещей. М.: Территория будущего. 342–266.

Леонард Р. (2006). Ценность, знак и социальная структура: метафора «игры» и современное обществознание. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: ИД ГУ ВШЭ. 6. 265–300.

Менгер К. (2005 (1883)). Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. В кн.: Менгер К. Основания политической экономии. М.: ИД «Территория будущего». 289–495.

Менцин Ю.Л. (1993). Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада) // *Вопросы истории естествознания и техники*. № 4. 3–15.

Милль Дж.С. (2007а). Огюст Конт и позитивизм. М.: ЛКИ.

Милль Дж.С. (2007б). Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: ЭКСМО.

Милль Дж.С. (2011 (1843)). Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Ленанд.

Нейман Дж., фон. (1961). К теории стратегических игр. В сб.: Матричные игры. М.: Физматгиз. 173–204.

Нейман Дж., фон и Моргенштерн О. (1970). Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: ИД ГУ-ВШЭ.

Окрепилев В.В. (2007). Лауреаты Нобелевской премии по экономике. 1 (1969–1982). СПб.: Наука.

Окрепилев В.В. (2009). Лауреаты Нобелевской премии по экономике. 2 (1983–1996). СПб.: Наука.

Ослунд А. (1996). Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика.

Парсонс Т. (2000). О структуре социального действия. М.: Академический проект.

Пирс Ч.С. (2000а). Избранные произведения. М.: Логос.

Пирс Ч.С. (2000б). Начала прагматизма. СПб.: Алетейя.

Радаев В.В. (2008). Экономические империалисты наступают! Что делать социологам // *Экономическая социология*. № 9 (3). 25–32. (<http://ecsocman.edu.ru/data/2010/08/25/1214987009/Radaev.pdf>).

Самуэльсон П.А. (2002). Основания экономического анализа. СПб.: Экономическая школа.

Самуэльсон П. и Барнетт У. (2009). О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами. М.: Сколково.

Скидельски Р. (2005). Джон Мейнард Кейнс 1883–1946. Экономист–философ–государственный деятель. 1. М.: Московская школа политических исследований.

Смирнов С.Н. и Сидорина Т.Ю. (2004). Социальная политика. М.: ИД ГУ-ВШЭ.

Смит А. (1997). Теория нравственных чувств. М.: Республика.

- Смит В.* (2008). Экспериментальная экономика. М.: ИРИСЭН; Мысль.
- Солсо Р. и Маклин К.* (2006). Экспериментальная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Стиглиц Дж.* (2005). Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право.
- Стиглиц Дж.* (2011). Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: ЭКСМО.
- Тумилович М.* (2003). Фомализм, экономическое образование и экономическая наука // *ЭКОВЕСТ*. № (3) 1. 102–123. (<http://www.research.by/pdf/2003n1r06.pdf>).
- Фихте И.* (2000). Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Минск: Харвест.
- Флигстин Н.* (2002). Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений. В сб.: Радаев В.В. (сост., научн. ред.). Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН. 119–156.
- Флигстин Н.* (2004). Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам. В сб.: Радаев В.В. (отв. ред., сост.). Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. 185–210.
- Флигстин Н.* (2008). Государство, рынки и экономический рост. В сб.: Радаев В.В. (сост., научн. ред.) Добрякова М.С. Анализ рынков в современной экономической социологии. М.: ИД ГУ-ВШЭ. 313–340.
- Футуботн Э. и Рихтер Р.* (2005). Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета.
- Хайлбронер Р.Л.* (1993). Экономическая теория как универсальная наука // *THESIS*. № 1. 41–55.
- Хайлбронер Р.Л.* (2008). Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. М.: КоЛибри.
- Шлейермахер Ф.* (2004). Герменевтика. СПб.: Европейский Дом.
- Шматко Н.* (2003). «Научная революция» в российской экономике как зеркало радикальной экономической реформы // *Неприкосновенный запас*. № 5 (31). (<http://magazines.russ.ru/nz/2003/5/shmatko-pr.html>).
- Шматко Н.* (2004а). Трансформация российской экономической науки в 1990-е: «событие» или «реформы»? Россия трансформирующаяся. Ежегодник. М.: ИС РАН.
- Шматко Н.* (2004б). «Научная революция» 1990-х годов как «событие» поля экономики // *Журнал социологии и социальной антропологии*. № 5. 153–169.
- Шматко Н.* (2005). «Топосы» российской экономической реформы: от ортодоксального марксизма к радикальному либерализму. Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. М.: Праксис. 149–184.
- Шматко Н.* (2007). «В терновом венце революции...»: отечественная экономическая наука в 1990 году глазами социолога // *НЛО*. № 83 (публикуется на прилагаемом к изданию CD).
- Шнедельбах Г.* (2002 (1991)). Университет Гумбольдта // *Логос*. № 5/6 (35). 65–78. (<http://magazines.russ.ru/logos/2002/5/shedel.html>).
- Шумпетер Й.* (2011). Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Издательство Института Гайдара.

- Щедровицкий Г.П. и Надежина Р.Г.* (1973). О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей // *Вопросы психологии*. № 5. 45–52.
- Abolafia, M.Y.* (2010). The Institutional Embeddedness of Market Failure: Why Speculative Bubbles Still Occur. In: Lounsbury M., Hirsch P.M. (eds). *Markets on Trial. The Economic Sociology of the US Financial Crisis*. Bingley, UK: Emerald. 479–502.
- Aglietta, M.* (1976). *Régulation et crise du capitalisme*. Paris: Editions Calmann-Lévy.
- Aglietta, M. et Rebérioux, A.* (2004). *Dérives du capitalisme financier*. Paris : Albin Michel.
- Alston, L.J., Eggertsson, T. et North, D.C.* (1996). *Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Altmayer, A.J.* (1932). *The Industrial Commission of Wisconsin. A Case Study in Labor Law Administration*. Madison: University of Wisconsin.
- Amable, B. et Palombarini, S.* (2005). *L'économie politique n'est pas une science morale*. Paris: Raison d'Agir.
- Backhouse, R.E.* (2010). *The Puzzle of Modern Economics. Science or Ideology?* New York: Cambridge University Press.
- Baritono, R.* (1993). *La crisi politico-istituzionale negli Stati Uniti fra Otto e Novecento*. Bologna: Il Mulino.
- Béland, D.* (2002). Néo-institutionnalisme historique et politiques sociales: une perspective sociologique // *Politique et Sociétés*. № 3. 21–39.
- Bernstein, M.A.* (2001). *A Perilous Progress: Economists and Public Purpose in Twentieth-Century America*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Blaug, M.* (1986). *Great Economists before Keynes*. London: Whitesheaf Books Ltd.
- Blaug, M.* (1994). Why I am not a Constructivist. Confessions of an Unrepentant Popperian. In: Backhouse R.E. (ed.). *New Directions in Economic Methodology*. London: Routledge. 111–139.
- Blumer, H.* (1969). *Symbolic Interactionism. Perspective and Method*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- Boyer, R. et Mistral, J.* (1978). *Accumulation, Inflation, Crises*. Paris: Presse universitaires de France.
- Boyer, R., Dehove, M. et Plihon, D.* (2004). *Les crises financières*. Paris: La documentation française.
- Braud, Ph.* (1998). *Sociologie politique*. Paris : L.G.D.J.
- Braybrooke, M. et Mofid, K.* (2005). *Promoting the Common Good. Bringing Economics & Theology Together Again*. London: Shephard-Walwyn (Publishers) Ltd.
- Brinton, M.C. and Nee, V.* (1998). *The New Institutionalism in Sociology*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Brousseau, E. et Glachant, J.-M.* (eds). (2008). *New Institutional Economics: A Guidebook*. New York: Cambridge University Press.
- Caillé, A.* (2007). Présentation. *Revue du MAUSS No 30 Vers une autre science économique (et donc un autre monde)*. Paris: La Découverte. 5–28.
- Caillé et alii.* (2007). Un quasi-manifeste institutionnaliste. *Revue du MAUSS. No 30. Vers une autre science économique (et donc un autre monde)*. Paris: La Découverte. 33–47.
- Callon, M. et Latour, B.* (1997). «Tu ne calculeras pas!» — ou comment symétriser le don et le capital. *Revue du MAUSS. 9. Comment peut-on être anticapitaliste?* Paris: La Découverte. 45–70.

*Carlson, M.J.* (1997). Mirowski's Thesis and the «Integrability Problem» in Neo-classical Economics // *Journal of Economic Issues*. № 3. 741–760.

*Charle, Ch. et Verger, J.* (2007). Histoire des universités. Paris: PUF.

*Chavance, B.* (1980). Le capital socialiste. Histoire critique de l'économie politique du socialisme (1917–1954). Paris: Le Sycomore.

*Chavance, B.* (1996). Marx et le capitalisme. La dialectique d'un système. Paris: Nathan.

*Chavance, B.* (2008). Institutional Economics. London and New York: Routledge.

*Coase, R.H.* (1937). The Nature of the Firm. *Economica // New Series*. № 4 (16). 386–405.

*Coase, R.H.* (1984). The New Institutional Economics // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. № 140. 229–231.

*Coats, A.W.* (1993). The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. 2. London and New York: Routledge.

*Colander, D. et Klamer, A.* (1990). The Making of an Economist. Boulder, Colorado : Westview.

*Colander, D., Holt, R.P.F. and Rosser, J.B.Jr.* (2004). The Changing Face of Economics. Conversation with Cutting Edge Economists. Ann Arbor: University of Michigan Press.

*Colander, D.* (2007). The Making of an Economist, Redux. Princeton; Oxford: Princeton University Press.

*Colander, D.* (2009). The Making of an European Economist. Cheltenham: Edward Elgar.

*Commons, J.R.* (1934). Le problème de la coordination du droit, de l'économie et de la morale. In: Recueil d'études sur les sources du droit en l'honneur de François Gény. 3. Recueil Paris: Sirey. 124–144.

*Commons, J.R.* (1964). Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison: The University of Wisconsin Press.

*Commons, J. R. et al.* (1966). History of Labour in the United States: 4 vols. NY: Augustus M. Kelley Publishers.

*Commons, J.R.* (1967). Social Reform & the Church. NY: Augustus M. Kelley Publishers.

*Commons, J.R.* (1990). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers.

*Commons, J.R.* (1995 (1924)). Legal Foundations of Capitalism. New Brunswick: Transaction Publishers.

*Cunningham, W.* (1892). The Pervasion of Economic History // *The Economic Journal*. № 3. 491–506.

*Cunningham, W.* (1894). Why had Roscher so little influence in England? *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. November. 317–334.

*Cunningham, W.* (1902). The Gospel of Work: Four lectures on Christian Ethics. Cambridge: Cambridge University Press.

*Cunningham, W.* (1909). The Moral Witness of the Church on the Investment of Money and the Use of Wealth. Cambridge: Cambridge University Press.

*Davis, L.E. and North, D.C.* (1971). Institutional Change and American Economic Growth. NY: Cambridge University Press.

*Denzau, A. et North, D.* (1994). Shared Mental Models, Ideologies and Institutions // *Kyklos*. № (47) 1. 3–31.

- Denzin, N.F.* (2001). *Interpretive Interactionism*. Thousand Oaks, California: Sage Publications.
- Dow, S.* (2001). *Post Keynesian Methodology*. In: Holt, R. and Pressman, S. *A New Guide to Post Keynesian Economics*. London; New York: Routledge.
- Durkheim, E.* (1955). *Pragmatisme et sociologie*. Paris: Vrin.
- Eliaeson, S.* (2002). *Max Weber's Methodologies*. Cambridge: Polity Press.
- Ely, R.T.* (1884). *The Past and the Present of Political Economy*. Marston Baltimore: Johns Hopkins University.
- Ely, R.T.* (1889). *Social Aspects of Christianity, and other Essays*. NY: Thomas Y. Crowell & Company Publishers.
- Ely, R.T.* (1938). *Ground under our Feet*. NY: Macmillan.
- Evans, P.B., Rueschemayer, D. and Skocpol, T.* (1985). (eds). *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fitoussi, J.-P.* (2001). *L'Enseignement supérieur des sciences économiques en question*. Paris: Fayard.
- Fligstein, N.* (2001). *The Architecture of Markets. An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Foley, D.K.* (2006). *Adam's Fallacy. A Guide to Economic Theology*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Foss, N.J. and Garzarelli, G.* (2007). *Institutions as Knowledge Capital: Ludwig M. Lachmann's Interpretative Institutionalism // Cambridge Journal of Economics*. № 5. 789–804.
- Fourcade, M.* (2009). *Economists and Societies. Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Freedman, C.F.* *Chicago Fundamentalism. Ideology and Methodology in Economics*. Singapore: World Scientific.
- Frobert, L.* (2000). *Le travail de François Simiand (1873–1935)*. Paris: Economica.
- Fullbrook, E.* (ed.). (2003). *The Crisis in Economics. The Post-autistic Economics Movement: The First 600 Days*, London: Routledge.
- Fullbrook, E.* (ed.). (2004). *A Guide to What is Wrong with Economics*. London: Routledge.
- Fullbrook, E.* (ed.). (2007). *Real World Economics: A Post-autistic Economics Reader*. London: Anthem Press.
- Fullbrook, E.* (ed.). (2008). *Pluralist Economics*. London; New York: Zed Books.
- Furner, M.O.* (1975). *Advocacy & Objectivity: A Crisis in the Professionalization of American Social Science 1865–1905*. Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky.
- Gillard, L. et Rosier, M.* (eds). (1996). *François Simiand (1873–1935). Sociologie — Histoire — Economie*. Paris: Editions de archives contemporaines.
- Gislain, J.-J. and Steiner, Ph.* (1999). *American Institutionalism and Durkheimian Positive Economics: Some Connections // History of Political Economy*. № 2. 273–296.
- Goodman, R.B.* (2002). *Wittgenstein and William James*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grimmer-Solem, E.* (2003). *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864–1894*. Oxford: Clarendon Press.
- Hall, P.A. and Taylor, R.C.R.* (1996). *Political Science and the Three Institutionalisms // Political Studies*. № 5. 936–957.

*Hands, D.W.* (2001). *Reflection without Rules. Economic Methodology and Contemporary Science Theory.* Cambridge: Cambridge University Press.

*Harré, R. and Gillett, G.* (1994). *The Discursive Mind.* Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications.

*Harter, L.G.* (1962). *John R. Commons: His Assault on Laissez-Faire.* Corvallis: Oregon State University Press.

*Harter, L.G.* (1967). *The Legacy of John R. Commons // Journal of Economic Issues.* № 1/2 (June). 63–73.

*Hay, C.* (2006). *Constructivist Institutionalism.* In: Rhodes R. A. W., Binder S. A., Rockman B.A. (eds). *The Oxford Handbook of Political Institutions.* New York: Oxford University Press. 56–74.

*Hickman, L.A., Neubert, S. and Reich, K.* (eds). (2009). *John Dewey Between Pragmatism and Constructivism.* New York: Fordham University Press.

*Hodgson, G.* (1975). *Trotsky and Fatalistic Marxism.* Nottingham: The Russel Press Ltd.

*Hodgson, G.* (1982). *Capitalism, Value and Exploitation. A Radical Theory.* Oxford: Martin Robertson & Company Ltd.

*Hodgson, G.M.* (2001). *How Economics forgot History.* London; New York: Routledge.

*Kahneman, D. and Tversky, A.* (eds). (2000). *Choices, Values, and Frames.* Cambridge: Cambridge University Press.

*Keen, S.* (2001). *Debunking Economics. The Naked Emperor of the Social Sciences.* London; New York: Zed Books.

*Keynes, J.M.* (1951). *Essays in Biography.* NY: W.W. Norton & Company Inc.

*Krueger, A.O. et al.* (1991). *Report of the Commission on Graduate Education in Economics // Journal of Economic Literature.* XXIX (3). 1035–1053.

*Latour, B.* (2006). *Changer de société. Refaire de la sociologie.* Paris: La Découverte.

*Latour, B. et Lépinay, V.A.* (2008). *L'économie, science des intérêts passionnés. Introduction à l'anthropologie économique de Gabriel Tarde.* Paris: La Découverte.

*Lebaron, F.* (2000). *La croyance économique. Les économistes entre science et politique.* Paris: Editions du Seuil.

*Lecours, A.* (2005). (ed.). *New Institutionalism. Theory and Analysis.* Toronto: University of Toronto Press.

*Leeson, R.* (2000). *The Chicago Counter-Revolution and the Sociology of Economic Knowledge.* In: Leeson R. (ed.). *The Eclipse of Keynesianism: The Political Economy of the Chicago Counter Revolution.* NY: Palgrave Macmillan. 45–72.

*MacKenzie, D.* (2006). *An Engine, Not a Camera. How Financial Models Shape Markets.* Cambridge, MA: The MIT Press.

*MacKenzie, D., Muniesa, F. and Siu, L.* (2007). *Do Economists Make Markets?* Princeton; Oxford: Princeton University Press.

*McCarthy, Ch.* (1912). *The Wisconsin Idea.* New York: Macmillan.

*Marglin, S.F.* (2008). *The Dismal Science. How Thinking like an Economist Undermines Community.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

*Ménard, C. and Shirley, M.M.* (eds). (2005). *Handbook of New Institutional Economics.* Dordrecht: Springer.

*Mill, J.S.* (1994). *On the Definition and Method of Political Economy.* In: Hausman D. M. (ed.). *The Philosophy of Economics. An Anthology.* Cambridge: Cambridge University Press.



- Mill, J.S. (2008). *Autobiography of John Stuart Mill*. Rockville, Maryland: Arc Manor.
- Mirowski, Ph. (1987). The Philosophical Bases of Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. № 3. 1001–1038.
- Mirowski, Ph. (1988). *Against Mechanism. Protecting Economics from Science*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Mirowski, Ph. (1989). *More Heat than Light. Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mirowski, Ph. and Plehwe, D. (eds). (2009). *The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Moss, D.A. (1996). *Socializing Security. Progressive-Era Economists and the Origins of American Social Policy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Moss, D.A. (2009). An Ounce of Prevention. Financial Regulation, Moral Hazard, and the End of «Too Big to Fail». *Harvard Magazine*. September–October. 25–29. (<http://harvardmag.com/pdf/2009/09-pdfs/0909-24.pdf>).
- Nau, H.H. and Steiner, Ph. (2002). Schmolter, Durkheim, and Old European Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. № 4. 1005–1024.
- Nelson, R.H. (2001). *Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond*. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- North, D.C. and Thomas R.P. (1973). *The Rise of the Western World. A New Economic History*. NY: Cambridge University Press.
- North, D.C. (1981). *Structure and Change in Economic History*. New York; London: W.W. Norton.
- North, D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North, D.C. (2000). Understanding Institutions. In: Ménard C. (ed.). *Institutions, Contracts and Organizations. Perspectives from New Institutional Economics*. Cheltenham: Edward Elgar. 7–10.
- North, D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Orne, M.T. (1962). On the Social Psychology of the Psychological Experiment: With Particular Reference to Demand Characteristics and Their Implications // *American Psychologist*. № 17. 776–83.
- Paley, W. (2003). *Principles of Moral and Political Philosophy*. Indianapolis, IN: Liberty Fund, Inc.
- Paley, W. (2006). *Natural Theology*. Oxford: Oxford University Press.
- Plott, Ch.R. and Smith, V.L. (eds). (2008). *Handbook of Experimental Economics Results*. Amsterdam: North Holland.
- Pouch, T. (2001). *Les économistes français et le marxisme. Apogée et déclin d'un discours critique (1959–2000)*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes.
- Rader, B.G. (1966). *The Academic Mind and Reform. The Influence of Richard T. Ely in American Life*. Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky.
- Raushenbush, P.A. and Raushenbush, E.B. (1979). *Our «U.C.» Story (1930–1967)*. Madison, Wisconsin (издание авторов).
- Riesman, D. (1953). *Thorstein Veblen. A Critical Interpretation*. NY: The Seabury Press.
- Roosevelt, T. (1912). Introduction. In: McCarthy Ch. 1912. *The Wisconsin Idea*. New York: Macmillan. 2–3.

*Rothbard, M.N.* (2006). Origins of the Welfare State in America. August 11, on line. (<http://mises.org/story/2225>).

*Rubinstein, A.* (2006). Discussion of «Behavioral Economics». In: Blundell, R., Newey, W.K., Persson, T. (eds). *Advances in Economics and Econometrics. Theory and Applications, Ninth World Congress (v. 2)*. Cambridge: Cambridge University Press. 246–254.

*Rutherford, M.* (2006). Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and his Students // *Labor History*. № 47. 161–188.

*Rutherford, M.* (2011). *The Institutional Movement in American Economics, 1918–1947: Science and Social Control*. Cambridge: Cambridge University Press.

*Schlabach, T.F.* (1963–1964). An Aristocrat on Trial: The Case of Richard T. Ely // *The Wisconsin Magazine of History*. № (47) 2 (Winter). 149–159.

*Schlabach, T.F.* (1969). *Edwin E. Witte Cautious Reformer*. Madison: State Historical Society of Wisconsin.

*Schmidt, V.A.* (1996). *From State to Market? The Transformation of French Business and Government*. Cambridge: Cambridge University Press.

*Schmidt, V.A.* (2002). *The Futures of European Capitalism*. Oxford: Oxford University Press.

*Schmidt, V.A.* (2008). Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*. № 11. 302–326.

*Schmoller, G.* (1883). *Zur Methodologie der Staats- und Sozial-Wissenschaften*. In: *Schmoller, G.* (1998). *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. Marburg: Metropolis-Verlag. 159–184).

*Schmoller, G.* (1998). *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. Marburg: Metropolis-Verlag.

*Silverman, I.* (1971). Crisis in Social Psychology: The Relevance of Relevance // *American Psychologist*. № 26 (6). 583–584.

*Simiand, F.* (2006). *Critique sociologique de l'économie*. Textes présentés par Jean-Christophe Marcel et Philippe Steiner. Paris: Presses Universitaires de France.

*Simons, R.G.* (1995). *Competing Gospels. Public Theology and Economic Theory*. Alexandria, Australia: E. J. Dwyer Co.

*Shapin, S. and Schaffer, S.* (1985). *Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

*Shapin, S.* (1994). *A Social History of Truth. Civility and Science in Seventeenth-Century England*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

*Skocpol, T.* (1999). Why I am a Historical Social Scientist. *Extensions: Journal of the Carl Albert Congressional Research and Studies Center*. Fall. 16–19.

*Steinmo, S., Thelen, K. and Longstreth, F.* (eds). (1992). *Structuring Politics. Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

*Steiner, Ph.* (1998). *Sociologie de la connaissance économique. Essai sur les rationalisations de la connaissance économique (1750–1850)*. Paris: PUF.

*Steiner, Ph.* (2001). The Sociology of Economic Knowledge // *European Journal of Social Theory*. № (4) 4. 443–458.

*Szenberg, M., Gottesman, A. and Rarattan, L.* (2005). *Paul Samuelson. On Being an Economist*. New York: Jorge Pinto Books, Inc.

*Tarde, G.* (1902). *Psychologie économique: 2 vols*. Paris: Félix Alcan. (<http://classiques.uqac.ca>).

*Tribe, K.* (2002). Historical Schools of Economics: German and English // *Keele Economics Research Paper*. № 2.

*Van Langenhove, L.* (ed.). (2010). *People and Society. Rom Harré and Designing the Social Sciences*. London; New York: Routledge.

*Veblen, T.* (1990). *The Place of Science in Modern Civilization*. New Brunswick: Transaction Publishers.

*Vidal, J.-F.* (2001). Birth and Growth of the Regulation School in the French Intellectual Context (1970–1986). In: Labrousse, A., Weisz, J.-D. (eds). *Institutional Economics in France and Germany. German Ordoliberalism versus French Regulation School*. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag. 13–48.

*Waterman, A.M.C.* (2004). *Political Economy and Christian Theology since the Enlightenment. Essays in Intellectual History*. New York: Palgrave Macmillan.

*Weber, M.* (1989). *Max Weber Selected Works 1908–1932*. New York: Meredith.

*Weintraub, E.R.* (2002). *How Economics Became a Mathematical Science*. Durham; London: Duke University Press.

*Wittgenstein, L.* (2009). *Philosophische Untersuchungen. Philosophical Investigations*. Chichester, UK: Wiley-Blackwell.

*Whalen, Ch.J.* (2008). John R. Commons and John Maynard Keynes on Economic History and Policy: The 1920s and Today // *Journal of Economic Issues*. № 42 (1). 225–242.

*Yefimov, V.* (1979). On the Nature of Management Simulation Games. *Economicko-Matematically Obzor (Review of Econometrics)*. Prague: Academia. 15 (4). 403–416.

*Yefimov, V.* (1981). Gaming-Simulation of the Functioning of Economic Systems // *Journal of Economic Behavior & Organization*. № 2. 187–200.

*Yefimov, V.* (2001). Continuité et recomposition des régimes agraires russes dans le siècle // *Economie et Société. Série «Développement, croissance et progrès», «Développement–III»*. № 9–10. 1439–1473.

*Yefimov, V.* (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan.

*Yefimov, V.* (2010). Vers une autre science économique (et donc une autre institution de cette science). *Revue du MAUSS permanente*. 10 mai (on line — en ligne). (<http://www.journaldumauss.net/spip.php?article686>).